

КОТОВСКИЙ

В. ШМЕРАИНГ

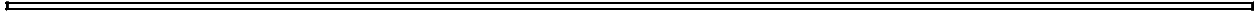
Annotation

В настоящем издании представлен биографический роман о Григории Ивановиче Котовском (1881–1925).

- [В. ШМЕРЛИНГ](#)
- [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
- [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
- [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)

- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)

- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)

В. ШМЕРЛИНГ КОТОВСКИЙ

Я знал т. Котовского, как примерного партийца, опытного военного организатора и искусного командира.

Я особенно хорошо помню его на польском фронте в 1920 году, когда т. Буденный прорывался к Житомиру в тылу польской армии, а Котовский вел свою кавбригаду на отчаянно-смелые налеты на киевскую армию поляков. Он был грозой белополяков, ибо он умел «крошить» их, как никто, как говорили тогда красноармейцы.

Храбрейший среди скромных наших командиров и скромнейший среди храбрых — таким помню я т. Котовского.

Вечная ему память и слава.

И. Сталин

И. В. Сталин, Сочинения, том 8, стр. 99.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
АКТИВНЫЙ МСТИТЕЛЬ

Глава первая ГАНЧЕШТЫ

В Бессарабии, в глубокой долине, среди огородов, плантаций табака и виноградников, течет мелководная речушка Когыльник.

Когыльник протекал по землям князя Манук-Бея. В долине, у речки и вдоль грунтовой дороги на Кишинев, раскинулось большое волостное местечко Ганчешты.

В центре местечка размещались лавки, лабазы, придорожные кузницы, трактиры, дома купцов, две церкви и синагога. На окраинах ютились небольшие домишки бедноты и селян.

В стороне от Ганчешт, на пригорке, окруженный дубовой рощей, высился белый дворец князя Манук-Бея. Манук-Бей был одним из богатейших землевладельцев Бессарабии. Ему принадлежало имение площадью более пяти тысяч десятин, огромный тенистый парк, плодовые сады, кудрявые виноградники.

По сравнению с необозримыми помещичьими землями особенно жалкими выглядели лоскутки крестьянских наделов.

Дворец Манук-Бея возвышался над степными просторами. Сверкающий белизной и великолепием, он словно придавливал собой и без того приземистое местечко. Манук-Бею были подвластны не только Ганчешты, но и все окрестные села.

Отличавшийся предприимчивостью, Манук-Бей в конце семидесятых годов прошлого столетия начал строить винокуренный завод.

На постройку завода из Каменец-Подольской губернии в Ганчешты приехали два брата Котовские. Старший — Петр Николаевич был архитектором, младший же, Иван Николаевич — механиком. Происходили

они из семьи военного. Отец их вышел в отставку в чине полковника. За поддержку участников одного из польских восстаний против царского правительства он был лишен дворянства, и сыновья его приписались к мещанскому сословию.

Ганчештский спиртовой завод был выстроен на плавунах, без свай и без фундамента, из больших серых камней. Спирт гнали из кукурузы. Тяжелый запах разносился далеко от мрачных корпусов. Высокая кирпичная труба, упиравшаяся в голубое небо, почернела от копоти. По дороге к заводу непрерывным потоком тянулись широкие арбы, наполненные кукурузой.

Иван Николаевич Котовский остался работать на заводе главным механиком, получая в месяц пятьдесят рублей жалованья. Вначале жил он с семьей в заводской казарме, а потом построил близ местечка, по соседству с усадьбой бедняка Федора Ромашкана, небольшую хатенку, такую же, как у молдавских селян. Над дверью, как полагалось, повесили подкову «на счастье». Вокруг хаты разбили небольшой виноградник.

В метрической книге ганчештской церкви за 1881 год появилась новая запись о том, что «у мещанина Ивана Николаевича Котовского и законной жены его Акулины Романовой двенадцатого июня родился сын Григорий». Это был четвертый ребенок в семье.

...Каждое утро, как только раздавался гудок, Иван Николаевич шел торопливой походкой на завод.

Свое свободное время он обычно проводил дома: что-нибудь мастерил, ухаживал за молодыми, посаженными им деревьями, а вечером, когда жена нянчила детей, читал ей вслух журнал «Нива».

Главного механика Котовского ценили за знания, исполнительность и исключительную честность. В Ганчештах все относились к нему с уважением, а рабочие на заводе часто просили его быть крестным отцом их детей.

Через два года семья главного механика увеличилась — родилась дочь Мария. Но ее рождение принесло большое горе семье: от родильной горячки скончалась мать. На руках Ивана Николаевича остались малолетние дети и грудной ребенок. Иван Николаевич тяжело переносил утрату. Несмотря на свою молодость, он даже не помышлял о вторичной женитьбе.

Гриша Котовский рос без материнской ласки и любви. Мать, высокую блондинку с голубыми глазами, он помнил только по скупым рассказам старшей сестры и соседей. Все говорили о том, что он больше других детей походил на мать. В Ганчештах Акулину Котовскую считали красавицей,

любили её за скромность и застенчивость, за приятный голос. Укачивая своих детей, она негромко напевала русские песни.

Григорий Котовский с самых малых лет говорил и по-русски, и по-молдавски. Трудно было сестрам уследить за младшим братом. Он рос вместе с другими ганчештскими ребятами, детьми рабочих и батраков Манук-Бея и молдавских селян. Родители от темна и до темна трудились на поле, на виноградниках, на заводе. Детишки же, оставляемые без присмотра, забавлялись у большой дороги на Кишинев. Здесь они, вооруженные деревянными мечами, играли в войну. Победенных стегали крапивой. Гриша всегда предводительствовал в таких играх, устраивал засады и внезапные набеги, первым бросался на «противника».

Часто пробирался он на винокурный завод. Особенно нравилось ему машинное отделение. Слушая однообразный гул машин, мальчик наблюдал за работой отца. Он заглядывал в давальни, во внушительные кадки и железные чаны. В свободные минуты отец брал сына на руки, и его обычно суровое лицо оживлялось улыбкой. Гриша подолгу бродил по заводу.

Любил он также лазить по крышам и чердакам. Однажды, взбираясь на крышу, он сорвался и полетел вниз. Это случилось, когда ему было семь лет. Мальчика без чувств принесли домой. Он долго пролежал в постели, некоторое время совсем не мог говорить, а когда речь вернулась, стал заикаться. Заикание проходило постепенно, но следы его остались на всю жизнь. Выздоровев, Гриша, как и прежде, продолжал бегать и лазить повсюду. С ватагой мальчишек носился он по улицам, местечка, по базару, заглядывал в кузницы, смело вступал в разговоры со взрослыми. Всегда веселый, живой, он становился молчаливым и задумчивым, слушая грустные, протяжные молдавские песни. Всякий раз бежал он на окраину, когда селяне собирались там в круг и начинали танцы.

С детства Гриша любил музыку и, разыскав заброшенный Корнет, по слуху подбирал любимые мотивы. Он рос среди молдаван, слышал, как пели дойны сторожа на виноградниках и сам играл, подпевая по-молдавски.

Здесь же, в Ганчештах, Гриша Котовский был отдан в народное двухклассное училище.

Котовский учился хорошо. Его успехами были довольны учителя, но зато они не знали, как обуздать его живость и энергию. Он рос сказочно сильным. Во время перемен Гриша затевал игру: повиснут на его руках пять человек, а он всех держит. Никто из товарищей по ганчештской школе не мог разогнуть его согнутую в локте руку; никто не мог так далеко забросить камень и бешено промчаться на самой резвой неоседланной

лошади.

Сыновья ганчештских лавочников, кулаков и шинкарей, живших на главной улице местечка, побаивались сына механика винокуренного завода. Однажды в школе один из них накинулся на батрачонка. Гриша заступился за своего товарища и избил обидчика.

Механика Котовского не раз вызывали в училище и требовали большей строгости к сыну. Но дома мальчик был совсем другим. Он был нежен с сестрами, нянчил младшую, Марию, старался не шуметь, когда отец усталый приходил с завода.

Однажды отец вернулся с завода домой измученный, в мокрой одежде.

Весь день провел он за ремонтом парового котла. Сам вполз в него, долго возился, а потом вышел на сквозной ветер. Отец простудился. Около года пролежал он в постели. Простуда перешла в чахотку. В начале 1895 года Иван Николаевич Котовский умер, оставив детей без всяких средств к существованию; за всю свою трудовую жизнь он не мог из своего жалованья отложить ни копейки.

Григорий тяжело переживал смерть отца. В доме стало тоскливо. Мальчик старался как можно меньше бывать дома. Он дружил со взрослыми, помогал в кузнице молотобойцам.

«Все свое детство я проводил в заводских казармах рабочих, и их тяжелая, кошмарная жизнь наложила на мою душу свою печать». — Так вспоминал Котовский о своем детстве.

Старшая сестра Софья вышла замуж за управляющего винокуренным заводом Горского. Все в доме изменилось. Появились новые, дорогие вещи, ковры и посуда. Горский требовал к себе особого почтения. Он тянулся к богатству и знати. Управляющий сразу же не влюбил своего шурина — подростка, который отличался «плохим поведением» в училище и всяческими проделками.

Однажды, во время семейной ссоры, Горский замахнулся на жену. Гриша схватил его за руку. Тот весь затрясся от возмущения. Гриша выбежал из комнаты, Горский погнался за ним, но не догнал. С этого дня он еще больше возненавидел мальчика.

Раньше в семье считали, что Гриша обязательно получит военное образование. Горский же рассудил иначе, — какой мол военный выйдет из заики — и, решив избавиться от своего беспокойного родственника, отдал его в низшую сельскохозяйственную школу. Сам князь Манук-Бей по просьбе Горского взялся хлопотать перед земством, чтобы сына умершего механика Котовского приняли на казенный кошт.

Осенью 1896 года Котовский покинул родной дом и выехал на подводе

в село Кокорозены, Чеколтенской волости, Оргеевского уезда, где помещалась сельскохозяйственная школа.

Глава вторая

В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ШКОЛЕ

Кокорозенская школа была открыта бессарабским земством 1 мая 1893 года на арендованной монастырской земле. В школе-готовили младших агрономов, специалистов по виноградарству и табаководству для частных хозяйств. Школа помещалась в самой глубине Бессарабии, далеко от железной дороги. Осенью и (весной, а часто и в зимнее время, трудно было добраться до Кокорозен. Неделями и месяцами школа была отрезана от внешнего мира. Проселочные степные дороги превращались в сплошное месиво густого, липкого чернозема. В декабрьскую распутицу с трудом добирались до Кокорозен новички, приезжавшие в школу держать приемные экзамены. Сюда ехали из Оргеевского, Кишиневского, Бельцкого, Измаильского уездов Бессарабии и даже с Украины. Особенно стремились в кокорозенскую школу дети несостоятельных родителей, молдавских крестьян. Прошений поступало намного больше, чем было вакантных мест. Пятнадцатилетние мальчики, принятые в школу, должны были изучить здесь за четыре года общеобразовательные предметы: арифметику, географию, химию и ботанику; пройти теоретический курс земледелия и скотоводства, а, самое главное, приобрести необходимые практические знания. Школе принадлежали богатые угодья. Она славилась своими пашнями и садами.

С декабря по март ученики школы проходили в классах специальные предметы, закон божий, историю; ранней же весной занятия переносились в поле. На огороде, пчельнике, на табачной плантации, в питомнике, при сушке фруктов и овощей работали ученики. Каждому отводился небольшой участок, на котором он в течение года производил все работы: вспашку и посев, уборку, молотьбу и очистку семян.

Практические занятия не прекращались и зимой. Ежедневно ученики подготовительного класса пилили и кололи дрова, чистили скотный двор; ученики же старших классов очищали семена, приготавливали веники, резали свеклу, солому, кукурузные стебли, ремонтировали инвентарь, изготовляли гайки, подковы.

Ученики школы разделялись на казенно-коштных и свое-коштных. Те и другие жили в школе на полном пансионе. Жили они в главном трехэтажном здании. Летом учебный день начинался с восхода солнца; зимой же и осенью ученики вставали в шесть часов утра.

Григорий Котовский учился с увлечением. Помимо книг, подростка интересовали и способы прививки виноградной лозы, и выведение и кормление шелковичных червей.

Ученики школы по очереди в течение месяца, а то и больше, исполняли обязанности дежурных по какой-либо отрасли хозяйства. Они вели все необходимые записи, по вечерам составляли наряд на работы, а по окончании месяца — отчет о своей деятельности.

Григорий доил коров и заботливо выращивал телят. Он тщательно следил за чистотой коровника, за правильностью кормления скота, умело варил сыры и аккуратно вел записи в молочной книге.

Принимая дежурство, он надевал чистый фартук с металлической бляхой, на которой было выведено: «Дежурный по молочной», и сразу становился серьезным и степенным.

Преподаватель молочного дела всегда ставил Котовского в пример другим. Этот ученик не уйдет спать, пока не осмотрит всех коров, не проверит, хорошо ли они привязаны, и не подложит им на ночь чистую подстилку.

Григорий любил работать и на мельнице. Он часами пропадал у паровика и жерновов, исполнял обязанности то кочегара, то механика и особенно ловко насекал камни.

Котовского любили в школе. На работах он помогал слабосильным, учил, как мотыжить и косить. Товарищи уважали его за силу и ловкость, и все хотели ему подражать. Он с увлечением занимался шведской гимнастикой, скакал на необъезженных конях, хорошо знал все кавалерийские сигналы и часто звонко оглашал окрестность, играя на трубе то «атаку», то «седловку».

Наставник Николай Потапович Комаровский недолюбливал Котовского. Григорий нередко донимал наставника тем, что в самое неурочное время подражал голосам животных. Однажды вечером, когда товарищи его легли спать, он открыл двери всех комнат и большого зала, пробрался в парк и начал выть по-волчьи. Ведь, бывало, не раз к зданию школы подходили волчьи стаи! И ученики боялись волков, рассказывали о них всевозможные страшные истории. Теперь же им казалось, что волки подошли совсем близко.

Все проснулись. Многим было не по себе от тоскливого воя, эхо которого гудело в пустом зале. Они закрывались с головой одеялом и прятались под матрацы. На облаву волков вместе с Комаровским вышли наиболее храбрые из старших учеников. Вместо волков, за углом одного из сараев, они увидели «звукоподражателя». Товарищи смеялись.

Комаровский же был разгневан и не знал, какое придумать наказание.

До сих пор одну из аллей в парке при школе называют «аллеей Котовского». Рассказывают, что Григорию, в наказание за шалости, при посадке этой аллеи было приказано вырыть все ямы для белой акации. Мальчик обрадовался этому наказанию, а ямы копать ему помогли товарищи.

В свободное от занятий время воспитанники школы играли в кегли и в мяч, обучались танцам, а по субботам собирались у волшебного фонаря и смотрели туманные картины.

Напротив главного здания была выстроена специальная веранда для оркестра. В школьном оркестре Котовский играл на корнете, а иногда заменял капельмейстера.

Кокорозенская школа славилась на весь Оргеевский уезд своим хором. Пел в хоре и Котовский. Наставник Комаровский, одновременно преподававший церковное и светское пение, несмотря на то, что недолюбливал Григория, зачастую прощал ему многие его проказы, невольно заслушиваясь голосом Григория, когда тот пел соло.

В праздничные дни Котовский, несмотря на то, что это запрещалось, тайком ходил на жок^[1] в соседние села. Все собравшиеся становились в круг, брались за руки и начинали танец под звуки скрипки, барабана, кобзы или волынки. Григорий танцевал степенно, задумчиво и серьезно, а потом присоединялся к музыкантам и без усталости играл на корнете.

В рождественские каникулы большинство учеников разъезжалось по домам, Григорий же обычно оставался в Кокорозенах. Он жадно читал книги, особенно увлекаясь историей. Вместе с книгами, которые привозились из Кишинева, в школу попадали революционные листовки и прокламации. Григорий умело прятал их. С товарищами забирался он то в глухой овраг, то в густые кусты терновника и там читал им вслух листовки. В листовках говорилось о тяжелой доле трудового народа, о борьбе за свободу, о том, что крестьяне должны перестать платить арендную плату за землю. Читали запретные листовки, а потом задушевно пели революционные песни.

Если раньше Григорий Котовский был первым в шалостях и забавах, то, повзрослев, он постепенно начал становиться идейным вожаком учеников школы.

«Здесь впервые уже начала оформляться моя личность протестанта против существующего порядка вещей. Эти протесты выливались в стихийные, неорганизованные формы, но я уже являлся вожаком, за которым зачастую шли воспитанники даже старших классов». — Так

рассказывал Котовский, вспоминая о Кокорозенах.

Революционные листовки раскрывали глаза ученикам школы на окружавшую их действительность.

В Кокорозенах мальчикам приходилось выполнять непосильные работы. Практические занятия превращались здесь в обычную эксплуатацию малолетних. В школе избегали применять наемную силу, и в дни страды подростки буквально падали от усталости.

Огромное хозяйство школы приносило большие барыши, а питание учеников было более чем скудным.

Однажды во время обеда учащиеся взбунтовались. Требуя лучшей пищи, они стучали металлическими тарелками и бросали их на пол. Отказавшись пойти в свои спальни, они ударили в колокол и разбежались по полям, оврагам и окрестным селам.

Из Оргеева был срочно вызван урядник. Вместе с такими школьными жандармами, как Комаровский, он принялся ловить непокорных учеников.

После того, как был водворен порядок, родителям и опекунам юных бунтовщиков, среди которых главным зачинщиком был Григорий Котовский из Ганчешт, были разосланы предупредительные письма...

...Зимой 1900 года Григорий Котовский одним из первых закончил кокорозенскую школу. Это был четвертый выпуск, который отмечался торжественным актом. Бывшие питомцы кокорозенской школы, уже работавшие в разных хозяйствах, быстро завоевали себе репутацию толковых агрономов и виноделов.

«Из всей прожитой мною жизни время пребывания моего в кокорозенском сельскохозяйственном училище является самым светлым, ярким и радостным...», — писал Котовский в одном из своих писем. Он всегда с гордостью говорил о том, что он по образованию агроном. Несмотря на то, что учение протекало в тяжелых условиях, он ценил кокорозенскую школу. Она дала ему много практических знаний, которые по-разному в разные годы пригодились ему. Здесь были у него единомышленники, вместе с ними он познал радость первых свободолюбивых мечтаний.

Котовскому шел двадцатый год. Это был высокий, стройный и мускулистый юноша, с первого взгляда обращавший на себя внимание. Голос у него был музыкальный и задушевный, а небольшие, слегка прищуренные глаза светились умом.

Школа была окончена, но для получения диплома выпускники должны были больше полугода проработать практикантами в помещичьих хозяйствах.

Двадцатого декабря 1900 года Котовский прибыл на станцию Кайнары и направился на хутор Валя Карбуна, в имение помещика Мечеслава Скоповского.

Глава третья

ПРАКТИКА

Скоповский радушно принял молодого агронома. Практикант располагал к себе, а, кроме того, он приехал с похвальным отзывом, в котором отмечались его административные способности. Скоповскому нужен был такой человек, чтобы навести порядок в хозяйстве, и Котовский стал исполнять обязанности управляющего имением. Скоповский был доволен. Наконец-то ему попался дельный управляющий.

Котовский держал себя с достоинством, был ровен и прост со всеми.

Скоповский хвалил практиканта, а сам поручил своим верным людям следить за каждым его шагом. И вскоре они стали доносить хозяину, что молодой агроном не только распоряжается работами и учит батраков, как лучше сделать то или другое, но подчас и сам работает вместе с ними, а, главное, ведет с ними, как с равными, всякие разговоры о жизни.

Наступила осень. Закончили уборку хлебов, молотьбу; были проведены озимые посевы. Котовский давно уже должен был получить отзыв о своей работе практиканта. За это время он не только с успехом применял на практике полученные им агрономические знания, но и сделал для себя некоторые выводы. Здесь молодой Котовский узнал то, о чем не рассказывали ученикам сельскохозяйственной школы их преподаватели. Котовский хорошо понял, что представляют из себя на самом деле «культурные» помещичьи хозяйства. Он видел, как жили батраки Скоповского. Полуголодные, одетые в лохмотья, они ютились в тесных помещениях с низкими потолками. Своими сильными и мозолистыми руками они не в состоянии были заработать себе на пропитание. Несчастные женщины с изможденными лицами не могли разогнуть спины после работы. Батраков душила нужда. Котовский видел все это и думал: одному — все, другому — ничего. У одного руки в перстнях, у другого — в мозолях. Батраки, наживая себе горб, трудятся для того, чтобы Мечеслав Скоповский богател, объедался роскошными блюдами, покупал себе новых рысаков.

Неужели и ему, Котовскому, суждено стать панским приспешником? Он не раз слышал от отца: «Будь беден, да честен». С юношеских лет в нем бродила ненависть к богачам и жажда справедливости. Григорий мог стать рачительным управляющим, войти в доверие к помещику, жить в довольстве. Но он пренебрег этим.

Всем сердцем был он на стороне бедняков и угнетенных.

«...И здесь с ужасающей ясностью сталкиваюсь с огромной нищетой того, кто создает все богатства помещику, с беспросветной жизнью батрака, с его 20-часовым рабочим днем; я сталкиваюсь с батраком, у которого нет во всей его тяжелой, кошмарной жизни ни одной светлой, человеческой минуты — с одной стороны, и со сплошным праздником, полной роскошью жизни, жизни паразитов, безжалостных, беспощадных эксплуататоров — с другой», — писал Котовский в своей автобиографии.

Он служил помещику, но к людям, работавшим на помещика, относился тепло и по-человечески, всячески старался облегчить их участь. С молдаванами разговаривал он по-молдавски, подробно расспрашивал их, из каких они сел, об их семьях...

Недаром Котовский был под подозрением у помещика. Слишком открытый, смелый и даже вызывающий у него взгляд. Скоповский втайне ненавидел своего практиканта. В присутствии Григория он нарочито грубо и жестоко обращался со своими подчиненными.

Как-то зимой Скоповский приехал в имение. Помещик был не в духе, вероятно, после большого проигрыша. Он ходил по имению и ко всему придирался. В казарме он застал отдыхающих рабочих.

— Я не потерплю у себя дармоедов! — рассвирепел Скоповский. Пинком ноги он поднял одного из лежавших, а когда тот вытянулся перед ним, схватил его за рубаху, начал трясти и бить хлыстом.

Как вы смеете так обращаться с людьми?! — чуть заикаясь, заговорил Котовский.

Скоповский гневно посмотрел на Котовского (он не привык к возражениям), взмахнул хлыстом и ударил практиканта по щеке. — Бунтовщик, ты будешь народ бунтовать?!

Удар помещичьего хлыста разъярил Котовского. Не помня себя, он схватил Скоповского, поднял его и с размаху выбросил в открытое окно. На Григория накинулись слуги помещика и начали избивать дубинками и плетками; одолев его, они связали Котовского и бросили в сарай. Потом к сараю подъехала подвода. Приказчик повез Котовского в степь. Григорий просил развязать ему руки и ноги, но приказчик не соглашался: барин приказал сбросить практиканта связанным, не доезжая верст пять до станции.

Приказчик выполнил приказание помещика. Оставленный в степи раздетым, без пальто, Котовский долго ползал по снегу, пока ему не удалось разорвать веревки. Он весь горел возмущением и обидой; он не ожидал такого дикого произвола, такой несправедливости. Он шел по степи

и мысленно произносил слова клятвы: отомстить за все Скоповскому и другие помещикам-извергам.

Скоповский же не успокоился. После случившегося он долгое время ходил в кровоподтеках и пластырях. Горя мезтью, он сочинил донос на непокорного практиканта. Помещик обвинял Григория во всевозможных злоупотреблениях, а, главное, в том, что Котовский настраивал против него батраков.

Вскоре во всех богатых домах узнали о том, что бывший служащий Скоповского неблагонадежен.

Котовский никак не мог устроиться на работу. Он решил поискать счастья в родных Ганчештах. К тому времени князь Манук-Бей умер, а имение его арендовал богач Назаров. Котовский передал ему через лакея письмо и, спустя несколько минут, сам услышал, стоя у открытого окна, как Назаров сказал:

— Это тот самый молодец, которого выгнал Скоповский. Хорош гусь, а еще просит о службе.

Не дожидаясь ответа, Котовский повернулся и пошел пешком в Кишинев.

Трудно было опровергнуть наветы Скоповского. Повсюду у того были влиятельнейшие связи. Котовский долгое время оставался без работы. Он давно уже заложил все свои вещи. Наконец, ему представилась возможность поступить на работу к известному в Бессарабии помещику — богачу Семиградову в имение Шишканы. Но Семиградов потребовал от молодого человека рекомендательный отзыв. И Котовский сам составил отзыв, подписав его именем херсонского землевладельца Якунина. Рассчитывая, что эта бумажка поможет ему, наконец, устроиться на службу, он был вынужден поставить подложную подпись, так как знал, что никто из бессарабских помещиков не даст ему рекомендации. Семиградов обнаружил подлог. Котовский находился под следствием по доносу Скоповского, а теперь Семиградов заявил еще о совершенном подлоге. Котовского арестовали.

Факт подлога был неопровержим. У Котовского не было ста рублей, чтобы внести залог, как предложил ему судебный следователь, и двадцать четвертого декабря 1902 года Григорий Иванович был посажен в кишиневскую тюрьму. Это был для него страшный, незабываемый день. Его поместили в так называемый «грабительский» коридор. Перед ним открылся совершенно новый мир.

«Тюрьма и ее режим произвели на меня колоссальное впечатление и дали огромный толчок моей стихийной революционной психологии», —

писал Котовский, вспоминая о первом своем аресте.

Здесь, сидя в заключении, он многое передумал. В его памяти проходили картины нищенской, бесправной жизни рабочих, молдавских крестьян и батраков, картины издевательств власть имущих над бедными людьми. Ненависть к угнетателям и насильникам разгоралась в его душе. Вместе с ворами и убийцами в тюрьме сидели бедняки, не смогнувшие внести недоимки. Многих из находившихся здесь на преступления толкнули невыносимые условия жизни.

В тюрьме Котовский заболел нервной горячкой и около двух недель пролежал в тюремной больнице.

После отбытия срока наказания Котовский был освобожден. Прямо из тюрьмы он пошел пешком в Ганчешты. В местечке он разыскал свою сестру Елену, которая вышла замуж за ганчештского селянина. Увидев Григория, сестра ужаснулась: так изменился он за несколько месяцев. Она согрела воду и начала мыть в корыте его голову; намыливая его каштановые, мягкие волосы, сокрушалась и приговаривала: «Ах, Гриша, Гриша, не легко живется тебе. И когда же ты, наконец, устроишься, как другие...»

Несколько дней погостил Котовский у сестры, а потом пошел наниматься на работу. Из-за судимости ему всюду отказывали. Тогда он поступил в имение простым рабочим, где ему было положено пять рублей жалованья в месяц и харчи на черной кухне. Потом служил лесным объездчиком в Молештах, Бендерского уезда. В 1903 году он работал в имении Недова поденным рабочим, а по окончании сезонных работ, в сентябре, поступил рабочим на пивоваренный завод Раппа.

В феврале месяце 1905 года Котовский был вызван к воинскому начальнику города Балты и назначен в девятнадцатый пехотный костромской полк в город Житомир. Вскоре он не поладил со своим фельдфебелем и был посажен на гауптвахту, как бунтовщик.

В это время по всей стране нарастало революционное движение, и царское правительство посылало воинские части для усмирения восставших рабочих и крестьян.

Котовский не мог представить себе, что ему придется быть карателем, стрелять в рабочих и крестьян. Он давно уже избрал себе путь и понимал, что именно в эти дни он должен быть вместе с народом, борющимся за свою свободу.

«Политические стачки рабочих встряхнули всю страну. Вслед: за городом стала подниматься деревня. С весны начались крестьянские волнения. Крестьяне огромными толпами шли против помещиков, громили

их имения, сахарные и винокуренные заводы, поджигали помещичьи дворцы и усадьбы. В ряде мест крестьяне захватывали помещичью землю, прибегали к массовой порубке леса, требовали передачи народу земель помещиков. Крестьяне захватывали помещичий хлеб и другие припасы, делили их между голодающими. Помещики в испуге вынуждены были бежать в города. Царское правительство посылало солдат и казаков для подавления восстания крестьян. Войска расстреливали крестьян, арестовывали „зачинщиков“, пороли и истязали их. Но крестьяне не прекращали борьбы»^[2].

Котовский не забыл удара помещичьего хлыста, он не забыл своей клятвы, которую дал в февральскую ночь в степи. Скоповские и Семиградовы были его давними врагами. Всею душой стремился он принять участие в борьбе трудящихся с царским правительством. Он совершил побег из полка и 4 июня 1905 года вернулся в Бессарабию.

Котовский не имел ни денег, ни связей. Он был поденщиком, которого из милости принимали на временную работу. Если раньше он только со стороны видел, как богачи угнетают бедняков, то теперь сам испытывал участь эксплуатируемого человека, обреченного на полуголодное существование. Он решил восстать против угнетателей.

Свою борьбу он начал понимать как часть общей революционной борьбы народа. Григорий Котовский стал одним из вожаков стихийного крестьянского движения в Бессарабии.

Глава четвертая

АКТИВНЫЙ МСТИТЕЛЬ

Шел 1905 год... Революционная волна докатилась и до Бессарабии.

Крестьяне выражали протест против кабальных договоров с помещиками, гнали из сел скупщиков вина, которые, пользуясь безвыходным положением виноградарей, за бесценок скупали вино будущего урожая.

Когда в села приезжали сборщики налогов и требовали выкупные за пользование наделом земли, земские и государственные налоги, бедняки, доведенные до крайней нищеты, отказывались платить.

Начались волнения... В Бессарабии, на этой окраине царской России, где силы революции были расплывены и слабы, где не было никакой промышленности, кроме паровых мельниц, крестьяне поднялись против власти помещиков и жандармов. Запылали барские усадьбы.

На дорогах появилась конная стража и карательные отряды. Драгуны охраняли владения бессарабских помещиков, усадьбы и мельницы. Но карательные отряды не могли остановить стихийного движения молдавских крестьян.

Крестьяне захватывали и запахивали земли помещиков и монастырей, вырубали помещичьи и казенные леса.

Свои действия они объясняли тем, что эта земля принадлежала их отцам и дедам, а помещики отняли ее у них обманом. Самочинные запашки были очень скромны: по одной, по две десятины на двор. Движение разрасталось с каждым месяцем.

Бессарабский губернатор Харузин обратился с воззванием к сельскому населению: «В селах и деревнях, как сделалось известным, распространяются слухи о предстоящем будто дополнительном наделе крестьян землею. При этом толкуется, будто правительство распорядится отнятием части помещичьей земли для передачи крестьянам. Поэтому в некоторых местностях толкуют, что весной следует приступить к самовольной запашке земель помещиков.

В других местностях крестьяне приступили к самовольной порубке чужого леса.

Все они подвергнуты наказанию. Предостерегаю сельское население от беды, которая неминуемо грозит ему при всяком нарушении права помещика. Самовольный же захват чужой земли или самовольная порубка

леса, будь то у казны, у помещика или монастырей — безразлично, будет, как и всякое другое насилие, строжайше преследоваться.

...18 января в Царском селе имели счастье представляться: государю императору крестьяне Щигровского уезда Курской губернии. Во время приема его императорское величество изволил сказать крестьянам следующие слова, относящиеся ко всем крестьянам России:

Я очень рад вас видеть. Вы, братцы, конечно, должны знать, что всякое право собственности неприкосновенно. То, что принадлежит помещику — принадлежит ему; то, что принадлежит крестьянину — принадлежит ему. Земля, находящаяся во владении помещиков, принадлежит им на том же неотъемлемом праве, как и ваша земля принадлежит вам. Иначе не может быть, и тут спора быть не может» [3].

Но, несмотря на все предостережения, «спор» продолжался. Аграрные волнения в Бессарабии вспыхнули с новой силой. Они разгорались стихийно. К тому же начался голод. Голодающие стали добывать себе кусок насущного хлеба «захватным правом». Голод пришел и в Ганчешты. Крестьяне заходили в местечковые лавки и самовольно разбирали муку у торговцев, отказывались платить высокую арендную плату за землю. В Ганчешты были вызваны две роты пехоты. 7 января 1906 года исправник предложил волостному правлению установить пикеты и разъезды по всем дорогам. В местечке были усилены ночные обходы. А несколько человек селян, как «зачинщики», были подвергнуты порке.

Народ вспоминал свои древние песни-легенды о героях, которые еще во времена турецкого ига и нашествий захватчиков мстили врагам за поправленную свободу, защищали угнетенных.

В деревнях у Прута и у Днестра народ пел свои любимые протяжные песни-дойны про «гайдуков» — народных героев, про смелых, сильных и бесстрашных жителей лесов. Пели о «гайдуке» Кодряну, который, схваченный и приведенный на суд, говорил, что если встречал бедняков, то прятал кистень, опускал руку в карман и давал им на нужды. Пели песни по удалого Воину; пойманный врагами, он сказал на допросе, что не отдаст им своих богатств, так как они все равно проиграют их в карты и растратят на прихоти и кутежи. Он спрятал деньги в деревьях, чтобы их нашли бедняки и купили себе волов и коров.

Старинные песни вдохновляли молдаван на борьбу.

В селе Комрат, Бендерского уезда, печатались прокламации о захвате земли и о будущем вольном, свободном государстве. Крестьяне села Комрат прогнали помещика, связали пристава, судью и урядника, вооружились охотничьими ружьями-кремневками и вилами и

провозгласили в своем селе республику. Комратцы уже приготовились делить между собой землю помещика, но драгуны 24 полка разбили баррикады, сооруженные крестьянами у мельницы. Согнав восставших на площадь, они избивали их нагайками. Сотни комратцев погибли под пулями драгун, были заключены в тюрьмы и отправлены на каторгу.

В эти же дни на Оргеевской дороге появился таинственный отряд молодого «гайдука». Так же, как и герои, о которых народ пел песни, этот молодой гайдук стал нападать на помещиков и богачей, мстить за тяжелую крестьянскую долю, начал борьбу против стражников, драгун и жандармов.

Это был Григорий Котовский. Он вернулся в Бессарабию, когда молдавские села поднимались одно за другим. Как и сотни молдавских юношей, Котовский был воспитан на песнях о «гайдуках», и они подсказали ему путь, на который он вступил. Все, что он видел и слышал вокруг себя: и пожары помещичьих имений, и наказания, которым подвергались сотни крестьян, и открытый ропот и гнев молдаван, — толкнуло его на непримиримую борьбу.

«Активный мститель», как он называл себя тогда, жаждал немедленного действия. И он начал свою борьбу так же, как Кодряну, так же, как бесстрашный Воину.

«Наступает 1905 год, в который я окунаюсь целиком, — рассказывал об этом времени Котовский. — 1905 год и потом последующие годы, и все имевшие место исторические моменты ясно предопределяют мою работу и создают из меня смертельного, беспощадного мстителя за рабочих и крестьян. Мстителя активного. Начинаю террор против помещиков, фабрикантов и вообще богачей. Сжигаю их имения, забираю ценности, которые потом раздаю бедноте в городах и селах Бессарабии» (Краткая автобиография).

Котовский собрал вокруг себя небольшую группу людей. Он подбирал молодых и сильных, увлекаая их за собой своей убежденностью и страстностью.

— За горе и слезы бедных мы заставим расплачиваться богачей. Пусть их деньги пойдут тем людям, которых они грабят и у которых выматывают всю душу, — говорил он своим дружинникам.

После того, как знаменитое восстание на броненосце «Потемкин» всколыхнуло всю страну, Котовский стал называть своих людей «черноморцами». Он считал, что борется за то же самое дело, что и моряки, поднявшие над «Потемкиным» красный флаг. Котовский смутно разбирался тогда в программах политических партий. Он не знал еще о революционном движении пролетариата, которое могло бы вывести его на

правильный путь.

Уже будучи коммунистом, Котовский так анализировал начало своего пути: «Почему я остался вне партийной организации? Я не мог в те годы вложиться в какие-нибудь определенные рамки. Моя натура требовала немедленных действий. Мести по отношению к тем, кто так издевался, эксплуатировал всю массу трудового народа» (Краткая автобиография).

Силы революционной социал-демократии в Бессарабии были слабы. Котовский искал, но не находил правильного пути борьбы. Поэтому больше всего его вдохновляли традиции «гайдуков». Восставшие молдавские селяне видели в Котовском воплощение своих чаяний. «Захватным правом» приобретали они помещичью землю. Котовский же начал повседневно осуществлять «захватное право».

В молдавских селах, где неудержимо росла злоба к угнетателям и чиновникам, ко всем, кто не считал молдаван за людей, имя Григория Котовского произносили с одинаковой любовью старики и дети. Его действия сразу же нашли отклик у бессарабских крестьян и у всех трудящихся, жаждавших отмщения за свои страдания. Котовский учил не подчиняться помещикам. Его борьба с угнетателями будила самые заветные мечты молдавских крестьян.

Славу Котовскому создали уже первые удачные нападения на помещиков Оргеевского и Бельцкого уездов. Одно имя его, вскоре ставшее известным всей Бессарабии, наводило на помещиков необычайный страх. Этот человек мог явиться ежечасно, уничтожить долговые записки крестьян и спалить усадьбу.

В особняках и дворцах с ужасом ждали Котовского, крепко запирали двери и ставни; с надеждой и радостью ждали его в хатах, где ему всегда были открыты двери, где его всегда готовы были укрыть от погони. Бессарабские помещики усиливали охрану, заказывали слесарям прочные замки, закупали несгораемые кассы, ходатайствовали перед властями о защите своих имений.

Крупнейшие помещики Бессарабской губернии, обращаясь к губернскому земскому собранию, писали:

«...Для предотвращения этих бед мы полагали бы необходимым: 1) Ходатайствовать через земство о расквартировании в каждом уезде по одной сотне или эскадрону кавалерийских частей. 2) На случай отказа военного ведомства в удовлетворении нашего ходатайства, организовать конную стражу поуездно, с отнесением расходов на содержание ее на свободную наличность земских сумм. 3) Возбудить ходатайство перед губернатором о строгом преследовании агитации и смуты среди крестьян, с

возложением ближайшего наблюдения за порядком в деревне на сельские власти, долженствующие арестовывать агитаторов для направления их к надлежащим властям, административным или судебным».

В деревенской глуши каждое действие Котовского воспринималось как протест против самодержавного строя, как борьба против власти эксплуататоров.

Нигде в царской России не была так сильна реакция, как в Бессарабии. Из среды бессарабских помещиков вышли самые махровые черносотенцы, такие как Пуришкевич и Крушеван.

Котовский всеми своими действиями как бы давал ответ Крушевану, который всегда жестоко издевался над крестьянской «жаждой земли». Котовский мстил теперь не только за себя и не только Скоповскому, а за весь народ, всем эксплуататорам... Он стал подлинным революционным героем бессарабских крестьян.

Иногда Котовский, которого разыскивали на почтовых трактах и в Оргеевском лесу, оказывался в Кишиневе. Загримированный и переодетый, прогуливался он по главной улице Кишинева. Никто не мог предположить, что в этой нарядной толпе, среди господ в котелках и цилиндрах, находится Котовский. На Александровской улице поджидал он студента, через которого передавал деньги в Красный Крест, оказывавший помощь политическим заключенным.

Все деньги и ценности, отобранные у помещиков и купцов, Котовский раздавал беднякам или передавал в Красный Крест. У себя он оставлял только то, что необходимо было для содержания его дружины.

После первых же столкновений с полицией и нападений на помещиков Котовский начал выработать свою тактику, близкую к партизанской.

Долгое время полиция не знала, кто возглавляет новый отряд, появившийся на дорогах Бессарабии. Полицейские доносили о том, что «значительное число описанных нападений, имевших место в сравнительно короткий промежуток времени, не оставляет сомнения в том, что эти нападения совершаются под руководством опытного и ловкого начальника». Это была первая своеобразная аттестация Котовскому, когда его имя еще не было известным, и полиция не знала его примет.

Вскоре вся Бессарабия узнала о том, что этим опытным и ловким начальником является не кто иной, как двадцатичетырехлетний Григорий Котовский из Ганчешт. Никто не мог предположить, что под его командованием всего-навсего пять-восемь человек. Власти во много раз преувеличивали численность отряда Котовского. Он действовал смело и дерзко, сочетая организованность с удалью. Он появлялся всегда

неожиданно. Когда Котовского ждали ночью, он появлялся на заре. Его искали в Бардарском лесу, по Ганчештской дороге — он же в это время выслеживал банкира в Кишиневе.

Котовский подобрал себе людей, каждый из которых действовал за десятерых. Именно такими были горячий и ловкий Маноля Гуцуляк, Прокопий Демьянишин, рассудительный крестьянин из села Трушены, румяный и застенчивый Ипатий Пушкарев и Захарий Гроссу из села Бужоры. Это были молодые парни, которым грозило суровое наказание за участие в крестьянских восстаниях. Игнатий Пушкарев уже отсидел шесть месяцев в кишиневской тюрьме за то, что выступил против помещика.

Урядники и другие полицейские чиновники презрительно относились к молдаванам, называя их «воловьими головами». В царских казармах солдат-молдаван дразнили «тринадцатой верой».

Григорий Котовский же называл своих сподвижников-молдаван орлятами. Это были смелые и сильные люди, безгранично верившие ему.

Котовский был непреклонен в своих требованиях к богачам. Он всегда знал, кому предъявить счет. Испуганным помещикам, торговцам и ростовщикам он говорил в лицо едкие, правдивые слова об их жадности и жестокости.

«Когда мои соучастники делали обыск у Сериогла, я все время стоял у дверей Сериогла, разговаривал с ним, говорил, что он сам вышел из бедных людей, а между тем обижает таких же бедняков, служащих у него»^[4].

Котовский часто читал в газетах, как хроникеры искажали правду о его действиях. Ему приходилось даже посылать свои опровержения в газету «Бессарабская жизнь». Нередко приписывали ему поступки, которых он не совершал. Казнокрады пытались скрыть свои преступления, сваливая их на Котовского. Но он каждый раз находил пути, чтобы призвать таких людей к ответу.

Котовский всегда интересовался тем, как разные слои общества реагируют на его действия. Он знал, что слухи о каждом его поступке, как эхо, разносятся по Бессарабии. Бедняки обращались к нему со своими нуждами; многие искали случая передать ему жалобу на кулака-мироеда, на судью-взяточника, на доносчика.

Часто приходилось ему менять свою черную сатиновую рубаху на смокинг, барашковую шапку — на цилиндр или котелок, а высокие охотничьи сапоги — на лакированные туфли. Не только он, но и его дружинники пользовались гримом. Котовский переодевался до неузнаваемости. Когда требовали обстоятельства, он мог выдавать себя то за купца, то за дипломата, то за приехавшего иностранца. Он вынужден

был исполнять самые различные роли. Чтобы не выдать себя, он изменял голос, всячески стараясь скрыть свое заикание, становившееся особо заметным, когда он волновался. На собственном выезде, важно восседая в фаэтоне, появлялся Котовский в Кишиневе, останавливался в перворазрядных гостиницах, покупал первые места в театрах, посещал кондитерские и рестораны. Разодетым барином он прогуливался по кишиневским улицам, ожидая встречи с нужными ему людьми. Иногда же он под видом бродячего музыканта или точильщика входил за ограду богатых особняков. В его «гардеробе» имелись также мундир городского и монашеская ряса.

Эти маскарады требовали от Котовского особой настороженности и напряжения. Оказавшись в доме богача, он в нужный момент медленно снимал со своих рук лайковые перчатки, а потом тихо, но внятно произносил: «Я — Котовский». Эти слова действовали сильнее всяких угроз.

Исправники, приставы и следователи уже давно вели «дело» Котовского. Папки распухали от разных свидетельских показаний, заявлений «потерпевших» и самых неправдоподобных донесений агентов. Но и Григорий Котовский также вел «учет». У него всегда была под руками небольшая книжечка, куда он записывал суммы, которые он отбирал у богачей и раздавал неимущим. В Кишиневе, в Оргееве, в Бельцах и в самых глухих селах Бессарабии до сих пор можно встретить людей, которым он помогал. Учительница ганчештской школы Бабенко помнит о том, как неимущие студенты-бессарабцы в 1905–1906 годах ежемесячно получали пакеты с деньгами от неизвестного. Этим «неизвестным» был Григорий Котовский.

Жительница Кишинева Рахиль Лукмер вспоминает, как Котовский помог ей деньгами, когда она осталась с маленькими детьми без средств к существованию.

Возчик Дубоссарский рассказывает, как однажды зимой в сильную вьюгу он вез нескольких женщин в город. Котовский остановил подводу и спросил: — Куда вы в такую вьюгу? — За пенсией, — услышал он в ответ.

— А сколько вам получать этой пенсии?

— Пять рублей.

Котовский тут же достал деньги и наделил ими удивленных женщин, которые не знали, как его благодарить, а возчику Дубоссарскому приказал повернуть подводу и развезти женщин по домам.

...Крестьянка Наталия Лясковская тоже не забыла свою встречу с Котовским.

«— Я и мой муж работали в то время у помещика Сарацика, — вспоминает Лясковская. — Мой муж Игнат — садовником, я — прислугой в доме. Как-то помещик получил письмо и сообщил, нам, что ждет к себе именитых гостей. Весь дом был поднят на ноги: чистили, варили, пекли. На другой день вечером подъехали два фаэтона с разодетыми „господами“. Вошли в дом. Помещик, кланяясь, пригласил всех в столовую. Сели ужинать. А я как раз прислуживала за столом. Только начался ужин, вдруг я вижу, Сарацик, сильно побледнев, поднялся и вышел, пошатываясь, с одним из гостей, высоким и здоровым мужчиной, в свой кабинет. Скоро они вернулись. Гость этот был Котовский. Уходя, он сказал помещику: „Если вы и дальше будете мучить народ, я пушу вас по миру“.

Григорий Иванович со своими людьми направился к выходу. В передней он увидел меня и подозвал к себе. „Я знаю, что ты и муж твой люди бедные, — сказал мне Котовский. — Вот вам немного денег, купите корову, лошадь, заведите себе хозяйство. Бери, не бойся“. Он протянул мне несколько бумажек. Я хотела их взять, но в это время показался помещик, и я, испугавшись его, отказалась от денег, хотя они нам были очень нужны. Котовский уехал, но через два дня к нам пришел какой-то неизвестный человек, разыскал моего мужа и вручил ему конверт, в котором было тридцать рублей».

И сколько можно услышать в Бессарабии таких рассказов!

Котовский давал беднякам деньги на покупку волов, батраку помогал справить свадьбу, погорельцу — построить хату.

Не забывал он и своих давнишних «знакомых», которых запомнил с детства. Ганчештский богач Гершкович во время неурожайного года без зазрения совести грабил и разорял крестьян. Котовский нашел способ предупредить Гершковича, что, если он будет и дальше грабить бедных, все его добро будет сожжено.

Вспомнил Котовский и о Семиградове, которого когда-то просил об устройстве на работу. Угроза Котовского подействовала на столбового дворянина, и ему пришлось отдать крупную сумму денег для раздачи беднякам.

Не забыл Котовский и разбогатевшего Артема Назарова, который взял в аренду ганчештский винокурный завод и другие уголья Манук-Бея.

Однажды в лесу Котовский неожиданно встретился на Оргеевском тракте с Киркоровым, директором кокорозенской школы. Киркоров уже знал о том, какой образ жизни выбрал себе этот бывший воспитанник его школы. И когда он стал укорять Котовского, тот перебил его и с жаром начал развивать свои идеи о том, кому должна принадлежать земля и какой

порядок должен быть на ней установлен. Это был его своеобразный, запоздалый отчет о своей учебной сельскохозяйственной практике.

— Скоро придет время, когда мы поделим всю помещичью землю, и она будет народ кормить, — сказал он Киркорову.

Диплом Котовского оставался лежать в делах кокорозенской сельскохозяйственной школы. Котовскому так и не пришлось получить его на руки.

...Как ни старался монархист Крушеван в своей газете «Друг» доказать, что Котовский — атаман разбойничьей шайки, народ не верил кличкам, которыми враги хотели очернить Григория Котовского.

Во дворцах и особняках гувернантки и бонны пугали барчат именем Котовского, а в селах и в домишках на городских окраинах молдаванки, укачивая детей, пели о Григории Котовском как о своем защитнике и друге.

Его отвагу и мужество воспевали новые песни-дойны. Это о нем говорили в народе: «Котовский приходит — горе уходит», «Котовский богача обижает — у бедняка слезы утирает», «Берегись живоглот — скоро Котовский придет».

Так в далекие дореволюционные годы рождалась легендарная слава Котовского.

...Вот ровно в полночь он подъехал к одинокому домику на опушке леса. Были святки, и в домике гадали девушки. Дверь они оставили открытой, чтобы сбылось гадание и в дом вошел суженый жених. Входит Котовский, кланяется девушкам и просит разрешения отогреться с дороги. Пока он сидел на скамейке, одна из девушек, бедная учительница, чтобы приворожить гостя, незаметно отрезала у него кусок рукава. Прощаясь с девушками, Котовский попросил у них коробку спичек. Потом сел на коня и уехал. Вскоре девушки увидели зарево над лесом и узнали, что это горит соседнее имение. Только тогда они поняли, зачем их гостю понадобились спички. Нагрянули в домик приставы, искали Котовского и нашли кусок материи, вырезанный из его рукава. Захотели они по этому куску приметить Котовского и захватить его. Но как ни бесились, как ни рыскали, ничего у них не вышло. А Котовский в ту же ночь вернулся в домик в новой рубахе и всем гадавшим девушкам привез подарки.

...Вот он, переодетый монахом, входит в келью настоятеля богатого монастыря. Оставшись наедине с настоятелем, он назвал ему свое настоящее имя и потребовал долговые расписки крестьян. Получив расписки, он приказал настоятелю лечь на кушетку. Затем достал из своих широких шаровар бомбу, положил ее на лоб настоятелю и сказал:

— Если сделаете хоть одно движение, то вместе с монастырем

вознесетесь в небеса.

Пока настоятель лежал, как каменный, гость разрывал долговые расписки. Разорвет расписку — и не надо будет бедняку-крестьянину из нового урожая возвращать хлеб монастырю.

Котовский был уже далеко, а настоятель все боялся дотронуться до бомбы. Так продолжал он лежать, пока в его келью не вошли прислужники. Шопотом попросил он их снять бомбу. Бомба же оказалась обыкновенным яблоком, обернутым в фольгу.

...А один бессарабский помещик на случай, если придет к нему Котовский, соединил свой дом прямым проводом с полицейским участком. Звонок же устроил под ковром. Стоит только нажать, как явятся полицейские и схватят Котовского.

Узнав об этом, Котовский не заставил себя долго ждать. Он вошел в дом к помещику, когда у того собрались гости на званый вечер. Вошел и назвал себя. Гости переполошились. Помещик же надменно посмотрел на вошедшего. Он сделал несколько шагов и только хотел наступить ногой на кнопку под ковром, как Котовский скомандовал ему:

— Ноги вверх!

Помещик растерялся, увидя наведенный револьвер. Пришлось ему тут же, при гостях, выполнить команду, — растянуться на ковре и задрать ноги кверху.

Так ширились легенды о Котовском, о том, как он в своей неравной борьбе с богачами умеет их высмеять и проучить. Его ловкость и дерзость воспевались в песнях.

Долгое время полиция никак не могла напасть на след Котовского. Он был поистине неуловимым, так как всюду встречал людей, готовых помочь ему скрыться от любой погони. «Попытав схватить меня не удавались, так как и крестьяне и рабочие всегда наотрез отказывались выходить и выезжать на облавы, устраиваемые по поводу моей поимки».

Самые опытные сыщики не знали, что предпринять. Они искали Котовского и одновременно боялись предстоящей встречи с ним. Были и такие полицейские агенты, которые не спешили с поимкой «опасного преступника». Свою службу в полиции они умудрялись совмещать... со службой Котовскому. Даже самый секретный агент, корреспондент Новацкий, состоявший непосредственно при губернаторе и получавший пятьдесят рублей суточных за поимку Котовского, не стеснялся брать и от него самого такую же сумму за особые услуги.

Однажды помощник пристава 3 участка Зильберг узнал, где скрывался Котовский. Но он не успел донести об этом, так как сам был арестован

Котовским. Зильберг молил о пощаде, обещая быть, полезным. Котовский отпустил его.

Зильберг и другие лица предупреждали Котовского о засадах и других мерах, предпринимавшихся полицией. Выслуживаясь же перед начальством, Зильберг сообщал полицмейстеру якобы полученные им агентурные сведения о том, кого готовится «посетить» Котовский. Но сообщал каждый раз так, чтобы Котовский смог вовремя исчезнуть. Полиция прибывала на место происшествия с опозданием. Котовский дразнил и водил за нос своих врагов.

Но были и такие люди, которые дело поимки Котовского сделали целью своей жизни. Пристав второго участка, сухопарый грек Константин Хаджи-Коли, решил прославиться, изловив Котовского. Терпеливо и настойчиво следил он за его операциями.

Котовский же был дерзок и одновременно осторожен. Если раньше он главное зло видел только в землевладельцах, то теперь начал понимать неизбежность более широкой борьбы — борьбы с властями, с царским правительством.

Он расширял свою деятельность, пополняя дружину новыми людьми. Многие помещики, один за другим, стали оставлять свои имения, переезжать в Кишинев, рассчитывая, что в губернском городе они будут в большей безопасности. Но и в Кишиневе их настигала месть Григория Котовского.

К этому времени по всей губернии с новой силой вспыхнули аграрные беспорядки. Жандармы и стражники гнали по дорогам Бессарабии сотни непокорных молдавских крестьян в тюрьму и на каторгу.

6 января 1906 года десятский Василий Турта вместе со стражниками сопровождал арестованных жителей села Кручишна: Давида Вердиша, Константина Юрко, Иллариона Греку и Порфирия Карамуша. Этим людям грозило длительное тюремное заключение за захват помещичьих дров и оказание сопротивления полиции. Арестованных везли на подводах. Котовский остановил их в лесу. За его кожаным поясом виднелись рукоятки двух револьверов. С ним были его дружинники; они преградили дорогу стражникам. Котовский приказал развязать руки арестованным. А у десятского Василия Турты он потребовал сопроводительный пакет и книгу с именами арестованных. Он разорвал пакет, в котором находилось постановление об аресте, а на клочке бумаги написал своим размашистым почерком: «Арестованных освободил Атаман Адский», и эту записку вложил в книгу.

Стражники, десятский и провожатые беспрекословно выполнили все,

что требовал от них Котовский. Василий Турта стоял, вытянувшись перед ним, и докладывал, что вскоре по этой же дороге должен проехать оргеевокий исправник, который везет с собой ружья. Котовский поблагодарил Турту за сведения и приказал ему немедленно убраться восвояси. Освобожденные же не знали, как отблагодарить Котовского. Всем им Котовский на прощанье пожелал больше не попадаться в руки полиции. Сам же решил выждать в лесу оргеевского исправника и отобрать у него ружья.

Оргеевский исправник оказался в лесу не случайно. Он уже давно охотился за Котовским. Его стражники принялись оцеплять лес. Заметив дружинников, они начали стрелять. Котовский приказал своим людям залечь и на выстрелы ответить стрельбой. После нескольких залпов дружинники быстро переменили позицию и снова открыли огонь. Они палили в воздух для устрашения противника. Оргеевский исправник Брониковский, не привыкший к сопротивлению, так растерялся, что бросил свою команду, сбившуюся в кучу, а вслед за ним побежали и стражники.

Это был первый бой, данный Котовским в лесу. Во время допроса он так рассказывал об этом столкновении: «Я с товарищами своими зашел стражникам в правый фланг, и выстрелами мы заставили их отойти».

В течение января — февраля 1906 года Котовский несколько раз отбивал у военного конвоя арестованных крестьян. Эти действия его носили неприкрытый политический характер. На дорогах Бессарабии творил он свой суд, сводя на нет постановления и распоряжения судебных властей и исправников. Освобожденные арестанты по всей Бессарабии разносили слух о том, что свою свободу они получили из рук Григория Котовского.

Бессарабские власти решили во что бы то ни стало покончить с Котовским, принять все меры для его поимки, не пожалеть средств и даже привлечь на помощь за крупное вознаграждение банду уголовников. Бессарабский губернатор лично собрал приставов и исправников и всем им грозил увольнением, если они, наконец, не схватят Котовского.

Честолюбивый пристав Хаджи-Коли лишился покоя. Он усердствовал, как никогда. Зильберг также пришел к мысли, что пора прекратить «игру», что его могут разоблачить, поэтому он решил продать Котовского по выгодной цене и поспешил заявить, что «нащупал» нити дружины. Через провокатора Зильберг подстроил Котовскому в Кишиневе конспиративную квартиру в доме № 9 по Куприяновской улице.

18 февраля 1906 года дом был оцеплен. Околоточный надзиратель Рябый схватил Котовского в тот момент, когда тот собирался выйти из дома.

Увидев перед собой околоточного надзирателя, Котовский назвал себя другим именем, но когда понял, что предан, с горечью сказал: «Теперь весь мой план разрушен». При обыске у Котовского было найдено 4 рубля 25 копеек денег, красный шерстяной пояс, свисток, маска из куска оберточной бумаги синевато-серого цвета и небольшая записная книжка. Это было все его имущество, все его богатство. На нем была легкая черная куртка. Он был в высоких сапогах, на лоб была надвинута касторовая шляпа. Так одевался он, когда шел в лес к своим дружинникам. Его окружили полицейские и, соблюдая все предосторожности, повели в верхнюю часть города, мимо дворянских особняков, туда, где над окраинными домишками возвышалась мрачная кишиневская тюрьма.

По всем молдавским селам разнеслась весть о том, что Котовский захвачен полицией. В кишиневскую тюрьму потянулись скромно одетые люди с узелками и свертками. Незнакомые Котовскому люди приносили ему передачу.

Когда молдаване из сел приезжали в Кишинев на Сенной базар, они с тоской смотрели на возвышавшуюся громаду тюрьмы и думали о том, что там, за высоким каменным забором, за толстыми стенами, спрятан в клетку, закован в кандалы Григорий Котовский — их надежда и защита.

Глава пятая

ПОБЕГ

Котовский прильнул к крохотному круглому окну, но увидел перед собой только серую стену и узкую полосу неба.

Всеми своими мыслями он был на воле, там, в степях и лесах, где тянутся и убегают вдаль так хорошо знакомые ему дороги и тропы.

С первого же дня своего заключения он начал думать о том, как вырваться из тюрьмы. Вокруг — высокая каменная ограда. За первыми железными воротами — вторые, а под навесом главной башни — третьи ворота, такие же массивные. Вокруг тюремных корпусов несколько линий наружной охраны. И в самой тюрьме и снаружи, через каждые несколько шагов — постовые надзиратели и стражники.

Всего несколько дней тому назад Котовский мечтал поднять вооруженное восстание крестьян. Он должен был получить оружие от своих людей в Одессе, которое собирался раздать верным и надежным людям.

Уже находясь в тюрьме, он узнал, что поодиночке арестованы и другие участники его дружины. Всех их задержали на той же «конспиративной» квартире.

Следователь по важнейшим делам стал ежедневно вызывать Котовского на допрос. Григорий Иванович отказался назвать имена своих товарищей и тех, кто ему помогал. В протокол допроса не заносилось многое из того, о чем он говорил.

С самого начала следствия жандармы и чиновники стремились развенчать и дискредитировать Котовского. Врагам было выгодно его пламенную революционную борьбу представить как деятельность уголовника.

Следователь делал вид, что его нисколько не интересуют политические воззрения обвиняемого и то, кому Котовский раздавал отобранное им имущество и деньги.

Следствие затянулось, так как многие люди, связанные с Котовским, еще оставались на свободе.

Котовский же не терял времени. Он напрягал весь свой ум, всю свою волю, разрабатывая план побега. Он хотел вовлечь в побег сотни людей, томившихся в заключении. Он считал, что под их дружным натиском рухнут любые препятствия. Для того, чтобы совершить побег, надо вначале

захватить хоть на самое короткое время власть в тюрьме. Надо вырвать оружие из рук тюремщиков. Этот побег Котовский готовил как восстание. Он предполагал разоружить всю тюремную воинскую охрану, вызвать по телефону в тюрьму полицмейстера, товарища прокурора и других должностных лиц, а также конвойную команду, всех их арестовать и, после того, как они будут под замком, переодеться в их одежду и забрать оружие. Это был грандиозный план. Котовский собирался вывести из тюрьмы всех заключенных, инсценировать отправку по этапу большой партии арестантов в Одессу. Для всего этого надо было обезоружить больше пятидесяти человек. Котовский тщательно продумал все детали своего рискованного плана. Для его осуществления он привлек самых смелых и отважных заключенных.

Побег был назначен на 4 мая 1906 года.

Сначала все шло так, как было задумано. Началось с того, что вовремя утренней прогулки, когда один из надзирателей, выпустив заключенных в коридор, стал закрывать камеру, на него набросились двое и обезоружили. Захваченный револьвер был направлен во второго надзирателя, который также был вынужден сдать оружие. Через несколько минут и другие коридорные надзиратели были обезоружены и связаны. А чтобы они не кричали, им завязали рты. Котовский отпирал камеры и выпускал арестованных, радостно объявляя им, что вышел манифест, который всем дарует свободу; тюремное же начальство скрывает манифест от арестованных, поэтому надо самим вырваться на свободу. В это время в коридор вошел помощник начальника тюрьмы Гаденко. Ему скрутили руки и, отобрав у него оружие, втокнули в карцер. Теперь самым главным было открыть первые внутренние ворота. К воротам бежали заключенные, только что выпущенные из камер. Надзиратель открыл волчок, чтобы посмотреть, что делается у ворот. Его схватили и связали. Отнятыми у него ключами были открыты первые ворота, а вслед за ними и вторые, решетчатые. Только одни ворота отделяли теперь арестантов от свободы. В эти самые последние минуты, когда дерзкий план Котовского был близок к осуществлению, несколько уголовников решили действовать самостоятельно. Они приставили доски к стене и начали взбираться на нее. Наружные часовые заметили их и открыли стрельбу; полицейские из участка, помещавшегося напротив тюрьмы, обратили внимание на то, что в тюрьме происходит что-то неладное.

Соблюдать предосторожность было уже бесполезно. Теперь не удастся осуществить инсценировку отправки арестованных по этапу и выйти из тюрьмы в сопровождении своих же людей, переодетых в форму конвоиров.

Последние ворота Котовский решил взять напролом. Они поддались, и толпа арестантов выбежала на площадь. Все получилось не так, как задумал Котовский. Теперь у всех был только один выход — среди бела дня бежать в разные стороны.

К тюрьме спешили воинские части и полицейские, поднятые по тревоге. Арестанты бросились врассыпную. Кое-кто из них уже успел освободиться от кандалов; некоторые бежали, захватив с собой оружие, отнятое у стражников.

Полицейские навели винтовки на бежавших. Наперерез мчались конные стражники. Только части арестантов удалось выбежать из тюрьмы. У ворот был быстро водворен порядок, а полицейские бросилась за беглецами. Приговоренные на короткий срок сами вернулись в тюрьму: они боялись более сурового наказания; остальные же были настигнуты неподалеку.

Разъяренные тюремщики начали избивать пойманных арестантов — кто прикладом, а кто и сапогом. Но к Котовскому боялись подойти. Он стоял с браунингом в руке. С его лица крупными каплями стекал пот. В организацию этого побега он вложил всю свою выдумку, все свои надежды. А теперь приходилось отступать...

Котовский заявил тюремщикам, что убьет того, кто осмелится поднять на него руку, Оружие же он сдаст только в том случае, если приедет губернатор и даст слово, что никто из арестантов не подвергнется наказанию. Котовский добился своего. Губернатор приехал в тюрьму. Котовский опустил револьвер. Губернатор обещал, что никто из бежавших не будет наказан, но тут же добавил, что по отношению к Котовскому, как к главному зачинщику, будут приняты специальные меры.

— Теперь уж вам не убежать, — сказал губернатор Котовскому на прощание, с любопытством разглядывая его.

Снова постылая тюремная камера и узкая полоска майского неба в решетчатом окне. Тюремщики успокоились. Порядок был водворен. Заключенные притихли. У камер, в коридорах, во дворе тюрьмы и у наружной стены были установлены добавочные посты. Надзиратели специально доносили о поведении Котовского.

Котовский старался ничем не обращать на себя внимания, делая вид, что примирился со своей судьбой. Но он не сдавался. Не прошло и месяца, как снова газеты сообщили о событиях в кишиневской тюрьме:

«Третьего дня в местном тюремном замке, в камере, где содержатся участники нашумевшей в нашем городе шайки Котовского и другие серьезные арестанты, закованные в кандалы, и. о. начальника тюрьмы

господин Бобелло обнаружил подкоп. Из ватер-клозета, примыкающего к этой камере, подрыта была стена и сделан подкоп под фундамент тюрьмы с тем, чтобы пробить выход на Сенную площадь. На месте подкопа найдены стамески, лопаты, ломы и др. инструменты»^[5].

На этот раз Котовского посадили в самую высокую, семнадцатисаженную центральную башню тюрьмы, которую называли «больничной». Для него была отведена «железная» камера. Уже много лет никто не сидел в ней. Лучи света и свежий воздух совсем не проникали в этот тюремный колодец. У дверей камеры поставили известного своей жестокостью надзирателя Иванова. Охранять Котовского было поручено самым строгим тюремщикам. Вся Бессарабия следила за тем, что происходит за высокой оградой кишиневской тюрьмы.

Два месяца Котовский не напоминал о себе. «Теперь он уже не страшен», — решил помощник начальника тюрьмы Бобелло.

Однажды в тюрьму к Бобелло явилась нарядная дама. Она отрекомендовалась женой одного из влиятельнейших чиновников. У нее большая просьба к помощнику начальника: она сторает от любопытства, ей непременно хочется увидеть страшного разбойника, о котором так много писали в кишиневских газетах. Вежливый Бобелло не мог отказать даме в этой просьбе. Пусть увидит она, какой опасный преступник содержится у него под стражей.

Котовского вывели из камеры на свидание со знатной «патронессой». Ему объявили, что она занимается благотворительностью и «благоволит» к некоторым заключенным.

В время свидания дама передала Котовскому, с разрешения начальника, марселевое одеяло и коробку дорогих папирос.

В этот день Котовский был счастлив. Визит подстроили его друзья, оставшиеся на свободе. «Знатная дама» принесла ему все необходимое для побега, к которому он уже давно изо дня в день готовился. За ним следили надзиратели, но еще с большим вниманием Котовский следил за ними. У него были часы. С часами на руке он через окошко наблюдал за охраной, следил, сколько времени требуется надзирателю, чтобы пройти по коридору до конца и опять вернуться к двери камеры. На клочках бумаги Котовский делал отметки, детально изучая каждое движение охраняющих его. Он знал, кто и когда будет дежурить, как проходит смена часовых; он отличал стражников по походке и по покашливанию. На этот раз он должен действовать наверняка. Он разрабатывал план побега до мельчайших подробностей. Нужно было перехитрить и надзирателя, который стоял у дверей его железной камеры, и того, кто стоял на добавочном посту, внизу у

башни. Чтобы вырваться на свободу, надо пройти через три линии охраны.

Каждый день мальчик, прислуживавший в тюрьме, выносил из камеры Котовского парашу, одновременно он уносил с собой и полоски одеяла. На чердаке мальчик связывал одну полоску с другой и прятал их под балкой.

И вот, наконец, все подготовлено. Наступил намеченный день и час. Котовский, как всегда, ходил взад и вперед по камере. После вечерней проверки он закурил папиросу; приятный дымок просочился и в коридор, где стоял на посту надзиратель Григорий Иванов. Котовский предложил надзирателю закурить папиросу из тех, которые недавно принесла ему знатная дама. Иванов не отказался. Папироса была пропитана опиумом. Несколько хороших затяжек усыпили надзирателя. Этого только и ждал Котовский. 10 часов вечера. Он спешил. Инструментом, переданным ему вместе с папиросами и одеялом, он сломал скобу двери, снял с себя кандалы и бросился мимо спящего надзирателя на чердак башни. Там он достал веревку, сделанную из разорванного на полоски одеяла, прикрепил ее к балке и выбросил вниз. Он вылез из окна башни и начал спускаться по веревке. Вскоре он оказался во втором дворе тюрьмы, у самых ворот, на посту у которых стоял надзиратель Митрофан Топалов. Тот обомлел, увидев перед собой Котовского, и от неожиданности сперва не мог вымолвить ни слова. Топалов упал на колени и начал просить Котовского о пощаде. Трясущимися руками он вытащил затвор из винтовки и протянул Котовскому. Котовский прошел через ворота во двор мастерских, а там, приставив доску, забрался на ограду. Бросив надзирателю затвор, он спрыгнул с высоты примерно трех этажей на Сенную площадь. Здесь его никто не заметил. Он на свободе!

В начале двенадцатого часа ночи надзиратель Стойчев, проверяя посты, заметил, что постовой Иванов с трудом продирает глаза. Он заглянул в камеру опасного арестанта и успокоился, увидев, что Котовский спит, укрывшись с головой одеялом.

Только на рассвете один из надзирателей, обходивший тюрьму снаружи, заметил, что из окна чердака над камерой Котовского свешивается длинная веревка. Тюремщики бросились к камере. Дверь легко открылась. Камера была пуста. На полу лежали кандалы Котовского. А на кровати, под одеялом, было обнаружено чучело, устроенное из подушки, рогожи и пиджака.

Ночью 31 августа Григорий Котовский постучал в окно одного из домишек на Малой Малине — кишиневской окраине. Там уже ждали позднего гостя.

Наутро была поднята на ноги вся кишиневская полиция. Из Кишинева

в Петербург, в департамент полиции, передавали срочные шифрованные телеграммы от бессарабского губернатора, а из Петербурга летели телеграммы во все пограничные пункты: жандармским офицерам, херсонскому, подольскому, волынскому губернаторам и одесскому градоначальнику:

«31 августа кишиневской тюрьмы бежал опасный политический преступник балтский мещанин Григорий Иванов Котовский 25 лет роста 2 аршина 7 вершков глаза карие усы маленькие черные может быть без бороды под глазами маленькие темные пятна физически очень развит походка легкая скорая тчк благоволите немедленно распорядиться установлении самого бдительного наблюдения появлением бежавшего пределах губернии (города)»

Бессарабский губернатор А. Харузин торопил кишиневского полицмейстера «принять решительные и энергичные меры к самому тщательному розыску по городу Кишиневу и его предместьям бежавшего из кишиневской тюрьмы арестанта Котовского, внушив Вашим подчиненным, что арестант Котовский чрезвычайно важный и опасный преступник». Харузин обещал выдать чинам полиции крупную денежную награду «за задержание Котовского».

Пешие и конные стражники обыскивали город. Они залезали в каменоломни и винные погреба, прочесывали лес Семиградова и виноградники по дорогам, ведущим из Кишинева в Костюжены, Яловены, Данчены, Ганчешты и Ниморены. Вечером 31 августа были устроены засады около мостов на Ганчештском тракте.

Всем станovým приставам и урядникам были разосланы фотографические карточки Котовского. С грифом «циркулярно», «секретно», «экстренно» рассылались его приметы и дополнительные сведения. Жандармы искали Котовского на всех станциях от Кишинева до Киева.

Командир Скулянской бригады пограничной стражи разослал своих людей во все районы, прилегающие к реке Прут. На пограничном пункте в городе Рени было установлено тщательное секретное наблюдение за новыми лицами, появлявшимися в городе и в порту. Даже известным на Пруте контрабандистам было обещано большое вознаграждение за поимку Котовского. Агенты румынской полиции получили инструкцию немедленно арестовать Котовского, если он появится в городе Галаце. Круглые сутки велось наблюдение за домами, в которых жили сестры Котовского в Ганчештах, а также в селе Чадыр, Измаильского уезда, где жила его младшая сестра Мария. Котовского искали одновременно под

Кишиневом и в Могилев-Подольске, в Унгенах и в Одессе. Конные стражники разыскивали его в лесах и в кукурузе в Сорокском уезде.

Никогда еще с такой настойчивостью не предпринимались меры для поимки заключенного.

Котовского искали на пограничных заставах, во всех городах и местечках юга России; за делом его поимки следили губернаторы и петербургские чиновники. Они понимали, что из тюрьмы бежал человек, который шел против власти, посягал на существующий порядок. Котовский был для них прежде всего «опасный политический преступник».

Побег Котовского взбудоражил всех. Событие это обсуждалось на базарах, в конторах, на улицах. Многие шли к тюрьме, чтобы посмотреть на окно башни, из которой бежал Котовский. Высокое, оно было видно издали. Весть о том, что Григорий Котовский вырвался из железной камеры и освободился от оков, дошла и до бессарабских крестьян, над которыми урядники и приставы продолжали творить расправу за недавние волнения.

Во всех молдавских селах люди радовались побегу Котовского. Значит, нет таких замков и стен, за которыми можно спрятать его, значит, не сдался он, не поник головой и скоро снова будет мстить кровопийцам.

О побеге Котовского ходили бесконечные толки, приводились всевозможные версии, делались догадки. Газеты были полны фантастическими сообщениями о побеге. Досужие газетчики писали, что в бывшей камере Котовского «найден подробно разработанный чертеж воздушного шара с подробными вычислениями необходимых для устройства шара материалов и инструментов и обозначением стоимости каждого из них, например, тридцать аршин шелка по одному рублю пятьдесят копеек, тридцать аршин подкладки, насос и т. д. Возможно, что Котовский разрабатывал план улететь из тюрьмы»^[6].

Чиновники особых поручений вели следствие. Кишиневский прокурор ежедневно посещал тюрьму, стараясь установить, не подкупил ли Котовский стражу. Надзиратели Иванов и Топалов, на всех допросах повторяли, что они не спали и ничего не видели.

Дознание о побеге поручили произвести приставу второго участка Хаджи-Коли.

Хаджи-Коли никак не мог напасть на след Котовского, пока, наконец, не подкупил эсера Ермичея, который лично знал Котовского. Впоследствии Ермичей не раз выполнял поручения кишиневской охранки. Он знал и указал Хаджи-Коли место, где скрывался Котовский.

Хаджи-Коли с помощниками направился по указанному адресу. Только

он завернул за угол, как невольно подался назад, — навстречу ему шел Котовский. Они встретилась лицом к лицу на Теобашевской улице. Котовский сразу узнал Хаджи-Коли. Только полицейские хотели преградить Котовскому дорогу, как он сбил их с ног и ударил растерявшегося Хаджи-Коли в переносицу. Не успели полицейские опомниться, как Котовский кинулся бежать. Хаджи-Коли приподнялся с земли и пустил ему вдогонку несколько револьверных пуль. Полицейские начали свистеть. Раненный в ногу Котовский вскочил на первую проезжавшую пролетку и погнал лошадей, не обращая внимания на испуганного кучера. На одном из поворотов он спрыгнул и скрылся от погони, спрятавшись на бахчах, где, преодолевая нестерпимую боль, снял сапог с ноги и перевязал рану куском разорванной рубашки. Он не знал, куда ему теперь податься, — всюду его заметят. Теперь у него бросающаяся в глаза примета — он хромот. С трудом добрался он до знакомого врача, решив ему во всем довериться. Врач гостеприимно встретил беглеца. Несколько дней он продержал его у себя. Раненый же был нетерпелив. Ему нужно было скорей установить связи. Котовский досадовал на медленное заживание раны. Он вырвался из тюрьмы не для того, чтобы бездействовать. Он уже начал собирать новую дружину. Распрощавшись с врачом, Котовский то и дело менял квартиры.

23 сентября Григорий Иванович нашел приют на квартире сцепщика вагонов Михаила Романова, жившего близ станции, в доме № 20 по Гончарной улице. Ермичей узнал о том, что Котовский скрывается у Романова, и донес об этом Хаджи-Коли.

Хаджи-Коли и приставы других участков Македон и Чубаров, с усиленным нарядом стражников и целой ватагой околоточных я городских, окружили дом Романова. Котовский сидел на кухне и беседовал с хозяином. Увидев приближение полиции, Григорий Иванович спрыгнул через окно во двор соседнего дома, перебрался через забор и... столкнулся с полицейскими, сидевшими в засаде в Остаповском переулке. На этот раз ему пришлось сдаться без сопротивления. Он мог убить одного-двух, но все равно был бы схвачен. К тому же после прыжка нестерпимо разболелась раненая нога.

Пристав Хаджи-Коли снова торжествовал. Он лично надел Котовскому ручные кандалы; при обыске отобрал у него револьвер с двумя обоймами и сам проводил до дверей пустовавшей камеры.

Начальник тюрьмы рапортовал бессарабскому губернатору о том, что Котовский вновь заключен в вверенную ему тюрьму, при этом указал, «что у названного Котовского имеются две огнестрельные сквозные раны на

правой ноге — одна выше колена, а другая — ниже колена, ввиду чего он временно, впредь до выздоровления, освобожден от ножных кандалов и закован в наручники».

О поимке Котовского было немедленно сообщено в Петербург. «Котовский задержан, прекратить розыски». Эта телеграмма, за подписью бессарабского губернатора, была отправлена всем уездным исправникам, полицмейстерам и агентам.

26 сентября 1906 года газета «Бессарабская жизнь» сообщала: «Вчера пристав второго участка произвел в тюрьме допрос Котовского, с целью выяснить обстоятельства побега. На все вопросы Котовский отказывался отвечать, заявив только, что побег им подготовлялся давно. Каким образом он его совершил — сказать отказался. Между прочим, он сообщил, что уехать из Кишинева ему мешали раны, но через два-три дня он должен был получить паспорт и выехать из Кишинева. О надзирателях Иванове и Топалове, подозреваемых в содействии его побегу и по распоряжению судебной власти заключенных в тюрьму, Котовский отзывался неведением».

Новый надзиратель усиленно наблюдал за Котовским. В глазок он видел, как заключенный становился на колени, вдыхал воздух, опускался, снова поднимался, наклонял корпус в разные стороны, а потом прислонялся к стене и медленно поднимал, ногу, на которой еще не зажили недавние раны. Котовский тренировал свое тело — только сила и ловкость могли помочь ему в будущих побегах.

Глава шестая

НА КАТОРГЕ

Железная решетка разделяла камеру Котовского на две части. Раньше надзиратели смотрели в «глазок», теперь же они дежурили у решетки в самой камере. Часами бессмысленно смотрели они на узника. Разговаривать с ним запрещалось. Котсвский уже привык к тому, что на него постоянно был устремлен чужой взгляд. Он беспрерывно шагал по камере от решетки к стене, взад и вперед, точно маятник.

Во время общих прогулок арестанты заполняли двор. Поравнявшись с башней, они смотрели вверх, как бы приветствуя Котовского. А он в эти минуты, приподнимаясь на носках, жадно прислушивался к доносившимся голосам. Он научился слушать тюрьму. Уголовники в общих камерах шумели, играя в карты, дрались между собой; сидящие в одиночках насвистывали к напевали; политические переговаривались, спорили.

Котовский все мерил и мерил шагами свою клетку. Больше полугодом сидел он уже в тюрьме. За это время он двадцать четыре дня был на свободе, которая досталась ему дорогой ценой.

Только затянулись раны, как на него снова надели и ножные кандалы. Бывали ночи, когда Котовский просыпался от шума. Он слышал крики и стоны. Каменная тюрьма сотрясалась от стуков. Дребезжали и падали стекла. Начинался очередной тюремный «бунт», или кого-то избивали, или политические демонстрировали свой протест против произвола тюремщиков. И тогда Котовский в своем каменном мешке также начинал с неудержимой яростью бить ногами в решетчатую дверь и кричать. Надзиратели, дежурившие у его одиночки, не решались его успокаивать. Молча продолжали они смотреть на него. А когда в тюрьме воцарялась, тишина, Котовский долго еще не ложился и все без усталости ходил по камере, освещенной мутным светом ночника, мигавшего в коридоре...

Суд был назначен на 13 апреля 1907 года.

Толпы народа вышли на улицы посмотреть, как Григория Котовского, под усиленным конвоем из конных стражников, городских и околоточных надзирателей, будут вести в здание кишиневского окружного суда на Синадиновской улице.

На скамье подсудимых рядом с Котовским сидели и его дружинники: Гуцуляк, Демьянишин, Пушкарев и другие. В зале было необычайно тесно. Взоры всех были устремлены на Котовского. Пока читали длинный

обвинительный акт, Котовский то разглядывал публику, то кивком головы отвечал на дружелюбные взгляды.

Григорий Иванович держался бодро и независимо. И хотя барьер отделял подсудимых от первых рядов, сановники и купцы невольно отодвигались к спинкам своих сидений каждый раз, когда Котовский приподнимался, чтобы громко задать вопрос свидетелю или ответить прокурору.

Еще во время следствия Котовский настаивал на том, чтобы в качестве свидетелей были привлечены определенные лица, на правдивость показаний которых он мог рассчитывать. Много бедняков, вдов, студентов и батраков могли бы рассказать о том, что делал он с деньгами, которые отбирал у богачей. Но никто из этих людей не был вызван в суд.

Котовскому дали последнее слово. Он говорил и за себя, и за своих дружинников. Он не оправдывался, а уточнял обстоятельства, отмечая клевету. Он говорил о том, что его дружина никого не убивала и не обидела ни одного трудового человека. Не нажива интересовала его, а помощь обездоленному народу.

Котовский говорил долго, и его напряженно слушали в воцарившейся тишине. Некоторые даже приподнялись со своих мест, настолько эта речь была необычайна и не похожа на то, что обычно говорилось на суде.

Напряжение и волнение всех присутствовавших передалось и присяжным. Когда они остались одни, между ними начались разногласия и споры. Некоторые из них считали, что Котовский должен быть оправдан. Под давлением своего старшины и после долгих препирательств они вынесли Котовскому обвинительный вердикт, отвергнув обвинение его в убийствах.

Приговор был зачитан только на следующий день.

Котовского приговорили к десяти годам каторжных работ и к лишению всех прав состояния.

Публика долго не расходилась. Когда Котовского уводили, кто-то из публики пытался передать ему букет сирени. Некоторые из столбовых дворян и почетных потомственных граждан выражали свое недовольство «мягким» приговором. Другие же говорили о том, что приговор не имеет значения, так как Котовский все равно убежит.

Газеты были полны отчетами о суде; либеральные газеты сообщали, что «некоторые свидетели оттенили рыцарские качества Котовского и поэтому публика прониклась к нему особым расположением» и что «поведение Котовского на суде было в высшей степени корректно, и это все более и более располагало к нему всех присутствующих».

Суд вынес приговор. Но это было еще не все. Власти, стремясь дискредитировать Котовского обвинениями уголовного характера; боялись одновременно судить его и за революционную деятельность, за участие в аграрных беспорядках, за освобождение арестованных селян. Эти дела были выделены особо.

Снова в своей одиночной камере Котовский ждал процесса.

...23 ноября 1907 года Котовского опять привезли в здание кишиневского окружного суда.

Вот какие подробности приводил судебный хроникер газеты «Бессарабская жизнь» в своем отчете:

«В судебном заседании Котовский не отрицал факта освобождения им арестантов, но не признал себя виновным, находя, что в поступке его нет ничего преступного. Котовский защищал себя лично и старался открыть перед присяжными заседателями свои политические воззрения на общественный строй и угнетение низших слоев общества. Председательствующий А. Попов остановил Котовского, просил говорить лишь „по существу дела“.

На этом суде Котовский, защищаясь, выступал как обвинитель. Уже приговоренный к каторге, он бросал вызов своим судьям. Через головы судей он обращался к народу.

Он не только не признавал себя виновным, но и доказывал правоту арестованных крестьян, которых пытался освободить.

— На каком основании вы их освобождали? — спросил его товарищ прокурора Саченко-Сакун.

— На каком основании вы их арестовали? — ответил ему вопросом Котовский и продолжал:

— Хотел бы я знать, за какое преступление вы заковываете людей в цепи? Вы говорите, что они нарушили закон, но кто писал эти тиранические законы? Как вы докажете, что лес, который рубили крестьяне, принадлежит помещику? А где он взял этот лес, помещик? Он что, с ним родился? Вы заковываете в цепи голодных людей потому, что они хотят есть и кормить своих детей. Не меня надо судить, а вас. Я смотрю на вас с презрением, так как не признаю ваших законов. Мне каторга не страшна.

После того, как стороны отказались от допроса свидетелей, выступил прокурор. Саченко-Сакун был краток. Он просил присяжных вынести подсудимому обвинительный приговор, как человеку, который своими деяниями выступает против „права и порядка“».

Присяжные и на этот раз вынесли Котовскому обвинительный

приговор. Суд приговорил его по совокупности с прежними приговорами на двенадцать лет. Это было последнее дело Котовского.

Газеты сообщали, что в скором времени он будет отправлен на место своей ссылки. Власти считали, что теперь с Котовским сведены все счеты. Газетные репортеры перестали интересоваться им, и имя Котовского исчезло со страниц бессарабских газет. Только простые люди, проходившие и проезжавшие мимо тюрьмы, продолжали думать и говорить о человеке, томившемся за ее стенами.

Как уже осужденного, Котовского из одиночной камеры перевели в общую.

Обыкновенная серая арестантская гимнастерка плотно обтягивала его мускулистое тело. Свою арестантскую одежду Котовский носил с достоинством.

Даже в тюрьме он презирал бесцельное времяпровождение. В грязной и душной камере, он с настойчивостью, всех поражавшей, занимался гимнастикой. Как ребенок, радовался он первым весенним дням и во время прогулок любил осколком зеркала пускать солнечные зайчики по тюремной стене.

В безоблачные ночи он не отходил от окошка камеры, стараясь увидеть возможно больший кусочек неба и с радостью узнавал знакомые звезды.

Царские тюремщики посадили Котовского вместе с убийцами, бандитами-рецидивистами и мелкими воришками. Он оказался в одной камере с бандитом Загари, с грабителем Рогачевым, бежавшим с Сахалинской каторги, и с другими отъявленными преступниками. Эти преступники держали в страхе всех уголовных; от новоприбывших они требовали, дань «на камеру»; ввели в тюрьме «майdan» — скрытую торговлю табаком, спичками, водкой; выдавали игральные карты и с каждого выигрыша брали проценты. Они устроили на должность тюремного повара своего человека и с его помощью разворовывали продукты, поступавшие на кухню. Тюремные «аристократы» требовали от остальных арестантов беспрекословного подчинения, заставляли выполнять за себя все тюремные работы: подметать камеры, убирать со стола... Плохо доставалось новичкам, протестовавшим против неписанных законов тюрьмы, и тем, кто не выполнял приказаний Загари и его сообщников. С такими жестоко расправлялись.

В камере торжествовала жестокая, грубая сила. И здесь Котовский опять увидел то, что ему было ненавистней всего на свете — угнетение одного человека другим.

Он начал и здесь бороться за справедливость, защищать слабых и

попранных. Котовский отменил «налог на камеру», потребовал, чтобы закрыли «майdan», и следил за тем, чтобы паек, предназначенный для заключенных, не разворовывался.

Первый раз за все годы существования кишиневской тюрьмы нашелся человек, осмелившийся выступить против неписанных ее законов.

Отъявленные уголовники решили во что бы то ни стало «убрать» Котовского. Кто такой Котовский для них? Он не вор и не грабитель! Они затаили глухую злобу против этого «политика», которого к ним «подсунули».

Загари и его друзья задумали убить Котовского. Они собирались ошпарить его кипятком в бане, но Котовского об этом предупредили. Тогда Загари и его сообщники решили затеять во время прогулки драку и в общей свалке убить Котовского. Никто не мог бы найти виновного. Григорий Иванович узнал о подготовляемом нападении. Он предупредил политических, чтобы они не выходили в этот день на прогулку, так как уголовники в драке могли начать резню.

Котовский разгуливал по двору тюрьмы. В сторонке стояли его заключенные дружинники. На другом конце двора сгруппировались сторонники разбойника Загари.

Загари подошел к Котовскому, преградил ему дорогу и начал громко, на весь двор, выкрикивать оскорбительные слова. Котовский сильным ударом руки отбросил Загари в сторону. Он решил первым нанести удар, так как знал, что борьба все равно неизбежна. И тут же сзади на Котовского набросились трое из шайки Загари. Они старались схватить его за голову, за ноги, за руки, свалить и здесь же прикончить. Но свалить его они не могли. Он стоял на месте, расставив ноги, и отбрасывал от себя всех нападавших.

Никто из надзирателей не поднимал тревоги, они спокойно наблюдали за происходящим: «Авось, Загари поможет избавиться от беспокойного арестанта». В руках Загари сверкнуло лезвие ножа. И в эту минуту, неожиданно для всех, невысокий арестант Меламуд, житель Малой Малины, ударил Загари булыжником по голове. Бандит упал замертво.

На несколько секунд воцарилась тишина, а потом неистовые вопли и крики огласили тюремный двор. Люди из банды Загари схватились за камни, привезенные для ремонта одной из башен. В Котовского со всех сторон полетели булыжники. Дружинники и друзья бросились к нему на помощь. Один из них вырвал железный прут из окна камеры и, размахивая им, подскочил к тем, кто кидал камни.

Котовский вовремя выхватил из рук товарища железный прут. Он

стоял посредине двора, сдерживая свою ярость. Все те, кто готовились убить его, начали отходить в сторону. В это время раскрылись ворота, и в них показался начальник тюрьмы Францкевич.

Тюремное начальство только тогда решило прекратить побоище, когда поняло, что Котовский со своими дружинниками не сокрушим.

Продолжая держать в руках железный прут, Котовский сделал шаг навстречу начальнику тюрьмы. Францкевич испугался. Он подумал, что Котовский хочет его ударить. Под смех заключенных начальник тюрьмы начал быстро пятиться к выходу. Котовский засмеялся и отбросил прут в сторону.

С тех пор никто уже не осмеливался поднять руку на Котовского. Он подчинял своей воле самых свирепых преступников. Как всегда, он старался пробуждать в людях лучшие чувства, протягивал руку тем, кто нуждался в его помощи, покровительствовал слабым.

Авторитет Котовского возрос. В тюрьме он стал для всех советником и судьей. Не раз даже сама тюремная администрация обращалась к нему со всевозможными просьбами, пытаясь использовать его влияние на заключенных. Тюремщики боялись Котовского и часто выполняли то, что он требовал. Он не допускал, чтобы его подвергали ежедневному унижительному осмотру и обыскиванию. Когда политические заключенные устраивали забастовку или голодовку, уголовные камеры, следуя призыву Котовского, немедленно присоединялись к ним.

Политические любили Котовского за его пытливый ум, за его неукротимое стремление вырваться на волю.

После 1905 года в «политическом коридоре» кишиневской тюрьмы стало тесно. Здесь сидели организаторы комратского восстания. За несколько дней существования своей крестьянской республики комратцы расплачивались долгими годами заключения. Здесь же сидели и участники различных революционных организаций, недавно начавших свою деятельность в Бессарабии. Котовскому, как и всем политическим заключенным, помогал Красный Крест, который Котовский поддерживал, когда был на свободе.

Красный Крест поручил двум смелым девушкам — работнице швейной фабрики Пелагее Волоховой и фельдшерице земской больницы Александре Лосевой — ходить к Котовскому на свидания, носить ему передачу. Лосева приходила к Котовскому, как его невеста, а Волохова — как родственница.

Иногда им удавалось передать ему прокламацию, напечатанную на тонком, прозрачном листке бумаги. Для того, чтобы не вызвать подозрений

у часовых, девушки наряжались как можно лучше, надевали шляпки и шелковые платья. Пелагея Петровна Волохова рассказывает, что, хотя Лосева только «играла роль» невесты Котовского, но она полюбила его и относилась к нему с большой заботой. Она приносила ему в тюрьму и виноград, и подпольные листовки, и газеты, и даже напильник или небольшой ломик — все то, что ему было нужно. Александра Лосева нравилась Котовскому. Они видели друг друга только через решетку.

Поля Волохова иногда выполняла поручения Котовского.

В Кишиневе, на Малой Малине, Котовский регулярно помогал многим семьям бедняков. И даже в тюрьме он не забывал о них. Он попросил Волохову, чтобы она из средств Красного Креста передала немного денег одной старухе. Волохова разыскала старую, забитую женщину и вручила ей несколько рублей.

— Только благодаря ему еще живу на свете, — говорила старушка Поле.

Политические заключенные добились от тюремного начальства, чтобы Котовскому разрешили приходить к ним. Он ежедневно посещал главный корпус, ходил из камеры в камеру; был в курсе всех дел и событий «политического коридора». Политические приглашали его и на свои конспиративные собрания.

Нелегальные издания проникали в кишиневскую тюрьму. Котовский получал эту литературу от библиотекаря политических заключенных, невысокого человека, который, как и Котовский, закалял себя ежедневными физическими упражнениями.

В тюремном рукописном журнале «Голота» («Беднота») была помещена дружеская карикатура на Котовского. Художник изобразил его во время гимнастики: размахивает руками, а кандалы лежат на полу. И, действительно, прежде чем делать гимнастику, Котовский снимал с себя кандалы. Он добился этого после долгой и тяжелой тренировки.

Котовский принимал участие в рукописном журнале политических. «Голота» доказывала необходимость для «голоты» организовать и смело двинуться на «белую кость»! Редактировал журнал «Голота» Михаил Сибов, политический заключенный, осужденный за участие в комратском восстании. Этот бодрый, жизнерадостный человек дружил с Котовским.

Однажды, после того, как отзвучал вечерний колокол, Михаила Сибова нашли мертвым. Он принял мышьяк. Только тогда его товарищи узнали, как этот внешне веселый человек тосковал по воле и с каким трудом переносил тяготы тюремной жизни.

Котовский горевал о Сибове и одновременно резко осуждал его: —

«Так не должен был поступить революционер», — говорил он. И с еще большей настойчивостью готовился к новому побегу.

У Котовского было немало друзей среди политических, но ни к одной из их групп в тюрьме он не примыкал. Ему были чужды взгляды как анархистов, так и эсеров. Ни те, ни другие не могли оказать на него влияния. Больше того, он отзывался о них очень резко. Среди политических заключенных, сидевших в кишиневской тюрьме, Котовский не встретил человека, который помог бы ему оформить его политические взгляды.

В одиночке, в общей камере уголовников, на прогулках Котовский задумывался над тем, что он должен делать дальше.

Мечтая о том времени, когда ему удастся вырваться на волю, он давал себе клятву, что больше уже никому не удастся запереть его в тюрьму. Он будет действовать так, чтобы никогда не попасться.

Котовский любил говорить о своем будущем, о том, что он будет делать, когда ему удастся убежать из тюрьмы. «Надо сейчас бороться, а не когда-нибудь», — говорил он. Подготавливая очередной побег, он подбирал теперь соучастниками не просто ловких и сильных парней, а таких, которые бы разделяли его идеи и могли бы бороться с существующим строем.

Особенно любил Котовский одного горячего и неукротимого комратца, всегда шедшего наперекор тюремному начальству. Часто слушал Котовский его рассказы и песни. В вечерние часы далеко разносился сильный голос комратца, проникавший даже за стены тюрьмы. Прохожие останавливались и подолгу слушали неведомого певца.

Котовский вспомнил, как и сам он пел в кокорозенской школе, и неожиданно для всех обнаружил свои певческие способности. Его приняли в тюремный церковный хор. Воспользовавшись этим, он вместе со своими товарищами-комратцами и со скромным библиотекарем, делал подкоп из церкви. Пели дружно. Пели так хорошо, что и начальство одобряло. Так продолжалось до тех пор, пока под аналоем не был обнаружен склад оружия.

Начальство принимало все меры, чтобы «завинтить» тюрьму. Котовского не смущали неудачи. Одно время он готовил побег через крышу, потом собирался бежать «на ура», среди бела дня. Не проходило и месяца, чтобы в тюрьме не был обнаружен новый подкоп. Стены тюрьмы были крепко зацементированы. Каждый камешек приходилось выламывать с трудом. Работали по одиночке, стальными сверлами и зубилами. Котовскому удалось получить с воли жидкость, облегчавшую сверление. И не раз, когда все уже бывало подготовлено, тюремные ищейки при помощи

провокаторов обнаруживали подкоп то в башне, то в стене. Несмотря на то, что за Котовским усиленно следили, он и его товарищи получали с воли и оружие, и необходимые инструменты.

Тюремная стража жила в вечном ожидании неприятных сюрпризов от Котовского. Начальник тюрьмы и местный исправник долго хлопотали, чтобы кишиневскую тюрьму избавили от Котовского. Только при этом условии они обещали навести в тюрьме порядок.

8 февраля 1908 года, по распоряжению главного тюремного управления, Григория Котовского в отдельном арестантском вагоне отправили в город Николаев, в особую, образцовую тюрьму, специально предназначенную для самых отчаянных беглецов с каторги.

«Одиночный режим в течение двух с половиной лет, с прогулкой по пятнадцать минут в сутки, полной изоляцией от живого мира. На моих глазах люди гибли от этого режима десятками, и только железная воля и решение во что бы то ни стало быть на свободе, жажда борьбы, ежедневная тренировка в виде гимнастики спасли меня от гибели», — писал Котовский в своей автобиографии о годах, проведенных в николаевском центре.

Никакие испытанные средства: ни пилки, ни отмычки, ни веревки — не могли ему помочь.

На свидания к нему не допускали. Он не знал даже тех, кто сидит в соседних одиночках. Но он не чувствовал себя обреченным и, как всегда, думал о побеге. Он решил вырваться из николаевской каторжной тюрьмы, подняв дело Зильберга, который в свое время так подло предал его.

Котовский написал о проделках Зильберга в департамент полиции. В своем заявлении он в качестве свидетелей, назвал других своих дружинников, отбывавших срок наказания в разных тюрьмах. Делу был дан ход.

Котовский отказывался давать какие-либо показания, пока он находился в николаевской тюрьме.

Зимой 1910 года тюремщики были вынуждены доставить его в Кишинев как свидетеля по делу Зильберга. Из других тюрем и централов прибыли другие свидетели, на которых сослался Котовский в своем заявлении. Среди них были и его верные дружинники. Все это он сделал для того, чтобы из кишиневской тюрьмы или из здания суда организовать побег «свидетелей».

Зильберга судили вместе с его начальником, приставом Лемени-Македони. Это нашумевшее тогда дело слушалось выездной сессией Одесской судебной палаты.

Котовского вызвали в суд для дачи показаний. Он снова встретился

здесь со многими кишиневскими полицейскими, которых знал в лицо. Он помнил их проделки, и, выступая свидетелем на суде, с сарказмом рассказывал о делах кишиневской полиции, о бывшем полицмейстере бароне Рейхарде, который присваивал себе найденные краденые вещи.

Барон Рейхард на суде не присутствовал, его заблаговременно перевели на другую должность, и к суду он не привлекался. Зильберг же и его начальник были приговорены к четырем годам каторги.

Котовский начал готовить свой новый вооруженный побег. Но кишиневское тюремное начальство стремилось как можно скорей избавиться от Котовского. Надзиратели были с ним необычайно вежливы. Они называли его по имени-отчеству, и каждый просил, что если он вздумает бежать, то пусть только не в его дежурство. Котовский же предъявил тюремному начальству свой ультиматум: он грозил большими неприятностями, если только его вздумают отправить обратно в николаевский централ. Тюремщики знали, что Котовский не шутит, и вскоре пришло распоряжение направить его в Смоленск.

26 марта 1910 года Котовский прибыл в смоленскую каторжную тюрьму.

Начальник смоленского губернского жандармского управления «совершенно секретно, лично» уведомлял заведующего особым отделом департамента полиции о прибытии Григория Котовского, характеризуя его в своем донесении: «постоянно стремящийся к побегу».

В кишиневской тюрьме власти считались с Котовским. Их пугала его слава в Бессарабии. В смоленской же тюрьме к нему отнеслись как к обыкновенному преступнику. Котовский, как и раньше, держался независимо. Это раздражало тюремщиков. Они решили его проучить. Однажды стражники присвоили себе передачу, принесенную одному заключенному. Котовский запротестовал. Тогда несколько стражников набросились на него и свалили на пол. Один из них сел на Котовского, другие начали его бить. Удары сыпались со всех сторон. Закованный в ручные и ножные кандалы, Котовский не мог сопротивляться. Его били, а он страдал не от боли, а от бессилия, от того, что не мог разбросать в стороны этих крыс, одетых в царские мундиры. Все его мускулы напрягались. Движением плеч старался он сбросить с себя тюремщиков.

Это были невыносимо тяжелые минуты в жизни Котовского. Он не мог ответить ударом на удар. Когда он был юношей, его ожег удар помещичьего хлыста; а теперь его топтала ногами свора царских опричников. Не было предела его горю и возмущению.

Из смоленской каторжной тюрьмы Котовский был отправлен на

каторгу. Путь лежал в Забайкальскую область. На этапе из Сретенска в Горный Зерёнтуй он шел впереди всей партии ссыльных. Он не кутался, шел бодро, не сгибаясь, в любую погоду, в метели и буран. Конвоиры никогда не видели еще такого каторжанина. По утрам Котовский закалял себя. Не обращая внимания на морозные ветры, он снимал рубашку и шел с открытой грудью. На остановках он без рубашки ложился на снег.

Котовского сопровождала секретная бумага с его характеристикой. В ней сообщалось, что его необходимо стеречь особенно тщательно, так как он быстро завоевывает симпатии заключенных и охраны и совершает побеги. Эту секретную бумагу Котовскому удалось похитить на одной из стоянок и уничтожить.

Так достиг он Казаковской каторжной рабочей тюрьмы. Начальник прииска подполковник Евтин даже среди тюремщиков славился своей жестокостью и садизмом. В присутствии Евтина, в этом застенке каторжан подвергали порке и многих засекали до смерти.

Если раньше Котовского хотели укротить, заключив в высокую тюремную башню, то теперь его должны были надолго упрятать в глубокой шахте.

— Неужели и ему жить здесь вместе с нами? — думали старые каторжане, глядя на новоприбывшего бессарабца, сильного, атлетически сложенного, всем своим существом устремленного к свободе и воле.

Больше полугода проработал Котовский в золотоносных шахтах Казаковского прииска. А в мае 1912 года он был отправлен на постройку железной дороги, где работал по укладке шпал, а потом, как наиболее грамотный, был назначен табельщиком. Вместе с каторжанами на постройке Амурской железной дороги работали и вольные рабочие, и бывшие каторжане, по отбытии своего срока ставшие поселенцами. Котовский не мог представить себе, что и он на всю жизнь останется здесь.

В связи с предстоящим трехсотлетием царствовавшего дома Романовых пересматривались дела всех каторжников. Заключенные ждали «высочайшей милости».

19 февраля 1913 года команда каторжников, в которой находился и Котовский, была выстроена. Начальник опрашивал всех заключенных. И тут Котовский узнал, что на категорию, к которой он принадлежал, «высочайший манифест» не распространялся.

Уже семь лет, как он за решеткой и в кандалах, осталось почти столько же. А кроме того, в любой момент могут обнаружить, что он уничтожил сопровождавшую его секретную бумагу. И тогда — снова суд, и уже не годы, а вечная каторга.

Напрасно он вместе с другими ждал царского манифеста; напрасны были его мечты о свободе... Несколько дней он ходил как помешанный, испытывая жгучую тоску по родной Бессарабии и знойному югу. Выход по-прежнему оставался только один — совершить побег.

Как каторжанина, на которого не распространялось действие манифеста, Котовского отправили добывать песок в шахту.

Территория шахты была обнесена огромным рвом. За рвом начиналась тайга. Решаясь бежать отсюда, Котовский знал, что ему придется много дней идти по неизведанным тропам, голодать. В одном из скрытых уголков шахты он собирал сахар и спички.

Все было готово к побегу. Котовский ждал только случая. Надо было спешить.

27 февраля 1913 года в шахте, кроме стражника, никого не было. Улучив момент, Котовский обезоружил стражника, связал его и засунул ему в рот тряпку. Сам же залез в клеть, которая шла наверх. По существовавшим порядкам, наверху двое стражников металлическими щупами проверяли каждую клеть. Только хотели охранники опустить щупы в клеть, как Котовский, быстро отбросив железную крышку, выскочил оттуда. Двумя выстрелами он убил стражников и бросился бежать. Легко перепрыгнув ров, он оказался в тайге. Теперь никакая погоня его не настигнет!

Глава седьмая

НА СВОБОДЕ

Начались суровые скитания. Один, без пищи, питаясь остатками сахара и снегом, шел Котовский по тайге. Ему казалось, что за день он уходит далеко вперед; на самом же деле он проходил всего по несколько километров. Во время ночлега собирал сухие ветви, устраивал круг из костров. Спал он тревожно, так как нужно было подкладывать в огонь ветви. На запах человека сбегались звери, и только огонь костров не позволял им подойти к спящему. А потом Котовский снова шел, пробираясь сквозь чащу деревьев. Руки и ноги, покрытые струпьями, болели от ушибов; опухшее от голода лицо было расцарапано ветвями. Опасность представляли не только таежные звери, но и стражники, охотившиеся в тайге за беглыми каторжниками. За каждого пойманного они получали солидное вознаграждение.

Так четырнадцать суток шел Котовский. Он ослабел. Временами ему казалось, что деревья расплываются перед ним, терял направление и топтался на одном месте. Начались галлюцинации. Он не понимал, что с ним происходит — неужели сходит с ума? Но надо было идти, и он шел все дальше, шел, изнемогая от усталости. Вдруг впереди послышались детские голоса. «Откуда дети в глухой тайге? Неужели я схожу с ума?» — опять мелькнула ужасная мысль. Но голоса становились все слышней и звонче. Котовский напряг последние силы и, раздвигая ветви, пошел по направлению голосов. Он шел шатаясь. Вдруг перед ним ослепительно сверкнули полосы рельс. Он вышел к железнодорожному полотну, у которого действительно играли детишки. Котовский не помнил себя от радости: наконец-то он вышел из тайги! Он опустился на колени и, пригоршнями собирая снег, стал жадно глотать его... Детишки, увидев странного, оборванного человека, который ползал по снегу и щурился от солнца, испугались и закричали: «Варнак из лесу вышел, варнак!» Они побежали; в сторожевую железнодорожную будку за отцом. Путевой обходчик помог Котовскому подняться. Он не спрашивал беглеца, кто он и откуда, уложил в постель, закутал одеялом и начал поить горячим молоком.

У будочника Котовский прожил несколько дней. Дети теперь уже не боялись его. Они залезали к нему на колени, и «варнак» гладил их по волосам. А когда он немного отдохнул, путевой обходчик помог ему сесть на поезд на ближайшей станции.

Котовский ехал без документов. То и дело полицейские проверяли вагоны. Он всячески старался не попадаться им на глаза. Все же однажды ему пришлось на полном ходу спрыгнуть с поезда и пойти пешком. Он забрел в небольшое селение у Байкала, разыскал трактир и заказал себе пару чая. Он никак не мог отогреться. В это время в помещение нагрянул наряд жандармов. Котовский выбежал через черный ход и спрятался за дверь. Надо было где-то устраиваться на ночлег. Он снял дверь с петель и унес ее с собой на Байкал. Там положил ее на лед и улегся, пытаясь заснуть. Этот ночлег на озере, на льду, он запомнил на всю жизнь, так же, как высокую башню кишиневской тюрьмы и подземелье рудника.

«Тайга. Тысячи верст, — вспоминал он в своей автобиографии, — Чита, Иркутск, Омск... Явки. Паспорта и нелегальная жизнь».

Котовского тянуло в Европейскую Россию, поближе к Бессарабии. Он перекрасил волосы и усы, надел длинное пальто, большую шляпу с широкими полями и в таком виде, похожий на бродячего певца, поехал дальше, в глубь России.

Поезд проходил по Сызранскому мосту, через Волгу. Охрана моста задержала поезд. Было получено сообщение, что в поезде едут двое неизвестных, которых разыскивает полиция. В поезде оказалось человек восемь подозрительных лиц, в том числе и Котовский. Он был без документов. Его волосы, выкрашенные в рыжевато-грязный цвет, и такое же пятно, посаженное возле уха, обратили на себя внимание и заставили полицию отнестись к нему с особым вниманием.

Котовский решил немедленно бежать. Пока охранники обыскивали других задержанных и пререкались с ними, он оказался у дверей...

Он побежал. На берегу Волги он смыл с себя краску и привел в порядок костюм. Это был самый легкий из всех его побегов.

«...Работая на Волге грузчиком, чернорабочим на постройках и в помещичьих имениях, кочегаром на мельнице, помощником машиниста, кучером, разливальщиком и рабочим на пивоваренном заводе, молотобойцем, рабочим кирпичного завода, рабочим на постройке железной дороги — везде я будил ненависть к эксплуататорам, к тем, кто выжимает последние соки из рабочего и бедняка. На одном месте оставаться долго нельзя...» Так менял он профессии и города, всюду подвергаясь риску быть арестованным.

По всей стране была разслана жандармская регистрационная карточка. В ней предлагалось при обнаружении Котовского: «арестовать, обыскать, препроводить в распоряжение начальника команды арестантских работ Амурской ж. д.».

Котовскому удалось достать паспортную книжку на имя орловского мешанина. С этим паспортом он нашел работу в городе Балашове, Саратовской губернии — устроился помощником машиниста на строящейся вальцевой мельнице. Там он проработал пять месяцев.

По воскресным дням помощник машиниста часто посещал иллюзион. 19 августа 1913 года, перед началом сеанса в иллюзионе, к Котовскому подошел молодой солдат, до этого внимательно поглядывавший на него, извинился и попросил его назвать свою фамилию. Котовский назвал фамилию по паспорту, по которому жил тогда. Солдат улыбнулся:

— Я из Кишинева. Я служил приказчиком в магазине Спыкулова и видел вас на суде...

Как только начал демонстрироваться очередной боевик, Котовский поднялся со своего места и ушел.

На следующий день он увидел, что этот же солдат в сопровождении еще двух лиц, идет по направлению к мельнице. Встреча не предвещала ничего доброго. Больше всего на свете Котовский боялся потерять свободу. Он поспешил уйти с территории мельницы. По дороге забежал на квартиру, собрал необходимые вещи и ушел из города.

Несколько дней Котовский шел пешком вдоль железной дороги. Он был опять без документов, они остались у подрядчика. Кругом — незнакомая местность. Здесь легко погубить себя. И как всегда, он возвращался к мыслям о Бессарабии. Его влекла туда непреодолимая сила. На одной из станций он взял билет четвертого класса до Кишинева.

Когда поезд подходил к Днестру, он жадно смотрел в окно вагона. Сильно билось сердце. Котовский вдыхал родной воздух, в котором было раздолье степей и терпкий аромат винограда.

Поезд прошел мост через Днестр, а Котовский все смотрел в окно вагона на мелькающие виноградники, на сады. Не доезжая Кишинева, он спрыгнул с поезда и пошел по проселочной дороге. Легкая пыль вилась за ним.

Вот знакомое село. Беднякам этого села он раздавал когда-то деньги, отобранные у помещиков. Помнят ли его еще здесь?.. По дороге медленно тянулась арба, шли крестьяне в белой домотканной заплатанной одежде. Котовский догнал одного молдаванина, который гнал впереди себя пару волов.

— Куда гонишь волов?

— В Кишинев, на базар, надо за недоимки платить.

— Гони обратно волов домой. Вот тебе деньги, заплатишь за недоимки.

Котовский протянул бедняку несколько ассигнаций. Тот так растерялся, что не знал, брать ему деньги или не брать. Может быть, этот прохожий просто задумал над ним посмеяться...

Взяв деньги и спрятав их за пазуху, молдаванин низко поклонился незнакомцу.

Котовский же пошел дальше, а бедняк долго стоял на дороге и все смотрел ему вслед.

— Прямо как Котовский! — сказал он про себя в раздумье... Котовский прибыл в Кишинев, когда праздновался один из «царских дней». Здания были украшены флагами. Котовский ходил по улицам Кишинева. Он рассматривал новые вывески и витрины магазинов, гулял в городском саду по любимой тенистой липовой аллее, что вела к памятнику Пушкина.

Читал надпись на памятнике:

«Здесь, лирой северной пустыни оглашая, скитался я...»

Так бродил он по городу... Немногое изменилось здесь в его отсутствие. Он хотел как можно скорей войти в курс кишиневской жизни, узнать, где его друзья, кто сейчас губернатор, живы ли Скоповский, Семигравов, Назаров...

Он подошел к кафедральному собору, сверкавшему белизной. В этот вечер в соборе шло богослужение, и там должны были присутствовать все местные власти.

Котовскому вдруг непреодолимо захотелось зайти в собор. Это был один из тех моментов, когда он, вопреки своей обычной рассудительности, шел на риск.

Молебствие было в самом разгаре. Хор пел здравие царствующему дому. Котовский через дымчатое пенсне разглядывал молящихся, узнавал знакомых. Потом он медленно двинулся, вперед, немного постоял на месте, слушая пение, и снова, точно его кто тянул, стал тихонько продвигаться еще ближе к стоявшим впереди. Так он очутился позади полицмейстера Славинского.

Вскоре тот, словно чувствуя, что сзади кто-то стоит и смотрит на него, обернулся и вдруг побледнел. Его наряженная супруга и дочери в белых кружевных платицах не подозревали, какое чувство испытывает он сейчас, узнав человека в дымчатом пенсне. Полицмейстер оцепенел, он испугался за себя, за жену, за детей и за губернатора.

Котовский усмехнулся, наклонился к уху Славинского и сказал тихо, но внятно:

— Не беспокойтесь, я сейчас уйду.

Он тут же повернулся и медленно вышел из собора. На углу

Александровской подозвал первого попавшегося извозчика, вскочил и уехал.

Вечером полицмейстер вызвал к себе кишиневского исправника и приставов.

Котовский в это время гримировался. Он разыскал друзей, которые раздобыли ему гвардейскую форму.

На следующее утро в одном из кишиневских кафе сидел статный гвардеец и небрежно просматривал газету. Это был Котовский. В хронике он прочитал небольшую заметку о том, что «известный своими смелыми нападениями Григорий Котовский, осужденный судом на каторжные работы, бежал и снова появился в Бессарабии».

В кафе «гвардеец» встретил своего друга, по внешности похожего на богатого землевладельца. Приятели направились в парикмахерскую подбрить усы и освежиться одеколоном.

Котовский заметил, что по их стопам следует сыщик. Он безошибочно узнавал этих типов среди толпы.

«Офицер» и «помещик» вошли в парикмахерскую. «Гвардеец» занял кресло, вытянул ноги и громко, на всю парикмахерскую, начал говорить своему спутнику, что вернет ему карточный долг, как только отец пришлет деньги.

Шпик сидел на стуле, листая журнал. Он прислушивался к разговору... «Нет, этот лощеный офицер не похож на Котовского», — решил он и стал прислушиваться к тому, что говорят другие. Какой-то паренек рассказывал парикмахеру, как ему удалось избежать призыва. Сыщик поднялся и предложил пареньку следовать за ним.

«Офицер» поднялся со своего кресла, кивком головы подозвал сыщика и сказал ему несколько слов в защиту паренька: «Стоит ли с ним возиться!»

Сыщик вежливо расшаркался перед офицером. Он бы и сам рад, но ничего не может сделать, так как это долг его службы.

Прожив несколько дней в Кишиневе, установив старые и новые связи, переполошив всю кишиневскую полицию, Котовский решил на время скрыться из города. Гвардейскую форму он снова сменил на старую рабочую одежду. В Кишиневе он получил паспорт на имя поселянина Рудковского и нанялся на кирпично-черепичный завод наследников Дическуловых. На этом заводе его застало объявление первой мировой империалистической войны.

Вскоре завод закрылся, и Котовский устроился кочегаром при паровой молотилке в семи верстах от Кишинева. Там его узнали, и ему пришлось уничтожить документы на имя Рудковского и снова скрываться, работая

поденно на молотье у разных землевладельцев.

Летом Котовский спал то в сарае, то прямо у молотилки на соломе; с осени же трудно было обходиться без жилья. Он скитался по Бессарабии в поисках заработка, стараясь избегать столкновений с полицией.

Сыщики искали Котовского, но никак не могли напасть на его след. Тогда бессарабский губернатор вспомнил о Хаджи-Коли. Еще в 1908 году Хаджи-Коли был уволен с должности пристава второго участка за ряд злоупотреблений, но предприимчивый служака устроился на более выгодную службу — в дворцовую охрану Петербурга.

Теперь Хаджи-Коли оказался незаменимым. Он был вытребован из Петербурга и назначен на должность кишиневского исправника.

Котовский знал, что теперь Хаджи-Коли будет лезть из кожи вон: искать провокаторов, подкупать, обращаться к помощи уголовников и следить за Ганчештами.

Долгое время Котовский обходил Ганчешты стороной. Когда же власти убедились, что он избегает появляться у отчего дома, он решил навестить родные Ганчешты.

Поздно ночью постучался он в дом Михаила Попеску, с которым учился в одном классе в начальной школе. Они вместе ходили в школу, так как жили рядом. Попеску долго не мог поверить в то, что перед ним Котовский, хотя уже давно ходили слухи, что тот вернулся с каторги. Часто Михаил вместе с другими молдавскими селянами говорил: «Эх, если бы Котовский был здесь!» А теперь Григорий Иванович сидит у него в хате, живой и невредимый!

Жена Попеску поставила перед гостем кварту вина и свежую брынзу.

Всю ночь проговорил Котовский с земляком. Он узнал, что Попеску исполняет должность псаломщика в местной церкви. Горский стал начальником базара и разбогател; сестра Елена родила двух сыновей, она все такая же, только хлопот у нее стало больше.

— Веди меня к Елене, — попросил Котовский.

Елена Ивановна удивилась ранним гостям. Кого это привел к ней Попеску, кто этот изможденный незнакомец в городском платье?

— Не узнаете? — спросил Попеску.

— Нет.

Котовский протянул руки сестре:

— Не плачь, Елена, не кричи, это я, Гриша! Елена повисла на шее брата, гладила его по голове... Котовский стал часто приходить к сестре в Ганчешты. Елена Ивановна все сокрушалась: приехал брат, а его надо прятать. Как-то она его спросила:

- Ну как, Григорий, жить будешь?
- По-старому, Лена, я не для себя живу.
- Куда теперь денешься?
- Здесь останусь.
- А если опять схватят?
- Живым в руки не дамся. Ты за меня не беспокойся.

Больше Елена Ивановна ни о чем не спрашивала брата. По ночам она прятала его в сарае, укрывала теплым атласным одеялом, которое получила в приданое. Елена догадывалась, что это он совершил нападение на контору винокуренного завода. Она старалась ничем не выдать себя, когда слышала, как в доме старшей сестры Горский ругал Григория и грозил, что если тот вздумает явиться к ним, он сам схватит его и передаст в руки полиции.

Однажды ночью, когда Котовский скрывался у Елены, залаяла собака. Елена выбежала во двор. Услышав приближающиеся голоса, она разбудила брата.

— Дай кожух! — быстро сказал Котовский. Выскочив из хаты, он бесшумно перепрыгнул через забор.

Всю ночь в Ганчештах искали Котовского. Искали его и у Горского, и у Попеску. Пристав Лефтер арестовал Попеску и его жену, обвинив их в том, что они укрывали беглого. Сестер же, из уважения к Горскому, оставили в покое.

Котовский шел по дороге, опираясь на палку. Он приклеил себе бороду. Никто не мог бы в этом старом, сгорбившемся чабане узнать человека, имя которого опять гремело в Бессарабии.

«Снова организовал террор на помещиков и богачей и снова они почувствовали мою руку» — писал позже Котовский.

Теперь он действовал более осмотрительно, чем в 1905–1906 годах. Он не давал опомниться своим врагам. Почти ежедневно кто-нибудь из кишиневских богачей получал от него записку с требованием внести по определенному адресу в такой-то день и час указанную сумму. Так он обращался к банкирам, мануфактуристам, спекулянтам, нажившимся на войне. Прежняя популярность помогала ему. Тысячи людей в Бессарабии радовались, что Котовский жив, на свободе и по-прежнему ведет войну с богачами. Значит, недаром в песнях воспевалась его непобедимость. Он знал, как много людей нуждаются в его помощи. Он раздавал деньги беженцам и всем пострадавшим от войны и через Красный Крест передавал крупные суммы для раненых. Если раньше он громил, главным образом, помещичьи вотчины, то теперь не оставлял в покое и

фабрикантов. Он не ограничивался только Бессарабией; одесские капиталисты были в панике. Среди бела дня он нанес визит миллионеру Блумбергу и заставил его открыть перед ним свой сейф.

Котовский действовал так же, как раньше: прибежал к гриму и переодеванию. Не успевала полиция расследовать событие в одном месте, как в Кишинев уже сообщали, что Котовский появился в другом. Он стал прибегать и к массовым инсценировкам. Однажды он заранее предупредил одного мануфактуриста, чтобы тот приготовил крупную сумму денег. Как ни боялся мануфактурист мести Котовского, все же он решил обратиться в полицию. Полиция обещала устроить засаду. Об этом узнал Котовский. Он переделся и своих людей вырядил в городских. Затем явился к мануфактуру и расставил в его доме засаду. Тот обрадовался, пригласил «блюстителей порядка» за стол и первый свой тост провозгласил за кишиневскую полицию.

Когда были налиты все бокалы, поднялся «представитель жандармского управления»:

— Давайте выпьем за Григория Котовского и его славных, смелых друзей, которые объявили священную борьбу грабителям народа.

Резким движением руки Котовский сорвал приклеенные, молодецки закрученные усы и осушил бокал.

Он заставил и мануфактуриста выпить за Котовского, а потом перешел с ним к деловому разговору...

Теперь Котовский предпочитал прятаться не в укромных уголках и на окраинах, а буквально под самым носом тех, кто его искал. Так было безопасней. Он посещал греческую церковь, усердным прихожанином которой был Хаджи-Коли, заходил на веранду кондитерской Туманова, высматривая среди разодетой праздной публики богачей, транжирящих деньги; бывал на театральные представления, покупая себе места в первых рядах.

Однажды в Бардарском лесу он завел беседу с лесником вблизи шалаша, где жили стражники, разыскивавшие Котовского. Как раз в это время к шалашу подъехал пристав. Стражник отрапортовал ему, что они обыскали весь лес, но Котовского не нашли. Пристав приказал им еще лучше смотреть за лесом. Котовский же преспокойно стоял в двух шагах от пристава, не подавая и виду, что его интересует этот разговор.

Пристав уехал, а он остался с лесником и стражником «ловить Котовского».

Полицмейстер Славинский решил, что обычными мерами невозможно поймать Котовского. Он и так уже рассылал наиболее расторопных

полицейских и в одиночку, и отрядами в Одессу, Тирасполь, Бендеры, в районы Оргеевского и даже Измаильского уездов. Котовского искали по всему югу России...

В апреле месяце всем начальникам полиции и сыскных отделений было отправлено более тысячи экземпляров снимков Котовского с описанием его примет.

«Котовский прекрасно говорит по-русски, молдавски, румынски, еврейски, а равно может изъясняться на немецком и чуть ли не на французском языке. Производит впечатление вполне интеллигентного человека, умного и энергичного; в обращении старается быть со всеми изысканным, чем легко привлекает на свою сторону симпатии всех, имеющих с ним общение.

Котовский — роста выше среднего, плотного телосложения, шатен; открытое выразительное лицо, на голове большая лысина; волосы обыкновенно стриг очень низко; иногда носил усы, а потом их сбрил; бороду также сбрил, на лице под глазами имел значки-горошки от татуировки, но места эти он выжег, от чего образовались как бы ямки от прыщей. В разговоре заметно заикается, несколько заметно сутуловат, во время ходьбы качается, одевается прилично, наблюдает за своим здоровьем, прибегая к изданным по этому вопросу книгам и брошюрам».

Полицмейстер требовал от всех уездных исправников «самых тщательных розысков как Котовского, так и его сообщников».

Неподалеку проходил фронт. Каждый мужчина находился на учете. Котовский жил под постоянной угрозой снова попасть в руки к палачам. Это мешало ему связаться с людьми, которые могли бы вывести его на правильный путь революционной борьбы. Он понимал, что обстановка требует сознательных, организованных действий. Он хорошо знал о героической борьбе рабочего класса, а сам пока повторял лишь то, что делал в 1905–1906 годах. Он действовал прежними методами, но уже понимал, что этими прежними методами, этим путем он не сможет достигнуть многого.

Ему стало все труднее и труднее скрываться. Как раз в это время справочная контора объявила о том, что в имении Стоматова требуется ключник. Котовский, раздобывший себе новый паспорт на имя оргеевского мещанина Ивана Ромашкана, предложил Стоматову свои услуги.

Имение Стоматова было раскинуто на десятки верст в Бендерском уезде. Здесь работали тысячи батраков.

Новый ключник быстро завоевал доверие Стоматова, и тот предложил ему исполнять обязанности управляющего, назначив ему восемьсот рублей

жалованья в год.

Котовский согласился. Днем он работал, объезжал все уголки большого хозяйства, а ночью, на конях, со своими людьми, часть из которых принял на службу к Стоматову, начал совершать нападения на соседние имения.

Стоматов был осторожен и предусмотрителен. Он упросил станового пристава поселить в его имении конного стражника. Управляющий Иван Ромашкан жил со стражником в одной комнате, помещавшейся рядом с конюшней. В любой момент под рукой Котовского была лошадь. Управляющий и стражник подружились, рассказывая друг другу всевозможные приключения.

Несколько раз стражник начинал разговор на модную тогда, тему: — Хоть бы раз повидать, какой он, Котовский, из себя!

...Фронт приближался. На случай вторжения немцев в Бессарабию повсюду копали окопы. Копали их и на земле Стоматова.

«Веду агитаторскую и пропагандистскую работу среди рабочих, которые состоят из пленных австро-венгерцев, солдат русской старой армии больших возрастов и деревенской бедноты окружающих сел, которых работает в этом имении свыше трех тысяч человек. Веду также работу между частями сапер, роющими окопы на территории имения». — Так писал Котовский в своей автобиографии.

Иван Ромашкан вставал рано утром. Все в имении удивлялись его работоспособности. Где он только ни побывает за день, за всем уследит, всем поможет. Иногда же он уезжал в отпуск по своим делам. Стоматов никогда не отказывал Ромашкану и всегда отпускал его на несколько дней. Вот в эти-то несколько дней Ромашкан снова становился Котовским, сбивая с толку лучших сыщиков Петрограда, Москвы и Киева. Делу его поимки была придана небывалая гласность. В июне 1916 года на всех станциях, у шлагбаумов, на столбах были расклеены его фотографии анфас и в профиль. Полицмейстер Славинский не поскупился: плакат о розыске Котовского с описанием его примет был отпечатан во многих тысячах экземпляров, кроме того, такие же снимки и объявления появились на видном месте в газете «Голос Кишинева».

«Лица, скрывающие Котовского, как участники его преступной деятельности, будут преданы военно-полевому суду, а лицо, указавшее его, если он благодаря этому будет задержан, получит вознаграждение от казны в две тысячи рублей».

На следующий день после выхода газеты кишиневский полицмейстер Славинский узнал, что Иван Ромашкан и Григорий Котовский одно и то же

лицо. Котовский был продан за две тысячи рублей.

В тот же день, не теряя времени, Славинский, получив одобрение вице-губернатора, решил лично выехать в имение Стоматова. Он взял с собой самых верных своих служак, в том числе и Хаджи-Коли. Ночью Славинский с этими людьми на автомобиле выехал из Кишинева.

Утром в соседнем имении несколько полицейских переоделись в рабочее платье и взяли в руки косы. Им было приказано отправиться в имение Стоматова под видом ищущих работы косарей, обратиться за работой к «управляющему Ромашкану» и при первой же встрече с ним окружить его и арестовать; если же будет сопротивляться — стрелять.

Как раз в это утро Котовский рано поднялся, оседлал любимого серого коня и помчался по полям. На сенокосе, верстах в десяти от имения, слез с коня, взял из рук рабочего косу, направил ее на бруске и пошел вместе с косцами по ряду, широко размахивая косой. Он наладил косьбу и, довольный работой, поехал обратно.

Не доезжая усадьбы, он встретил трех косарей. Они остановили его, когда он въезжал во двор имения.

— Вот уже два часа, как мы вас ждем, господин управляющий, хотим наняться на работу.

Котовский внимательно осмотрел косарей. Пришли наниматься на сенокос, а косы у них не отточены, хотя уже скоро конец косьбы; у одного же из-под холщевых штанов виднеется тупой носок форменного сапога.

Григорий Иванович сразу догадался, что это за «косари», но, не подав виду, спокойно ответил:

— Хорошо, подождите меня минуточку, я сейчас переоденусь и приду, поговорю с вами.

Котовский стегнул коня и полным ходом пересек двор.

На глазах растерявшихся полицейских он скрылся через другие ворота.

Славинский, узнав об этом, немедленно выслал погоню.

За Котовским гнались верховые, среди них был и стражник, который жил в имении Стоматова.

Котовский мчался, не оглядываясь, но, вспомнив, что оставил в кармане пальто револьвер, он, сгорая от досады, решил повернуть обратно и посмотреть, что предприняли полицейские. А кроме того, у него мелькнула мысль: не ошибся ли он из-за своей излишней подозрительности.

В это время полицейские и агент сыскного отделения уже производили обыск в комнате, в которой он жил. Прежде всего они наткнулись на

большую корзину с огромными камнями, заменявшими Котовскому гири во время его ежедневных упражнений. На полке лежала стопка брошюр по гимнастике, стояло несколько флаконов одеколона. Это было единственное, что всегда любил запастись при поездках в город «управляющий Ромашкан». Из кармана пальто был изъят револьвер системы браунинг с одним патроном в стволе.

...Котовский, раздумывая над тем, как ему поступить дальше, ехал обратно и вдруг заметил облачко пыли. Приглядевшись, он; увидел группу всадников. Надо свернуть в сторону, а то он встретится с ними. Но поздно. Его заметили. Началась погоня.

Конь, сделавший за день большой пробег, выбился из сил. Вначале Котовский сбросил седло, а потом слез с коня, хлестнул его и отпустил. Через несколько минут полицейские увидели взмыленного коня без всадника.

Теперь Котовский слышал не только конский топот, но и шум приближающегося автомобиля. Он бросился в посевы, стараясь отползти как можно дальше от дороги. Он полз, царапая лицо о репейник. Потом он плотно припал к земле. Он держал руку в кармане, — пусть, если найдут его, подумают, что он достает револьвер.

Автомобиль остановился. Славинский, Хаджи-Коли и пристав Гембарский с винтовками в руках побежали впереди полицейских и людей из соседних имений, вызванных на поиски. Началась облава.

Котовский затаил дыхание. Все ближе и ближе шуршат шаги, Совсем близко. Полицеймейстер Славинский крикнул ему: «Руки вверх!», но он так и остался лежать, не вынимая руки из кармана. Славинский решил, что Котовский будет сопротивляться, и выстрелил в него из винтовки. Вслед за первым раздался второй: выстрел. Это старался Хаджи-Коли.

Со всех сторон к Котовскому с наведенными на него револьверами приближались полицейские. Пуля попала ему в грудь к прошла навывлет. По рубашке текла кровь.

Исправник Хаджи-Коли, первым приблизившись к раненому, наклонился над ним и торжествующе произнес:

— Ну что, беглый каторжник, погулял на воле? Давно не виделись.

Полицейские начали обыскивать Котовского. Они не могли поверить, что он оказался без оружия. Полицеймейстер Славинский достал из кармана наручники и надел их ему на руки.

Полицейские потащили раненого к машине. Из-за острой боли в груди он не мог ни сопротивляться, ни кричать. Как ценную добычу, везли Котовского в Кишинев. Начался проливной дождь. Вода струилась по лицу

Котовского. Он открыл рот. Ему хотелось пить, и он глотал дождевые капли.

Глава восьмая

СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР

Утром машина прибыла в Кишинев. Котовский без посторонней помощи вышел из автомобиля. На руках его гремели новые, специально сделанные для него, браслеты-наручники. Ноги были связаны веревкой. Его запыленный костюм защитного цвета был весь в крови.

Полицейские, обступившие Котовского, не узнавали его. Он так изменился за последнее время, что мало был похож на свои фотографии, расклеенные по всей Бессарабии. Он напоминал путешественника, исходившего много сотен верст пешком. Его загорелое, утомленное лицо было окаймлено бородкой. Боль не позволяла Котовскому поправить свою темно-оливковую шляпу, сползавшую ему на лоб. Он стоял, чуть пошатываясь.

Котовского отвели в приготовленную для него камеру. Он попросил воды и залпом выпил несколько стаканов. Его начал осматривать тюремный врач Лурий. Рана была сквозной. Врач установил, что если бы пуля попала чуточку ниже, он был бы убит наповал.

— А помните, доктор, как вы меня лечили лет десять тому назад? — спросил Котовский врача. Тот не сразу узнал своего старого пациента.

— Где же это вы успели так полысеть? — все спрашивал он Котовского.

В этот день Котовскому не давали покоя. В одиннадцать часов утра судебный следователь по важнейшим делам, в присутствии чинов прокурорского надзора, начал его допрашивать.

Котовский отказался назвать имена участников своей дружины. Зато подробно рассказал о том, как он служил у Стоматова.

Котовского вывели во двор полицейского управления, где его начал снимать фотограф сыскного отделения. Котовский держался непринужденно. Он даже шутил, напоминая собравшимся полицейским, где и когда он недавно встречался с ними, а они и не догадывались, что перед ними был он, Котовский. Тут же по двору расхаживали полицмейстер Славинский и исправник Хаджи-Коли.

В тюрьму Котовского повели пешком. Он шел без шляпы, посередине мостовой, окруженный верховыми стражниками и цепью полицейских.

Весть о том, что Котовского ведут в тюрьму, облетела город. В тот же день во всех газетах Российской империи была напечатана телеграмма

Российского Телеграфного Агентства:

«Кишинев. 25 июня арестован беглый каторжник Григорий Котовский, много лет терроризировавший Бессарабию. За поимку его полиции выдано пять тысяч рублей».

Улицы, по которым вели Котовского, были запружены народом. Тысячи людей сопровождали его по дороге в кишиневский тюремный замок.

Снова раскрылись и захлопнулись знакомые железные ворота.

Котовского привели в одиночную камеру. Ему нелегко было идти через город, но он ничем не выдавал своих страданий. Тяжелая рана не давала покоя. И только, переступив порог одиночки, он застонал, захрипел и свалился. Он весь горел. В камеру вызвали врача.

С начала войны Кишиневский уезд был объявлен на военном положении. Все судебные дела, возникавшие в этой местности, передавались на рассмотрение военного суда для осуждения виновных по законам военного времени. Котовскому грозила смертная казнь.

Ежедневно велся допрос, на котором присутствовали «сам» полицмейстер и чиновник из департамента полиции, специально прибывший в Кишинев из Петербурга.

Еще не успела зажить рана, как следствие было закончено.

9 июля 1916 года Котовского из кишиневской тюрьмы отправили в одесскую. Здесь он был изолирован от всего мира. Специально для него был выработан строжайший режим. Его лишили прогулок. Стояли жаркие дни, он задыхался в своей камере. Только позже, по настоянию врача, его начали выпускать на прогулку. Один шагал он по прогулочному двору, стараясь набрать в грудь как можно больше воздуха. Он шагал и думал о том, что скоро суд. Приговор же нетрудно было предугадать. Неужели жизнь его будет такой короткой? Перед арестом ему исполнилось тридцать пять лет. Ему осталось жить несколько недель, а, может быть, даже несколько дней. Он гнал от себя мысли о смерти.

Во время прогулок Котовского заключенные многих камер смотрели на него сверху из окон. Они кричали ему, бросали записки, стучали.

Вскоре ему стало известно, что среди отбывающих здесь наказание есть люди, которые хорошо знают его. Есть и бессарабцы. А раз так, значит, не все безнадежно. Ему была достаточна малейшая зацепка, чтобы начать разрабатывать план побега. Он узнал, между прочим, что в тюрьме сидит один бессарабец-инвалид, передвигающийся на костылях.

28 сентября на листке, вырванном из «Журнала для всех», полученного из тюремной библиотеки, Котовский написал записку. Он

выбросил ее на прогулочный двор в то время, когда там гуляли арестанты из общих камер. Он писал: «Дорогие друзья! Вы видите, что я гуляю теперь по вечерам, при свете фонаря. Это — верная свобода. Прошу вас и моего земляка на костылях приготовить мне из костылей лестницу. Костыли имеют длину около двух аршин, у вас есть швабры, которыми сметается пыль, есть ящики; как-нибудь можно достать две крепких палки по $\frac{1}{4}$ аршина каждая, чтобы удлинить костыли, привязать палки к костылям, а вместо ступенек привязать скрученные тряпки, так: (в этом месте записки Котовский начертил рисунок лестницы). И вот лестница готова. Спасите, а то погибну. Если хотите ответить запиской, то напишите ее и передайте надежному парню в среднюю или угловую камеру третьего этажа вашего отделения со стороны конторы, и он может выбросить ее мне через окно, когда я гуляю, но он должен ее выбросить тогда, когда я махну платочком носовым, и пусть бросает посильнее, чтобы не упала под самые окна конторы. Пожалуйста, подумайте, помогите и спасите... Если мой земляк согласится дать костыли, их можно будет еще чем-нибудь удлинить на один аршин, тогда я наверно буду на воле. Тогда отвечайте мне, а я напишу, как надо действовать и как выкинуть мне лестницу через окно»^[7].

Котовскому нужно было время для устройства побега. С этой целью — выиграть время, он в тот же самый день, когда написал друзьям записку о побеге, направил в суд свою пространную автобиографию, специально составленную таким образом, чтобы заинтересовать власти этим новым документом.

«С разрешения г-на начальника Одесской тюрьмы, мною составлена и написана моя автобиография. Препровождая ее в Одесский Военно-Окружной Суд, честь имею покорнейше просить Одесский Военно-Окружной Суд приобщить настоящую мою автобиографию, как мою характеристику»^[8].

Это была борьба, отчаянная борьба человека, который никогда не сдавался.

Но выброшенная Котовским на прогулочный двор записка не дошла до друзей. Она была поднята теми, кто следил за каждым его движением. Записка эта была немедленно приобщена к делу.

На 4 октября 1916 года в здании военно-окружного суда было назначено слушание дела «лишенного всех прав состояния Григория Котовского».

Жадные до зрелищ, одесские буржуа воспринимали слушание предстоящего дела как очередную сенсацию, как громкую премьеру.

Банкиры, негоцианты, фабриканты, проходимцы, нажившиеся на военных поставках, спешили заранее обеспечить себя билетами на право входа в зал судебного заседания.

Сюда же стремились попасть и те, кто сочувствовал Григорию Котовскому, помнившие о его действиях еще в 1905 году.

На этот раз Котовского судили одного: многие его дружинники продолжали оставаться на свободе. Во время следствия он наотрез отказался сообщить их имена.

Котовского ввели в переполненный зал. Все приподнялись. Председатель суда, полковник Гаврилица, устремил пристальный взгляд на подсудимого. Воцарилась долгая, непонятная пауза, пока, наконец, Гаврилица не произнес, обращаясь к секретарю:

— Скажите, разве это подсудимый Котовский? Не по ошибке ли доставили сюда другого? Ведь у Котовского была длинная черная борода, черные волосы.

Секретарь не успел ответить, как Котовский звякнул кандалами и под их звон сказал:

— Я — Котовский.

Его не узнавали, так как накануне суда он сбрил бороду и наголо побрил голову. Он выглядел осунувшимся и бледным.

И на этот раз его судили как уголовного. Котовский сам взялся защищать себя. Бросая вызов своим судьям, он говорил о том, что перед ними стоит «человек, который, часто задумываясь над собой, не нашел в своих действиях и тени преступности». «Условия общественной государственной жизни породили во мне много горечи и озлобления против господствующих в стране произвола и несправедливой власти богатства. Своими действиями я мстил всему сильному и злему, взявшему верх над слабым».

Прокурор, полковник Бик, потребовал приговорить подсудимого к смертной казни через повешение.

Свое последнее слово Котовский продумал заранее. Он не рассчитывал на милость военного суда, он знал, что обречен, но, несмотря на это, хотел и своей последней речью бороться за правду. Как судьи, как и публика, присутствовавшая на суде, Котовский был уверен, что эта его речь — последняя в его жизни. И опять он через головы судей обращался к народу. При этом он горячо, с негодованием отвергал обвинение в уголовных преступлениях.

— Если ваша совесть не найдет возможным даровать мне жизнь, то я прошу вас о замене повешения — расстрелом.

Этой просьбой Котовский закончил свою речь.

Суд приговорил его к смертной казни через повешение.

Из здания суда Котовского под усиленной охраной перевезли в тюрьму. У двери камеры он обернулся к сопровождавшим его жандармам и сказал:

— Прежде чем вы со мной что-нибудь сделаете, я вас уничтожу.

Смертный приговор, вынесенный Котовскому, взволновал Одессу. В городе не переставали говорить об этом. Вот как писали о Котовском в газетах:

«Этот человек с гордо поднятой головой испытал самые страшные человеческие муки и всюду, где бы он ни был, он знал себе цену. В нем жила неистощимая энергия».

«Какая обаятельная личность! — говорили некоторые, кому случалось беседовать с ним».

«Характер у него такой же твердый, железный, как и мышцы».

Исполнение приговора было внезапно приостановлено до рассмотрения ряда других дел о Котовском, имевшихся в производстве одесского и других военно-окружных судов.

Котовский не знал об этом. С часу на час он ожидал исполнения приговора. У дверей смертника было поставлено несколько часовых. Они прислушивались к каждому его движению. Котовский замечал, что стоит ему забренчать кандалами, как к двери сразу подбегают несколько человек. Закованный в ручные и ножные кандалы, он ждал, что в любой момент загремит засов, откроется дверь, и его потащат на виселицу.

Одесский палач Алексей Жекмаки готовился выполнить приговор военного суда. Ему платили двадцать пять рублей за каждого повешенного. Эти деньги он получал чистоганом из канцелярии полицмейстера на следующий день после того, как совершал казнь.

Котовский готовился к последней схватке у виселицы с Алексеем Жекмаки. Уже будучи на положении смертника, он продолжал заниматься гимнастикой. Он часами совершал прыжки из одного конца камеры в другой. Он тренировал свой кулак. Вспоминая потом об этом, Котовский не раз говорил, что если бы его потащили на виселицу, он так стукнул бы своего палача, что у того вылетели бы мозги.

Сорок пять дней и сорок пять ночей Котовский ждал смерти. В эти дни, под давлением общественного мнения и ходатайства ряда лиц и организаций, вопрос о его судьбе пересматривался в высших инстанциях.

18 ноября стало известно, что «конфирмацией главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта назначенная подсудимому смертная казнь заменяется каторгой без срока».

В этот день дверь камеры Котовского внезапно открылась. За Котовским пришли стражники. Его долго вели по коридорам, пока не остановили у кабинета начальника тюрьмы Перелешина. Котовский вошел в кабинет. Перелешин, не глядя на него, протянул ему бумагу и со злобой сказал:

— Вам замена, распишитесь!

Из одиночки «смертников» Котовского перевели в камеру «вечников» и начали выпускать на прогулку.

8 марта 1917 года до одесской тюрьмы докатился слух о том, что царь отрекся от престола, что в Петрограде восстали рабочие, свергнуто самодержавие. Это сразу перевернуло всю тюремную жизнь. По всем камерам пошли разговоры:

— Надо что-то предпринять. — Надо разбить оковы.

— Открыть ворота тюрьмы! — требовали заключенные.

Не прошло и нескольких часов, как к стенам одесской тюрьмы; потянулись сотни людей встречать политических заключенных, которых должны были выпустить на свободу. Толпа восторженно приветствовала выходящих из тюрьмы. Но как только выпустили всех политических, тюремные ворота закрылись.

Уголовники решили протестовать. Они стучали в двери, бросались к решеткам; тюрьму оглашали громкие крики; заключенные требовали свободы, помилования, пересмотра дел, немедленного освобождения.

Начальник тюрьмы Перелешин решил выпустить заключенных уголовников на прогулку. Он приказал стражникам поставить у дверей конторы четыре баллона с денатурированным спиртом. В это же время из цейхгауза в контору были перенесены винтовки и револьверы. Перелешин, черносотенец и верный царский служака, дрожал за свою шкуру. Он был жесток с политическими и знал, что они ему этого никогда не простят. Пусть узнают в городе, что значит освободить арестантов! Баллоны со спиртом Перелешин нарочно оставил без охраны. Пусть спирт еще больше разожжет преступников. Перелешин решил вслед за политическими выпустить самых отъявленных убийц и воров. Пусть перепьются арестанты, пусть покажут себя на свободе! Перелешину казалось, что он действовал наверняка.

К баллонам подошло несколько человек. Один вытащил пробку, другой, оглядываясь по сторонам, заглянул в контору. Начальник тюрьмы из окна наблюдал за всем происходившим. Все началось так, как он и ожидал: уголовники бросились к баллонам. Они устремились в кузницу, где хотели как можно скорей расковать кандалы, к цейхгаузу и к воротам

тюрьмы.

Впереди всех к воротам бежал Котовский. У самых ворот он повернулся и закричал:

— Остановитесь, ни с места!

Если бы это был другой, его не стали бы слушать и смяли бы. Но это был Котовский, знаменитый «вечник». Бежавшие остановились. Все хотели услышать, что он скажет.

— Если сейчас мы убежим всей тюрьмой, то нас всех переловят поодиночке и заключат на еще больший срок. Теперь, когда пало самодержавие, мы должны уйти отсюда не беглецами, а свободными гражданами, — говорил Котовский.

Он успокоил тюрьму. Его доводы показались убедительными. Ему поверили и подчинились.

У ворот тюрьмы Котовский поставил охрану из своих же заключенных. С этого дня в одесской тюрьме была провозглашена «тюремная республика». Заключенные поручили Котовскому вести переговоры с администрацией. Все требования, выдвинутые им, были удовлетворены. Двери камер больше не запирались. Со всех без исключения арестантов были сняты кандалы. В каждой камере был свой выбранный, наблюдавший за порядком.

Весть о том, что теперь в одесской тюрьме новые порядки, что тысяча пятьсот человек заключенных выбрали Григория Котовского своим представителем, проникла в город.

Начальник тюрьмы Перелешин был арестован. До назначения нового начальника Котовский отвечал за порядок в тюрьме. Он обошел все тюремные помещения и камеры. В одной одиночной камере он обнаружил умиравшего тифозного больного, оставленного без всякой помощи. В одном помещении тюрьмы находился целый склад всевозможных орудий пыток.

Из города приехала делегация рабочих ознакомиться с положением в тюрьме. Их сопровождал Котовский. Он показал им канцелярию начальника тюрьмы. В канцелярии стояла фисгармония, на которой Перелешин часами разучивал церковные мотивы. Иногда он отрывался от песнопений и требовал, чтобы к нему ввели кого-нибудь из заключенных. Одна рука его лежала на клавишах фисгармонии, другой он протягивал заключенному конверт:

— Тебе письмо.

И когда заключенный приближался взять письмо, Перелешин вскакивал и кричал, багровея:

— Ты забыл, что лишен права свиданий и получения писем! В карцер! В карцер!

Развлекшись таким образом, начальник тюрьмы продолжал играть на фисгармонии. Ее тягучие звуки доносились до многих камер.

— Это был наш палач, — рассказывал Котовский делегатам. — Он лишал нас свиданий с близкими и родными людьми, не выдавал нам писем. Здесь люди заболевали психическим расстройством и, вместо того, чтобы лечить этих несчастных, их запирали в темный карцер.

Котовский показал гостям темный склеп. Он зажег спичку. Неровное, колеблющееся пламя осветило сырые, грязные стены и черный, цементный пол.

Котовский прошелся по камере. Два шага в длину и столько же в ширину.

— В этих карцерах крысы загрызали людей, — рассказывал он.

В эти дни Котовскому часто приходилось водить посетителей по всем многочисленным тюремным помещениям. К одесской тюрьме устремились родственники заключенных, солдаты, женщины и дети.

Было объявлено, что в «свободной тюрьме» состоится концерт. Трамваи были переполнены; извозчики, экипажи, автомобили устремились к тюрьме. Многие люди хотели не только присутствовать на необычайном концерте, но видеть Котовского, услышать его рассказы, говорить с ним.

Котовский все еще считался заключенным. Однако ему было разрешено в любое время дня отлучаться из тюрьмы. В городе, где так недавно он был приговорен к смертной казни через повешение, его восторженно встречали толпы людей. Его узнавали на улицах и площадях, обступали и принимались качать. Незнакомые люди украшали цветами и коврами его камеру.

Несмотря на свою популярность и многочисленные ходатайства, Котовский долго еще ждал официального освобождения.

Он часто посещал штаб одесской Красной гвардии, помещавшийся в Воронцовском дворце. Руководители Красной гвардии товарищи Кангун и Чижиков всегда радовались приходу Котовского. Красногвардейцы считали его своим человеком.

Тяжело переживал Котовский то, что каждую ночь он должен был возвращаться в тюрьму.

— Царское правительство пришло мне уголовщину. И теперь мне нужно доказывать, что я заслужил свободу.

Однажды в штабе Красной гвардии стало известно, что у барона Шваге собираются контрреволюционные заговорщики. Было решено

немедленно ликвидировать это гнездо контрреволюционеров. Кангун предложил Котовскому вместе с матросами броненосца «Синоп» арестовать барона Шваге.

Когда красногвардейцы подошли к дверям квартиры Шваге и начали стучать, раздался выстрел. Котовский не растерялся, он налег на филенку и открыл дверь. В комнате, у кресла, стоял барон Шваге с револьвером в руке. Шваге был арестован. Бесстрашие Котовского поразило красногвардейцев.

...Живя в Одессе, Котовский жадно ловил все слухи и известия о том, что происходит в Бессарабии, в Кишиневе. Несколько раз он официально просил, чтобы ему разрешили поездку в Бессарабию. Он знал, что в Кишиневе действуют свои бароны Шваге, что там в любой момент могут произойти контрреволюционные и погромные выступления.

Котовский чувствовал, что ему нужно быть именно в Бессарабии, там, где еще надо вести большую борьбу с приверженцами Крушевана и Пуришкевича.

Он требовал, чтобы его официально освободили и реабилитировали. Но Временное правительство не спешило с освобождением Котовского. Власти предвидели, что он будет для них опасен. Поэтому они всячески медлили, разыскивали старые дела, заведенные на него еще в царское время, даже назначили их к слушанию.

Только в мае месяце 1917 года Григорий Котовский был официально освобожден из тюрьмы. Он решил отправиться на фронт.

Котовский получил назначение в одну из воинских частей, расположенных в Кишиневе. 16 мая он приехал в Кишинев, но части, в которую был командирован, уже не застал. Его приезд переполошил город. Всюду, где бы он ни появлялся, вокруг него собиралась толпа.

Пробыв день в Кишиневе, Котовский вернулся в Одессу, чтобы получить новое назначение в Кишинев, где начал свою солдатскую жизнь.

4 августа 1917 года в газете «Бессарабская жизнь» появилась краткая заметка: «Отъезд Котовского на фронт». «Вчера вечером отправился на фронт Григорий Котовский», — сообщала газета.

Котовский прибыл на один из участков Румынского фронта, в 136 пехотный полк, и был назначен рядовым в полковую конную разведку. Он отличился в первых же боях с германскими и австрийскими войсками. Его наградили орденом Георгия 4 степени, присвоили первый офицерский чин и назначили начальником конной разведки, в которую он еще так недавно вступил рядовым.

Но ему не нужны были чины и награды. На фронте он окупился в

самую гущу солдатской жизни, ко всему прислушивался и присматривался. Котовский много беседовал с солдатами и быстро завоевывал их симпатии.

Всегда общительный, он вызывал людей на откровенность. О чем только тогда ни говорили на Карпатах! Через Румынию непрерывно следовали воинские части. Одни ждали наступления, другие говорили о мире, подсчитывали дни, оставшиеся до конца войны. Солдаты, как никогда, тосковали об оставленных домах и жадно слушали вести, приходившие из Петрограда.

«Румынский фронт находился вдали от революционных и промышленных центров. Солдат Румынского фронта, окруженный населением, не понимающим русского языка, оставался с глазу на глаз со своим реакционным офицерством. Большевистских газет на фронт не пропускали, преподнося солдатам буржуазное „чтиво“».

«Но затянуть процесс революционизирования масс не значило вовсе его ликвидировать. Румынский фронт, несмотря на благоприятные для реакции условия, вопреки всем ухищрениям генералитета и соглашателей, шел по пути остальных фронтов».

Так характеризует «История гражданской войны в СССР» (том I, стр. 274–275) Румынский фронт летом 1917 года, когда «солдатскими думами полностью начинали овладевать большевики».

На фронте Котовский увидел, как народ устал от войны, как жаждут люди, одетые в серые солдатские шинели, прекращения войны. С каждым днем он все яснее осознавал классово-буржуазную природу Временного правительства, проводившего ту же империалистическую политику, что и свергнутое самодержавие.

За выдающиеся подвиги в боях, за самообладание и храбрость Котовского готовились произвести в следующий офицерский чин. Командование знало о его подвигах, но не знало, что он, недавно прибывший на фронт, уже начал вести среди солдат пропаганду и агитацию против тех, кто его награждал. Котовский понял всю бессмысленность и преступность продолжения войны, выгодной лишь помещикам и капиталистам, против которых он вел борьбу всю свою жизнь.

...«Начинается работа большевиков по разложению армии. Еще не сознавая и не охватывая умом всей работы большевиков, я, по интуиции, по чутью, присоединяюсь к ним, как к партии, которая мне наиболее близка и к которой я близок по своей психике. Ведь я с первого момента своей сознательной жизни, не имея никакого понятия о большевиках, меньшевиках и вообще о революционерах, был стихийным коммунистом, своей психикой, своей интуицией охватывающим сущность классовой

борьбы между трудом и капиталом, между жестоко, беспощадно эксплуатируемым и жестоко, беспощадно эксплуатирующим. Я был по натуре и психологии человеком реального действия. Я не мог спокойно смотреть на бедствия эксплуатируемого бедняка, рабочего и крестьянина, — отсюда моя активная месть богачам сегодня и моя помощь, моя безграничная любовь и преданность тем, кто тяжелым трудом добывал себе кусок черного хлеба. Я насилем и террором отбирал у богача-эксплоататора ценности, которые ему по праву не принадлежали, и передавал их тем, кто эти богатства и ценности создавал своим трудом, своей кровью и потом». — Так писал Котовский в автобиографии, говоря о своей жизни и борьбе до Октябрьской революции.

До Октября Григорий Котовский прошел большую суровую жизнь. Он видел страну во всем ее огромном протяжении, от бессарабских виноградников до Горного Зерентуя.

Всю свою ненависть к эксплуататорам, свои еще не осознанные мечты о будущем, о торжестве трудящегося человека он назвал позже «стихийным коммунизмом». В период этого «стихийного коммунизма» у него не было еще той политической сознательности, которую он приобрел в дальнейшей борьбе.

В окопах Румынского фронта солдаты говорили о большевиках и о Ленине, они уже знали лозунги, выдвинутые большевиками и выражавшие кровные требования народа: «Мира. Хлеба. Земли», «Вся власть Советам рабочих, солдат и крестьян».

Каждый большевистский лозунг глубоко проникал в сердце Григория Котовского. Так же, как тысячи рабочих и крестьян, он ждал слов и указаний Ленина. С каждым днем он мужал в кипучей революционной борьбе.

Это было время, когда в Петрограде, под руководством Ленина и Сталина, большевики заканчивали подготовку к Октябрьскому штурму, открывшему новую страницу в истории человечества.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
БОЕВОЙ ПУТЬ

Глава первая

КРАСНОГВАРДЕЕЦ И ПАРТИЗАН

Радостно встретил Григорий Котовский весть о победе вооруженного восстания в Петрограде, о свержении власти капиталистов и помещиков. Великая Октябрьская социалистическая революция свершилась.

Власть Советов распространялась по всей стране.

На Румынском фронте, так же, как и на Юго-Западном и на Украине, борьба за пролетарскую революцию протекала в сложной обстановке. «На Румынском фронте еще больше, чем на Юго-Западном, соглашатели чувствовали себя хозяевами положения. При получении первых же известий о восстании в Петрограде они совместно с генералитетом приложили все старания к организации контрреволюционных сил для противодействия надвигающимся событиям»^[9].

Но и здесь поднимались могучие волны народного гнева против вековых поработителей. Солдатская масса была на стороне советской власти. И здесь началась революционная борьба за мир.

Солдаты-окопники избирают Котовского в полковой солдатский комитет. Он едет в румынский город Галац, на армейский съезд 6 армии. На этом съезде 25 ноября 1917 года Котовский был единогласно избран в состав армейского комитета. Сразу же после своего избрания он примкнул к только что образовавшейся фракции большевиков, которая повела борьбу с меньшевиками и эсерами, со всеми соглашателями и контрреволюционерами.

Котовский знал, что теперь он на верном пути. Отныне он слил свою жизнь с жизнью большевистской партии.

В 1924 году Котовский, возбуждая ходатайство о восстановлении ему

партстажа с 25 ноября 1917 года, писал: «Официально числюсь членом РКП с апреля 1920 года, я фактически примкнул к партии и являюсь ее активным членом с 25 ноября 1917 года, когда на съезде 6 армии Румфронта выделилась фракция большевиков, в которой я состоял. Ежедневное пребывание в условиях ежедневных боев не дало возможности официально себя зарегистрировать в партийной организации до 1920 года.

Сейчас возбуждаю ходатайство через ЦК о восстановлении стажа с 25 ноября 1917 года. Могу по первому требованию указать ответственных товарищей, могущих подтвердить настоящее заявлений»^[10].

Армейский комитет 6 армии послал Котовского своим представителем в Кишиневский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

Его радостно встретили во «Дворце свободы» на Жуковской улице, где в бывшем губернаторском доме размещался Исполком Кишиневского Совета. Котовский стал работать в военной секции. Кишиневцы сотнями шли во «Дворец свободы», чтобы встретиться с Котовским и получить от него совет или указание. Когда он появлялся на улице, его обступала толпа. Его можно было встретить и у вокзала, и на площадях, и в воинских частях. На нем был военный костюм. На гимнастерке были заметны следы недавно снятых погон. Через плечо был протянут ремень, поддерживавший широкий офицерский пояс, на котором висела кобура револьвера. Весь облик этого мускулистого и загорелого человека выражал уверенность и решимость.

Котовский часто выступал на митингах. Он оказался хорошим оратором. Говорил всегда коротко, но убедительно и страстно, и ему нельзя было не верить.

Он едко высмеивал болтовню и нытье меньшевиков и эсеров, вступал в спор с буржуазными молдавскими националистами и благодушными «обывателями», которыми кишел Кишинев. Говорил ли он о безысходном положении бедноты или о солдатских думах, солдаты слушали Котовского с восторгом. За каждым словом Котовского чувствовалась правда и глубокое знание жизни.

Бессарабские бедняки узнали о декретах советской власти, о том, что в России проводится национализация земли. Революционный подъем охватил молдавские деревни.

Осенью 1917 года по всей Бессарабии прокатилась волна крестьянских восстаний. Угнетенные крестьяне самовольно захватывали помещичьи и монастырские земли, леса, пруды, сельскохозяйственные машины.

Вековая жажда земли заставила тысячи бедняков взяться за топоры и

винтовки. Во многих селах были созданы сельские комитеты.

Отряды усмирителей, высланные из Кишинева, были бессильны в борьбе с растущим аграрным движением, принявшим в Бессарабии небывалый размах.

Но не дремала и контрреволюция. Она все более нагнала. I Бессарабии, молодой республике, далекой от центра, не было достаточно сильной большевистской организации, которая, опираясь на рабочий класс, могла бы дать решительный отпор вратам революции. Этим спешили воспользоваться реакционеры всех мастей. Перед угрозой перехода всей власти в Бессарабии в руки Советов, объединились помещики, капиталисты, эсеры, кулаки, молдавские националисты, агенты и шпионы боярской Румынии.

Молдавские буржуазные националисты, объединенные «молдавским блоком», объявили «автономию» Бессарабии, учредив орган своей верховной власти — «Сфатул Цэрий» (Совет Края), который образовал нечто вроде временного правительства — «Совет генеральных директоров».

«Совет генеральных директоров» издавал приказы и постановления. «Генеральный штаб» формировал молдавские национальные воинские части, вступал в переговоры с империалистическими государствами, устраивал парады и молебствия.

Уже тогда «Сфатул Цэрий» начал вести свою подлую предательскую игру, расчищая дорогу империалистическим захватчикам. На словах они якобы признавали вхождение Бессарабии в Советскую Россию, на деле же — стремились сохранить в Бессарабии власть помещиков и капиталистов.

«Сфатул Цэрий» был в сговоре со всеми империалистическими хищниками, которые коварно и разбойнически подготавливали захват Бессарабии, стремясь воспользоваться временной военной слабостью молодого советского государства.

Буржуазным националистам, этим предателям и лицемерам, помогали меньшевики и эсеры, засевшие в Румчереде (исполнительный комитет Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области). В Румчереде орудовали соглашатели и контрреволюционеры всех мастей. Они отказались признать Совет Народных Комиссаров и всячески старались подавить революционные настроения солдатских масс.

Меньшевики и эсеры поддерживали царского генерала Щербачева, который продался империалистам и хотел повернуть Румынский фронт против большевиков.

12 декабря 1917 года в Одессе был созван второй съезд Румчереда. На

съезд прибыл товарищ В. Володарский, посланный в Одессу Центральным Комитетом большевистской партии. Он выступил перед делегатами с пламенной речью:

«Я говорю прямо и определенно, идет борьба не на жизнь, а на смерть. С одной стороны стоят трудовые массы, а с другой стороны — паразиты этих масс — эксплуататоры, и быть между нами мира не может, быть между нами согласия не может, и вместо того, чтобы сидели тысячи крестьян по тюрьмам, пусть сидят тысячи помещиков, вместо того, чтобы сажать в тюрьмы солдат и матросов, мы будем сажать туда генералов, контрреволюционеров»^[11].

Солдатские депутаты поддержали В. Володарского. Меньшевики и эсеры были изгнаны из Румчерода. Румчерод стал большевистским. Он должен был возглавить борьбу за быстрее установление советской власти в Одессе и Одесской области. В разные места области были направлены комиссары Румчерода. Положение было тревожным, так как в дни, когда заседал съезд, главнокомандующий Румынским фронтом генерал Щербачев, продавшийся буржуазной Украинской Центральной Раде, разоружал на Румынском фронте воинские части, преданные Советам, и арестовывал большевиков.

На съезде был сформирован Фронтотдел нового Румчерода, который должен был руководить всей военной работой в частях Румынского фронта, оттягивать войска, готовить их на случай борьбы с гайдамаками и контрреволюционной Украинской Центральной Радой и охранять порядок в Бессарабии. Местом пребывания Фронтотдела был установлен город Кишинев.

В конце декабря 1917 года Фронтотдел начал свою работу в Кишиневе, разместив свой штаб в здании гимназии имени Дадиани, по Киевской улице.

Котовский был в курсе всех событий, происходивших в Румчероде. Он не выступал на съезде, но речи большевистских ораторов воспринимал, как свои собственные.

«Вместо того, чтобы сидели тысячи крестьян по тюрьмам, пусть сидят тысячи помещиков», — об этом всегда думал и сам Котовский с того дня, как вступил на путь революционной борьбы. Его работа в Кишиневском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов также была борьбой с теми же помещиками, которые, используя «Сфатул Цэрий», пытались уничтожить и свести на нет советскую власть, провозглашенную в Бессарабии. Именно такой сплоченной боевой организации, как Фронтотдел, здесь не хватало, чтобы полнота всей власти в Бессарабии перешла к Советам, руководимым

большевиками.

Котовский, как представитель военной секции Кишиневского Совета, входил во Фронтотдел. Он становится одним из руководителей и душой этой молодой боевой организации.

Фронтотдел должен был бороться за осуществление на Румынском фронте и в Кишиневе решений советской власти, проводить в жизнь директивы Совета Народных Комиссаров. Фронтотдел сразу же разослал своих людей по всем частям сформированного кишиневского гарнизона.

В эти дни Котовский работал без устали. Он должен был непосредственно следить за порядком в Кишиневе. Через город проходили сотни и тысячи демобилизованных солдат, спешивших добраться до родных домов. Среди этой массы надо было находить преданных революции людей, которые могли бы в любой момент направить оружие против помещиков и контрреволюционных офицеров.

Котовский взял на учет все военное имущество, находившееся в Кишиневе, чтобы при первой же надобности раздать оружие защитникам советской власти.

Особенно часто он посещал казармы, в которых были размещены молдавские части, собирал вокруг себя солдат и говорил с ними на их родном языке.

Фронтотдел принял на себя также функции военной комендатуры. По городу патрулировали команды Фронтотдела.

Деятельность Фронтотдела встревожила заправил «Сфатул Цэрий», и они поспешили обратиться за помощью к своим империалистическим вдохновителям. Из Киева были срочно отправлены несколько батальонов румынских военнопленных, уроженцев Трансильвании, которые якобы возвращались через Кишинев и Яссы к себе на родину.

Трансильванцы должны были под видом остановки в Кишиневе захватить с помощью «Сфатул Цэрий» власть в городе, разгромив части гарнизона, преданные большевикам.

6 января утром эшелон с трансильванцами прибыл в Кишинев. «Бывшие военнопленные» были в полном боевом порядке. Они начали окапываться на привокзальной площади. Все было рассчитано на неожиданность и быстроту. Трансильванцы должны были своими штыками помочь «молдавскому блоку» задушить социалистическую революцию в Бессарабии.

Бессарабские помещики и капиталисты призвали через «Сфатул Цэрий» королевские румынские войска в Бессарабию для того, чтобы сохранить свои земли и капитал.

Прибытие карателей не застало врасплох Фронтотдел, так как он держал в своих руках телеграф и большинство железнодорожных станций.

Трансильванцам не удалось проникнуть в город. По приказу Фронтотдела, как по тревоге, были подняты солдаты, преданные Советам. На привокзальную площадь вышли также и молдавские полки «Сфатул Цэрий» — пехотные и кавалерийские. Трансильванцы открыли беспорядочную ружейную стрельбу. Ответные залпы заставили их прекратить сопротивление. Молдавские военные соединения «Сфатул Цэрий» не только отказались выполнить приказы своего «генерального штаба», но пошли за большевиками.

Трансильванцы были разоружены и арестованы. «Военнопленные» снова попали в плен. Контрреволюционеры были в панике. Они не ожидали, что их затея закончится таким провалом.

Дружное выступление большевистски настроенных войск против трансильванцев показало, что хозяевами в городе являются большевики. Бой на привокзальной кишиневской площади был боем за победу Октября в Бессарабии.

В эти дни кишиневцы часто видели Котовского — и у военных, казарм, и на привокзальной площади. Это он руководил разоружением трансильванцев, это его так боялись депутаты «Сфатул Цэрий», это к его слову прислушивались революционные солдаты.

Разоружив трансильванцев, Фронтотдел расставил воинские части вокруг Кишинева, усилил охрану железных дорог. В Кишиневе, Бендерах и Бельцах было введено осадное положение.

Фронтотделом были перехвачены телеграммы румынского командования с планами захвата Бессарабии. Изменник Щербачев открыл границу румынским войскам. Румынские бояре перешли Прут и продвигались в глубь Бессарабии. Они заняли Кагул, Асово, Унгены.

Фронтотдел от имени большевистского Румчерода объявил о состоянии войны с боярской Румынией, протянувшей при помощи всех врагов советской власти свои хищные руки к Бессарабии, над которой уже развевалось советское знамя, водруженное рабочими и крестьянами.

В этом вопиющем нарушении международного права боярскую Румынию поддерживали союзные послы. Обширные земли многих бессарабских помещиков были заложены во французских банках. Французские империалисты, связанные с империалистами англо-американскими, принимали самое активное участие в международном заговоре против Бессарабии.

Румыны продвигались с боями. Небольшие отряды солдат и

железнодорожников оказывали им организованное сопротивление. Но отряды эти были слишком слабы, чтобы дать настоящий отпор врагу. Их теснили с одной стороны румыны, с другой — немцы и петлюровцы. Советская Россия не могла тогда придти на помощь Бессарабии. Румчерод дал указание Фронтотделу эвакуироваться из Кишинева.

Депутаты Совета, бойцы и жители, покидая Кишинев, клялись отомстить предателям. Они уходили, чтобы набраться сил, чтобы снова при первой же возможности вернуться в Бессарабию.

Котовскому было приказано последним уйти из Кишинева, забрав с собой наиболее верных и преданных Советам людей.

Он известил сестру Елену о предстоящем отъезде. Их прощание продолжалось всего несколько минут.

— Что ж, Елена, опять приходится мне уезжать отсюда, — говорил он сестре. — Теперь я с народом. Ты верила мне всегда, верь и теперь. Мы вернемся обратно и даже устроим парад в Ганчештах.

Елена Ивановна на прощание поцеловала брата. Это была их последняя встреча.

...14 января 1918 года в Кишинев вступили королевские румынские войска. Бессарабия была предана и продана.

По поводу захвата империалистами Бессарабии товарищ Сталин в своем отчетном докладе на XVI съезде ВКП(б) 27 июня 1930 года заявил: «...На основании какого международного права отсекли господа „союзники“ от СССР Бессарабию и отдали ее в рабство румынским боярам?.. Если это называется международным правом и международным обязательством, то что же называется тогда грабежом?»^[12].

Румынские бояре и капиталисты, с согласия и при поддержке англо-французских империалистов, при содействии бессарабских магнатов, белогвардейцев и петлюровских генералов, вырвали Бессарабию из семьи советских народов.

Котовский во главе небольшого отряда бойцов медленно ехал верхом по дороге к Днестру. Он проезжал мимо оголенных садов и лесов, в которых знал каждую тропу. Как хотелось ему повернуть коня и помчаться обратно, чтобы расправиться с захватчиками и белогвардейцами! Котовский чувствовал, как горит его кровь, как пламенеет обветренное лицо. Много лишений и невзгод пришлось ему перенести в жизни, но тяжелее и горше всего было ему терять свою освобожденную родину, оставлять ее на поругание врагам.

Если бы не иностранные штыки, никогда не удалось бы бессарабским помещикам вновь утвердить свое владычество над многострадальной

землей Бессарабии. Котовский знал, как близка и дорога была бессарабским труженикам советская власть. С болью и гневом представлял он себе, как боярский сапог растопчет все первые завоевания свободы. Снова засвистят плети и нагайки... Скоповские с хлебом и солью встретят румынских захватчиков, полонивших его родную, любимую Бессарабию.

Те же чувства владели тысячами бессарабских крестьян. Они брали в руки вилы и топоры, уходили из деревень, собирались в партизанские отряды...

Под Кагулом, Бельцами и Бендерами, под Измаилом и Аккерманом рабочие и крестьяне, железнодорожники и солдаты, большевистски настроенные замурские кавалерийские полки отбрасывали назад румынских захватчиков.

Особенно упорные бои шли под городом Бендеры. Несколько раз румыны подступали к нему и каждый раз обращались в бегство.

У стен старинной бендерской крепости отряды железнодорожников и замурцев готовили наступление на Кишинев.

Вся угнетенная Бессарабия поднялась против оккупантов. Бессарабские партизаны проявляли исключительную отвагу, они готовы были умереть за Советскую родину, но более многочисленный и хорошо вооруженный противник оказался сильнее, и пришлось отступить перед ним.

Один за другим перебирались партизанские отряды на левый берег замерзшего Днестра. В одну из ночей перебрался сюда со своим отрядом и Григорий Котовский.

Котовский направлялся в Одессу, чтобы получить там директивы от Румчерода о дальнейших действиях.

Он приехал в Одессу, когда на улицах города шел бой за утверждение Советской власти.

Одесские большевики повели массы в бой с юнкерами и петлюровцами. Восстание началось рано утром 25 января по сигналу гудка, подхваченного гудками заводов, военных кораблей и пароходов. Гудки заводов и порта слились в общий гул. Три дня шли в Одессе бои за власть Советов.

Котовский сразу же включился в борьбу. Одесские красногвардейцы были разбиты на десятки и сотни. Так они и шли в бой. Вместе с рабочими Молдаванского района, как десятник Красной гвардии, дрался Котовский на улицах города с петлюровскими синежупанниками.

Он был в Одессе и в день победы, участвовал в похоронах жертв вооруженного восстания, когда красногвардейцы, рабочие и моряки несли к

братским могилам на Куликовом поле гробы, украшенные алыми и черными лентами.

Как участник боев за установление власти Советов в Одессе, Котовский имел право пожизненного ношения значка Одесской Красной Гвардии. Этот значок № 1443, который он носил на красной шелковой розетке, был особенно дорог ему.

Власть Советов в Одессе восторжествовала. Но борьба не прекращалась. Обстановка была чрезвычайно тревожной. Центральная Рада, изгнанная из Киева и других крупных центров Украины, не хотела сдаваться. Рядом были и румыны, дошедшие до берега Днестра и угрожавшие Одессе. Советская республика не могла признать незаконного захвата Бессарабии. Одесские большевики готовились дать отпор румынским оккупантам.

В Одессе была объявлена запись добровольцев.

Из красногвардейцев и добровольцев в Одессе формировались боевые отряды и посылались к Тирасполю, на Румынский фронт. К Тирасполю были стянуты все наши силы, которые можно было тогда бросить против румын.

Котовскому было поручено организовать кавалерийский отряд. В документе, врученном ему, говорилось:

«Котовскому Григорию Ивановичу, как испытанному и боевому товарищу, поручается организация боевых частей для освобождения Бессарабии от гнета мирового империализма»^[13].

Котовский подобрал в свой отряд отборных кавалеристов и опытных лазутчиков. Это была небольшая, но сильная боевая единица.

В темные ночи во главе своих конников Котовский переправлялся на правый берег Днестра и нападал на оккупантов. Он громил их заставы, разрушал мосты, уничтожал вражеские обозы, наводя ужас и страх на захватчиков. Из днестровских сел шли к Котовскому молдаване. Все они с нетерпением ждали того часа, когда он поведет их на Кишинев.

В те дни Советское правительство вступило в переговоры с Румынией, требуя, чтобы захватчики немедленно оставили Бессарабию. Начались переговоры о перемирии. Румынские бояре и капиталисты пошли на переговоры, так как советские войска усилили свой натиск и готовились к наступлению.

Но над молодой советской страной нависла в это время новая; страшная угроза.

18 февраля 1918 года германские империалисты перешли в наступление по всему фронту. Под видом помощи войскам Центральной

Рады, они начали оккупацию Украины.

«..Они оторвали от Советской России, правда, по „договору“ с Украинской Радой, — Украину, ввели на Украину по просьбе белогвардейской Украинской Рады свои войска и стали бесчеловечно грабить и угнетать украинский народ, запрещая ему поддерживать какую бы то ни было связь с Советской Россией»^[14].

В марте 1918 года немецко-австрийские войска заняли Одессу. Начавшаяся немецкая интервенция сорвала удар, который готовился молодой советской республикой по румынским боярам для освобождения Бессарабии. Румынские бояре договорились с немцами, которые помогли им утвердиться в Бессарабии.

Советские войска уходили на север. Бессарабские партизаны должны были временно оставить берег Днестра.

С первых же дней вступления немецких захватчиков на Украину украинские рабочие и крестьяне, по зову партии Ленина — Сталина, поднялись на народную освободительную войну против иноземных захватчиков и предателей. Большевики, уходя в подполье, продолжали руководить вооруженной борьбой украинского народа.

«Против иноземного ига, идущего с Запада, Советская Украина подымает освободительную отечественную войну — таков смысл событий, разыгрывающихся на Украине», — писал в эти дни товарищ Сталин^[15].

...Котовский, по заданию одесского ревкома, со своим отрядом остался в Приднестровье. Он поселился в селе Терновке, где жил на чердаке одной мазанки. Отсюда выезжал он в окрестные местечки и села.

В хате, при тусклом свете ночника, на прибрежных камнях у опрокинутой рыбацкой лодки Котовский с болью и гневом говорил своим товарищам-партизанам:

— Немецкие империалисты хотят задушить нашу республику, вернуть земли помещикам, а фабрики и заводы — банкирам. Надо облегчить красным войскам победу: собрать силы, помочь прогнать германцев. В России утвердилась и крепнет могучая рабоче-крестьянская власть. Скоро мы сметем врага с лица родной земли.

Со своими смельчаками-партизанами Котовский напал на вооруженные посты немцев.

Его отряду было поручено активно оборонять участок железнодорожной станции Березовки, включительно до Вознесенка, при этом упорно защищать Колосонский узел.

Несколько дней Котовский сдерживал немцев под Березовкой, но

вынужден был отступить. В его отряде было всего 50–60 всадников. Вооруженные до зубов немецкие регулярные войска занимали на Украине все новые и новые территории.

С группой партизан и красногвардейцев Котовский пробрался на Дон, где сражался с белоказаками.

Сведения об этих днях его жизни крайне скудны, они не отразились в документах. Известно только, что сложившаяся обстановка заставила его распустить своих людей. Прощаясь с ними, он приказал им пробраться на Украину и вести там подрывную работу против оккупантов. Сам же он настойчиво хотел установить связь с советским командованием, чтобы, не теряя ни дня, снова включиться в борьбу с врагами революции.

Вместе с пятью спутниками он пробрался в Екатеринослав (ныне Днепропетровск).

В Екатеринославе Котовский заболел брюшным тифом. Он лежал в номере «Европейской гостиницы» и бредил Москвой...

Как-то в его номер вошел невысокий, худощавый незнакомец, имевший манеру то и дело вскидывать голову во время разговора. Это был Нестор Махно, тогда еще выдававший себя за красного партизана. Узнав о Котовском, он решил во что бы то ни стало сделать его своим сторонником.

Котовский метался в жару. Махно присел на кровать и наклонился к нему:

— Давай объединимся.

Котовский тяжело ворочался на постели. Ему не хотелось разговаривать с этим человеком, и он попросил его уйти.

Ночью Котовский резким движением откинул одеяло, поднялся с постели и, собрав все силы, начал одеваться. Он должен ехать в Москву! Сейчас еще не поздно, можно отправиться с последними эшелонами.

Больной, ослабевший, поддерживаемый товарищами, Котовский сел в поезд...

Несколько недель, меняя теплушки и вагоны, ночуя на станциях, ожидая паровозов и починки путей, передвигался Котовский к Москве. Он видел страну, охваченную революцией.

Красноармейцы спешили на фронт; люди с мандатами и без мандатов переполняли теплушки, лезли на крыши вагонов, цеплялись за буфера.

Летом 1918 года Котовский впервые увидел Москву. Здесь он радостно встретился со своими друзьями, бывшими политическими заключенными. Котовского помнили и любили. Долгие часы беседовал он с ними о разворачивающихся событиях, о революции, о будущем...

В Москве он прочитал огромное количество революционной

литературы. И чем больше он читал, тем сильнее и сильнее хотелось ему непосредственно участвовать в борьбе за власть Советов. Он рвался на фронт, на юг!

Молодая республика боролась тогда с иностранными интервентами, с белыми полчищами генерала Краснова, Деникина; французские и английские империалисты готовились раздавить первое в мире государство рабочих и крестьян. В стране царил голод. Контрреволюция поднимала голову, стараясь использовать его в своих целях. Отряды московских и питерских рабочих, по призыву Ленина, поднялись в поход за хлебом, на борьбу против спекулянтов и кулаков, против всех сил контрреволюции.

Друзья Котовского недолго засиживались в Москве. Партия посылала их на фронт. Скоро выехал из Москвы и Котовский. Он возвращался на юг, в Одессу, занятую вильгельмовскими захватчиками; ему дали явку в большевистское подполье. Он вез с собой паспорт на имя ананьевского помещика Золотарева.

Глава вторая В ПОДПОЛЬЕ

Котовский приехал в Одессу, когда в городе еще продолжали орудовать немцы и австрийцы при поддержке гетмана Скоропадского. Котовский сразу же связался с Одесским областным подпольным комитетом КП(б)У.

Одесские большевики знали Котовского и как красногвардейца, и по Румчероду. В подполье был особенно ценен такой исключительно смелый, преданный партии и революции человек. Ему поручили организовать боевую дружину.

В последних числах ноября немецко-австрийские войска оставили Одессу. Австро-германский генерал-губернатор фон Бельц покончил жизнь самоубийством в гостинице «Бристоль».

Поспешно и беспорядочно покидали немецкие оккупанты Украину, думая только о том, как бы выбраться живыми. Радио сообщило о революции в Германии, и немецкое командование уже не надеялось на своих солдат.

Советская Россия протянула Украине братскую руку помощи. Молодая Красная Армия перешла в наступление. По всей Украине разгорался революционный пожар и ширилось восстание против оккупантов.

«Украина освобождается — спешите к ней на помощь», — призывал в те дни товарищ Сталин.

...Под ударами украинских повстанцев Николая Щорса, покрывших себя неуязвимой славой в боях с немцами-оккупантами, под ударами частей Красной Армии, гонимые со всех сторон, бежали из Украины немецкие захватчики.

Но не успела еще улечься пыль на трактах, поднятая отступающими немцами, как на юге Украины появились войска Антанты.

«Победив Германию и Австрию, государства Антанты решили бросить крупные военные силы против Советской страны. После поражения Германии и ухода ее войск из Украины и Закавказья, англо-французы заняли место Германии, пригнав свой флот в Черное море и высадив свои войска в Одессе, в Закавказье»^[16].

Кто только ни хозяйничал в 1918–1919 годах в Одессе! Немцев сменили здесь французские оккупанты. Империалистов манили к себе одесский порт, Черное море, близость к бакинской нефти и донбасскому

углю. На одесских улицах бесчинствовали петлюровцы, бандиты всех мастей и оттенков. В Одессе были сосредоточены штабы, разведка и контрразведка многих империалистических государств. Сюда стекался весь сброд русских белогвардейцев и украинских националистов.

Французский десант высадился в Одессе. На рейде стояла французские суда и миноносцы. С приходом войск Антанты одесский большевистский подпольный комитет усилил свою работу. Одесское большевистское подполье было тщательно законспирировано. Налаженную работу вели здесь, в подполье, горком и районные комитеты партии, ревком и разведка. Отсюда, из подполья, получали директивы и помощь партизанские отряды. Одесса была окружена кольцом повстанческих отрядов. Оккупанты боялись высунуть нос за пределы города.

Одесское большевистское подполье руководило упорной работой по разложению сил интервентов. Отсюда шли пропагандисты в иностранные войска к солдатам, не знавшим, что их привезли подавлять русскую революцию.

Работу среди войск интервентов проводила специально созданная «Иностранная коллегия», в которую входили наиболее проверенные и умелые подпольщики-большевики.

В куальницких катакомбах, в шести-семи километрах от города, круглые сутки работала подпольная типография. Здесь печаталась большевистская газета «Коммунист» на русском и французском языках. Отсюда регулярно в десятках тысяч экземпляров выбрасывалась большевистская подпольная литература. Под зигзагообразными сводами, в лабиринтах, расходящихся в разные стороны, там, где в жидкой и липкой грязи кишели ящерицы и змеи, работала настоящая подземная «полиграфическая фабрика». Листовки, обращенные к иностранным солдатам, печатались на французском, английском, греческом, румынском и польском языках. По ночам, до утренней зари, сотни людей разносили по казармам и судам одесские большевистские газеты и листовки. Рискуя жизнью, подпольщики расклеивали большевистские плакаты и лозунги в центре города и на окраинах, на стенах домов, на заборах и даже на тумбах с театральными объявлениями. За каждую голову подпольного печатника деникинская контрразведка и штаб платили премию в десять тысяч рублей; за раскрытие же подпольной типографии было назначено вознаграждение в сто тысяч рублей. Сотни людей, работавших в большевистском подполье, ежеминутно рисковали своей жизнью. Настали новые времена, но Котовскому, как и прежде, приходилось переодеваться, устраивать маскарады, выдавать себя за разных лиц и выслеживать врагов. Ему

пригодился его многолетний опыт борьбы с эксплуататорами и тюремщиками. Но если прежде, до Октябрьской революции, он боролся только с бессарабскими помещиками и купцами, то теперь его врагами были враги революции, вооруженные до зубов империалистические хищники. И если раньше Котовский действовал как одиночка, то теперь вся его жизнь, все его действия были подчинены выполнению боевых партийных заданий. Теперь Котовский уже был не одиночка, действовавший на свой страх и риск, а человек, борьба которого слилась с героической борьбой одесского большевистского подполья.

Котовскому приходилось несколько раз в день переодеваться и менять парики, до неузнаваемости изменять свою наружность. Он выдавал себя за дородного помещика Золотарева, которого разорили большевики. У помещика Золотарева появилось много друзей и знакомых. Ему сочувствовали, с ним дружили. Среди других одесских кутил, посещавших рестораны и кафе, он славился как отличный игрок на бильярде, как знаток рысистых лошадей, как балетоман, Имевший свое постоянное кресло в первых рядах Оперного театра.

Сигары Золотарев обычно покупал в маленькой лавочке на Ришельевской улице, рядом с молочной «Неаполь». Там была явка боевых дружин. В подвале табачной лавочки хранился динамит.

Закурив сигару, помещик Золотарев направлялся на Дерibasовскую, где было особеннолюдно, и разгуливал там с приятелями; среди них было много осведомленных офицеров, которые откровенничали с ним и делились новостями.

В течение одних и тех же суток помещик Золотарев превращался в Гершеле Берковича, который имел на привозе большой лабаз, торговавший овощами. Гершеле Берковичу удавалось получать овощи и фрукты даже из тех мест под Одессой, где оперировали «красные банды». Про Гершеле Берковича ходили слухи, что он связан с контрабандистами. И, действительно, выдавая себя за торговца овощами, Котовский связался с контрабандистами и, отгружая через них картошку, получал взамен для вооружения партизанских отрядов новенькие револьверы, винтовки и даже пулеметы. Иногда деловые люди часами разыскивали Берковича по городу и никак не могли его разыскать. В это время Котовский принимал «пациентов» на Базарной улице, в доме № 36, где он выдавал себя за врача.

Кроме случайных посетителей, к нему на прием приходили члены его боевой дружины и работники подполья, с которыми он поддерживал связь.

Многим в городе приходилось сталкиваться и с помещиком Золотаревым, и с торговцем Берковичем, и с представителем фирмы по

оборудованию механических мельниц, и с частно практикующим врачом, который любил прописывать больным морские ванны, обтирания и массаж, но никому и в голову не приходило, что он имеет дело с одним и тем же лицом — Григорием Котовским.

В одесском подполье действовали по правилу: «не говори тому, кому можно, а тому, кому нужно». Только два человека были посвящены в тайну всех профессий Котовского — парикмахер-гример на Преображенской улице, в совершенстве обучивший Котовского искусству грима, и театральный костюмер, который доставал ему нужные костюмы по его фигуре.

Котовскому поручали задания, связанные с добыванием оружия и средств для революционной подпольной работы. Он должен был держать в страхе деникинскую контрразведку и не давать покоя интервентам.

...На одном из одесских заводов вспыхнула забастовка. Предприниматель отказался выполнить требования рабочих, решив расправиться с ними при помощи деникинской контрразведки. Руководители забастовки были арестованы, часть рабочих уволена.

Ревком поручил Котовскому «рассчитаться» с фабрикантом. Котовский начал с того, что написал фабриканту письмо, в котором еще раз повторил все требования рабочих. Письмо кончалось угрозой. Фабрикант перепугался и обратился за помощью в контрразведку. Контрразведчики устроили в доме фабриканта засаду из пятидесяти человек.

Котовский подкатил к дому на рысаке, запряженном в новую пролетку. Он держал себя, как завсегдатай этого дома. На нем была добротная шуба с бобровым воротником. Начальник засады, выскочивший из подъезда, увидев перед собой такого важного, раздетого барина, козырнул ему. Котовский поднялся наверх.

На глазах у охраны «барин» прошел прямо в кабинет фабриканта. Он представился ему как работник контрразведки и сообщил, что сегодня Котовский предполагает устроить налет на его дом. Выведав у фабриканта, где он хранит свои ценности, Котовский сразу же назвал себя. Это ошеломило фабриканта. Котовский заставил его выложить бриллианты и наличные деньги, которые фабрикант, не доверяя тогдашним банкам, держал при себе.

На прощание Котовский потребовал, чтобы фабрикант при нем же позвонил в контрразведку и сообщил, что Котовский проник к нему, несмотря на засаду, и сейчас вместе со своими дружинниками находится у него на квартире.

Не торопясь, «барин» вышел из дома. Он подозвал начальника засады

и предупредил его, чтобы тот был наготове, так как через несколько минут сюда должен нагрянуть Котовский. После этого он сел на лихача и скрылся в темноте.

В это время к дому фабриканта спешили контрразведчики на помощь своим. Начальник засады, считая, что это приближается отряд Котовского, приказал открыть стрельбу.

Деникинцы, убежденные в том, что стреляют по ним дружинники Котовского, также открыли огонь.

Деньги, взятые у фабриканта, Котовский передал в ревком. На следующий день бастовавшие рабочие получили из этих средств пособие. А фабрикант хлопотал об освобождении арестованных зачинщиков, так как теперь счел необходимым выполнить все то, что требовали от него рабочие.

Котовский же обдумывал, как ему выполнить новое поручение. Он должен был совершить нападение на деникинскую контрразведку. Контрразведчики и офицеры любили кутить в небольшом шантане «Бродячие собаки» на Полицейской улице. Котовский устроил на работу швейцара в этом шантане своего человека. Посетителей пускали только до часу ночи. Они раздевались на первом этаже, оставляли сабли в гардеробе, а потом поднимались наверх.

Ночью Котовский на грузовике подъехал к «Бродячим собакам». Швейцар узнал его и впустил. Котовский приказал приехавшим с ним людям приступить к делу. В несколько минут вешалка, забитая белогвардейскими, французскими, английскими шинелями и фуражками, была очищена.

«Швейцара» тоже увезли с собой. Через несколько дней дружинники Котовского, переодетые в офицерскую форму и вооруженные двумя пулеметами, окружили здание контрразведки.

От «офицеров» не потребовали пропусков. Дружинники перевернули все помещение контрразведки. Котовский лично пересмотрел секретные бумаги; часть документов взял с собой, часть — сжег.

Об этом смелом налете не писали в газетах, но весь город знал о том, что подпольщики разгромили контрразведку.

Опозоренные контрразведчики решили во что бы то ни стало поймать Котовского. Им удалось арестовать двух его ближайших помощников. Их приговорили к расстрелу. Но за несколько часов до исполнения приговора тюрьму окружили десятки вооруженных людей. Котовский штурмом взял тюрьму и освободил своих товарищей и других политических заключенных.

Если когда-то за Котовским охотились только кишиневские сыщики, то

теперь за ним гонялись агенты деникинской и иностранных разведок. Из Кишинева были срочно вызваны старые полицейские служаки, которые хорошо знали Котовского в лицо. Снова его голова была оценена, а его фотографии ходили по рукам специалистов сыскного дела.

Весть о том, что Котовский действует в одесском подполье, испугала и румынскую сигуранцу.

Директорат внутренних дел Бессарабии поручил командиру шестого жандармского полка предпринять розыски Котовского. Его разыскивали в Кишиневе, Оргееве, Ганчештах, в то время как он продолжал работать в большевистском подполье Одессы. Одесская буржуазия помнила: Котовского, как своего старого врага. Но теперь, даже в белогвардейских листках, его уже не называли больше ни «разбойником», ни «атаманом». Этому бы теперь никто не поверил. Все знали, что Григорий Котовский действует только против врагов советской власти.

Каждая боевая операция Котовского отличалась смелостью, остроумием и исключительной изобретательностью.

Как-то агенты контрразведки узнали Котовского. Скрываясь от погони, он забежал в театр. Здание вскоре было оцеплено, но у Котовского были друзья и сообщники среди актеров. Проникнув за кулисы, он быстро загримировался под старика с длинной седой бородой и вышел на сцену, где и замешался среди статистов, изображавших толпу.

Сыщики обыскали весь театр, но так и не могли найти Котовского.

Боевая группа Котовского славилась своим умением освобождать арестованных. Многим приговоренным к расстрелу она спасала жизнь, иногда в самый последний момент перед исполнением приговора.

Империалисты чувствовали себя в Одессе беспокойно. «Иностранная коллегия» не давала покоя их военному командованию. Контрразведчики напали на след «Иностранной коллегии». Члены ее были захвачены и расстреляны. Среди погибших коммунистов была и героическая француженка, дочь участника Парижской Коммуны, Жанна Лябурб, которая провела огромную работу среди французских моряков.

«Имя тов. Жанны Лябурб, которую французы расстреляли в Одессе за большевистскую агитацию, стало лозунгом... борьбы против французского империализма, за невмешательство в дела России» (Ленин, том. XXIV, стр. 560).

Тело расстрелянной Жанны Лябурб, не имевшей родственников, было выдано для погребения одесским рабочим. Невзирая на опасность, сотни людей принимали участие в похоронах героической революционерки. Котовский был среди них.

Одесский подпольный ревком в ответ на белый террор, на расстрел «Иностранной коллегии», объявил красный террор. Расплата настигала предателей и провокаторов. Все чаще и чаще стали исчезать сотрудники контрразведки; по решению ревкома совершались казни провокаторов и шпионов. Но, несмотря на это, нашелся предатель, который выдал врагам руководителя одесской подпольной большевистской организации Николая Ласточкина.

Наиболее отважным подпольщиком, в том числе и Котовскому, было поручено во что бы то ни стало вырвать Ласточкина из рук французской и деникинской контрразведки.

И «помещик Золотарев» и «торговец Беркович» и «врач», практиковавший на Базарной улице, непрерывно следили за судьбой Ласточкина. Долгое время не удавалось узнать, куда его увезли. Потом стало известно, что Ласточкина поместили на пустой барже, которая стояла на рейде возле волнореза. К барже трудно было подъехать, так как оккупанты запрещали выезжать на волнорез.

Было решено подплыть к барже со стороны открытого моря, подойти к ней вплотную и освободить Ласточкина. На рассвете к барже направилась шлюпка. В ней был и Котовский, готовый к решительной схватке с караулом. Но когда шлюпка подошла ближе, было обнаружено, что баржа пуста.

Интервенты и белогвардейцы успели расстрелять Николая Ласточкина. Они выбросили его труп в море. Волны вынесли, тело, большевика на берег в районе Пересыпи, оно было в ранах и ссадинах, свидетельствовавших о зверских пытках.

Погибла «Иностранная коллегия», погиб Николай Ласточкин; в лапах контрразведки замучено было много преданнейших большевиков-подпольщиков. Но большевистские листовки, печатавшиеся в подпольной типографии в одесских катакомбах, оказались сильнее интервентов.

Французские матросы убеждались, что их доставили в Одессу для того, чтобы защищать интересы русских капиталистов, помещиков и международных банкиров. Большевистские листовки, призывая к международной революционной солидарности, напоминали французским морякам о французской революции, о Парижской Коммуне. Военные французские моряки подняли в Одессе восстание, они снимали с себя военные знаки, медали.

Французское командование уже не могло доверять своим солдатам и матросам.

«...Десант в Одессе пришлось увести обратно, так как войска

интервентов от соприкосновения с войсками Советской республики заражались революционным духом и начали восставать против своих империалистических господ. Так в Одессе восстали французские моряки под руководством Андре Марти»^[17].

...Ночью по городу, по всем спускам и лестницам ходили патрули. Обыватели не показывались на улицах. В эти ночи Котовский, выполняя приказы большевистского подполья, руководил взрывами железнодорожных путей, освобождал арестованных, появлялся то на Молдаванке, то на Пересыпи, переправлял оружие, устанавливал связи.

Из подвалов Государственного банка Котовский вывез на грузовиках ценности, которые денкиинцы намеревались захватить с собой.

Наступавшие части Красной Армии и партизанские отряды подходили к Одессе.

Одесская буржуазия спешно раскупала билеты на пароходы. В городе царил суматоха.

За несколько часов до прихода советских войск дружинники Котовского забрались на балконы, чердаки и крыши домов припортовых переулков и оттуда обстреливали удиравших «вояк».

Иностранные военные суда, увозившие одесских фабрикантов, греческих, польских и французских богачей и белогвардейских офицеров, отошли от рейдового мола.

В ночь с 4 на 5 апреля Воронцовский маяк не освещал, как всегда, разноцветными огнями Одесский порт.

5 апреля 1919 года части Красной Армии заняли Одессу. В Одессе — власть Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов! Котовский распускает свою боевую дружину. Теперь нужны другие формы борьбы. В городе восстанавливается порядок. Враг может вернуться со стороны моря и с Днестра. Нужно укрепить берега.

Котовского назначают руководителем Овидиопольского Военного Комиссариата. Партия поручает ему формировать из партизан и повстанцев Приднестровья регулярные части Красной Армии. К нему стекаются бойцы-бессарабцы его первого партизанского отряда. Котовский снова у Днестра.

Глава третья

ОТ ЧЕРНОГО ДО БАЛТИЙСКОГО

Над Днестром высятся курганы и древние крепости — немые свидетели давно забытых сражений.

Отстаивая независимость своего государства, мужественно и храбро сражался у Днестра против турецких и других завоевателей выдающийся государственный деятель и полководец Молдавии Стефан Великий.

Курганы, крепости и бастионы над Днестром видели, как русские воины, под водительством Кутузова и Суворова, бились здесь за освобождение дружественных народов от турецкого рабства.

Ожесточенные бои кипели на берегах Днестра в 1919 году. Румынские отряды переправлялись на советскую сторону, стремясь захватить как можно больше земли для румынских помещиков. А на тот, правый берег, нередко прорывались красные партизанские отряды и отдельные смельчаки-партизаны.

...27 марта 1918 года в Кишиневе была разыграна комедия «присоединения» Бессарабии к боярской Румынии. Румынские жандармы потребовали, чтобы делегаты «Сфатул Цэрий», которых никто не выбирал, выразили «волю народа». В здании, окруженном со всех сторон войсками, кучка предателей проголосовала за присоединение Бессарабии к румынской короне. Тем, кто отказывался присягать, оккупанты выкалывали глаза, отрубали руки. Тысячи бессарабцев были брошены в тюрьмы за отказ петь гимны в честь «победителей». Молдавские бедняки, получившие землю, должны были вернуть ее помещикам. Начался жесточайший террор.

Оккупанты взорвали мосты через реку. Двумя бесформенными громадами повис железнодорожный мост у Бендер. Борьба за Бендеры, крупный железнодорожный узел, связывавший два берега, была особенно ожесточенной. Город переходил из рук в руки. В темные ночи переправлялись через Днестр у бендерской крепости партизаны-бессарабцы на рыбацких лодках, обвязывая весла тряпками.

5 мая 1919 года, совершив переправу, в Бендеры ворвалась небольшая группа бессарабских повстанцев. Вот как они доносили об этой операции: «Пять часов утра. Переправа совершена удачно. Румынская застава взята без выстрела. Часовые других постов спали и также сняты. Цепь из сорока штыков, направившаяся в сторону Бендерской крепости, заставила последнюю выкинуть белый флаг о сдаче. Другой небольшой отряд

захватил вокзал, откуда без всякого боя бежали жандармы и румынские солдаты».

Но недолго продержались смельчаки в Бендерах. Противник сосредоточил войска; подошло подкрепление, в которое входили и французские роты. Снова выбили захватчики горсточку храбрецов из Бендер.

Румынские и французские батареи часто обстреливали Тирасполь. В это время там находился Котовский. Штаб его кавалерийского отряда помещался в гостинице «Швейцария».

Красные конники охраняли в Тирасполе советский берег. Котовский ждал дня, когда ему разрешат впереди своего конного отряда переправиться через Днестр.

Ежедневно в отряд прибывали добровольцы. Были среди них и перебежчики-бессарабцы, и бывалые кавалеристы-фронтовики... В хату молдаванина Лозинского ворвался румынский офицер. Он потребовал, чтобы хозяин отдал ему свою лошадь. Лозинский долго не раздумывал. Он убил захватчика, а сам с конем переправился на советскую сторону. Он слышал, что советская власть стоит за бедных.

На нашей стороне Лозинский встретился с земляками, которые указали ему дорогу к Котовскому.

...Дошла до крестьянина Костенюка весть о том, что Котовский собирает бессарабцев, и он решил перебраться к нему. Румыны стреляли по реке из артиллерийских орудий. Лед на ней тронулся, как во время паводка. Костенюк бросился в реку; льдины мешали ему плыть, он замерзал. Пули, преследуя его, ложились рядом. Выйдя в заиндевевшем белье на советский берег, он постучался в одну из хат. Его впустили, оттерли спиртом, накрыли одеялом.

Несколько недель бродил Костенюк по селам, пока не встретился с конниками-котовцами. С тех пор он стал котовцем.

...В 1919 году солдат Чорба, бывший чабан и виноградарь, стоял на посту, охраняя румынскую границу по Днестру. Во время обхода офицер ударил его по лицу шомполом. Чорба, бессарабец, насильно мобилизованный румынами, знал, что на том берегу «офицеры» не бьют «солдат». Он схватил винтовку, выстрелил в упор в офицера, вскочил на его коня и пустился вплавь через Днестр. Он тоже нашел себе место в отряде Котовского.

Григорий Иванович радушно принимал перебежчиков-бессарабцев. И сразу же завоевывал их симпатии. Люди доверяли ему свою жизнь. Он рассказывал им о партии коммунистов-большевиков, о Ленине, говорил о

том, что придет день, когда Бессарабия снова станет советской. Он говорил о красной Москве, и бойцы безгранично верили своему командиру, имя которого уже давно прославилось в Бессарабии, как имя борца против помещиков и угнетателей.

Среди бессарабцев-молдаван, пополнявших отряд Котовского, особенно много было хотинских повстанцев.

В морозные январские дни, на севере Бессарабии, бедняки-молдаване, доведенные до отчаяния оккупантами, решили сбросить с себя ненавистное иго. Чаша терпения переполнилась.

Восстание быстро охватило весь Хотинский уезд и перекинулось в Сорокский. В местечке Атаки, в Окнице, в молдавских селах Сталинешты, Динауцы, Коленкоуцы восставшие с вилами и топорами набрасывались на захватчиков, снимали румынские заставы и арестовывали жандармов. Но повстанцы не были подготовлены к длительной партизанской борьбе. У них не было должного руководства, не было оружия, снарядов и патронов.

На нашем берегу орудовали петлюровцы. На словах поддерживая повстанцев, они на деле содействовали их поражению. Хотинцы были предоставлены самим себе.

Румынские войска, изгнанные из Хотинского уезда, получив подкрепление, перешли в наступление. Они жестоко расправлялись с повстанцами. Каратели сравнивали с землей восставшие деревни, устраивали массовые расстрелы; они пороли людей нагайками, изрубали шашками, закапывали живыми в землю.

Во время подавления хотинского восстания от рук боярских палачей погибло одиннадцать тысяч бессарабцев. Больше пятидесяти тысяч хотинцев бежало из Бессарабии. Румынские власти заочно приговаривали участников восстания к смертной казни. Множество людей было брошено в тюрьмы.

В дни, когда на правом берегу Днестра ярко горели села, сотни бессарабцев под пулеметным огнем отступали через Днестр.

Основная масса хотинских повстанцев перешла Днестр в районе Каменец-Подольска — Могилев-Подольска.

Петлюра рассчитывал пополнить свои банды, поредевшие в боях с Красной Армией.

Но бессарабцы не поддались на агитацию петлюровцев. Они организовались в отряды и с боями пошли от Каменец-Подольска на соединение с Красной Армией.

Среди хотинцев выделялся рабочий-каменщик Михаил Нягу. Он знал, что большевики борются за мир, за землю, за бедняков, против

угнетателей. В партизанских рядах Михаил Нягу командовал отрядом бессарабских всадников.

Нягу, жизнерадостный человек исполинского роста, отличался смелостью. Его черные глаза горели отвагой, когда он летел в бой впереди своих конников, увлекая их за собой.

В темные ночи партизаны под предводительством Нягу переправлялись через Днестр на родной берег. Внезапно появлялись они у помещичьих конюшен и угоняли лучших лошадей.

...В то время, как Котовский со своими кавалеристами воевал против румын и отбивал натиск петлюровцев, в Одессе формировались части Южной группы. Из разрозненных партизанских отрядов и частей 3 Украинской армии создавались полки регулярной Красной Армии.

В Одесском комитете партии большевиков для новых частей подбирали преданных и умелых командиров.

Григорий Котовский — легендарный бессарабец, организатор и доблестный командир красногвардейского отряда, выделялся из всех партизан, оперировавших в Приднестровье. Этот человек сумеет повести людей в бой. Большевики, встречавшиеся с Котовским, знали, как он вырос политически.

3 июля 1919 года Котовский был назначен командиром 2 пехотной бригады вновь сформированной 45 дивизии.

В состав второй бригады входили 400, 401, 402 стрелковые полки, кавдивизион из трех эскадронов и артиллерийский дивизион. Во вторую бригаду был влит отряд Нягу, именовавшийся тогда Первым кавалерийским бессарабским полком.

У станций Рудница произошла первая встреча Котовского с Нягу.

Комбриг второй стрелковой бригады хотел как можно лучше и торжественней встретить своих земляков-кавалеристов.

На поляне был выстроен духовой оркестр. Под звуки марша Котовский на коротком галопе помчался навстречу новоприбывшим.

Нягу ехал впереди своих всадников на серой в пятнах кобылице.

Кони поровнялись. Нягу отдал рапорт. Командиры пожали друг другу руки и, наклонившись с коней, поцеловались.

— Здравствуйте, орлы! — радостно крикнул Котовский бессарабцам.

Не слезая с коня, он обратился к ним с короткой речью:

— Товарищи бойцы и командиры, с сегодняшнего дня вы входите в состав бригады своих земляков-бессарабцев, где вместе будете бороться, рубить белогвардейскую и всякую сволочь, которая хочет разгромить Красную Армию и задушить Советскую власть. Этого не будет! — говорил

Котовский. — Пусть не думает буржуазия, что ей удастся уничтожить Советскую власть, власть рабочих и крестьян. Власть Советов дала рабочим фабрики и заводы, а крестьянам — землю. Да здравствует Советская власть и товарищ Ленин! Ура!

После торжественной встречи Котовский и Нягу долго беседовали. Так началась их дружба.

Отряд Нягу полностью вошел в кавалерийский дивизион стрелковой бригады. Михаил Нягу был назначен командиром этого дивизиона.

Вторая бригада занимала большой участок по Днестру. Напротив, за Днестром, были расположены петлюровские и румынские части. В тылу орудовали банды.

Котовский то и дело переходил в наступление, не давая покоя противнику.

Командуя впервые таким соединением, как стрелковая бригада, Котовский быстро обнаружил свои выдающиеся военные способности. Особенно умело использовал он кавалерийский дивизион, достигая при его помощи большой подвижности. Котовский вводил кавдивизион в бой для неожиданных ударов по флангам противника и как основную ударную силу. Разрабатывая план каждой операции, он тщательно продумывал взаимодействие пехоты и артиллерии.

Вторая стрелковая бригада должна была выровнять фронт от Днестра до железной дороги. Кавалеристы удачным маневром захватили Песчанку и выбили петлюровцев из Каменки на Днестре. И только, когда соседние части отошли, обнажив фланги второй бригады, Котовский перешел к обороне.

В августе 1919 года началось наступление деникинской армии. Англо-французская эскадра стояла у Тендровой косы, под Одессой.

Со стороны Днестра действовали диверсионные отряды румын, переправлявшиеся на советскую сторону. Севернее разгуливали петлюровские банды, их поддерживали галицийские части. Петлюровцы разрушали мосты, нападали на местечки, убивали коммунистов и активистов.

Здесь же разбойничали банды Махно.

В Одессе со дня на день ждали высадки десанта.

В селах начались кулацкие мятежи. Немцы-колонисты организовали по дорогам заслоны, не пропуская в город продовольствия. Восстали кулаки в старообрядческом селе Плоском, близ Тирасполя, и в немецких колониях — Страсбург, Баден и Зельц. Они жестоко расправились с пойманными коммунистами и красноармейцами.

Стрелковый полк партизан наступал на Плоское. Среди бойцов было много плосковских уроженцев. Они дрались не на жизнь, а на смерть со своими же «земляками».

После ликвидации кулацкого мятежа в Плоском партизанский полк отошел к станции Кодыма и влился во вторую стрелковую бригаду, части которой стояли в близлежащих селах.

При встрече с партизанами, расцеловавшись с одним из них, Котовский, обращаясь к бойцам, сказал:

— Целую вас всех в лице вашего товарища и надеюсь, что завтра с вашей помощью мы погоним помещичью сволочь, которая хочет загородить дорогу революции.

В боевой обстановке бригада Котовского продолжала пополняться.

Однажды Котовский взял в плен петлюровский отряд, возглавляемый сельским учителем. Пленных привели в штаб. Комбриг расспрашивал каждого, что толкнуло его на борьбу с большевиками. Потом он начал разъяснять пленным, кому они служат своим оружием.

— Неужели вы не понимаете, что Петлюра вас дурачит? Он защищает помещика, фабриканта и кулака. Эта свора будет вас давить, как давила раньше.

Потом Котовский остался наедине с командиром-учителем. Побеседовав с ним, Котовский предложил ему вернуться со всем отрядом к Петлюре, разгромить его тылы и ровно через сутки привести своих людей обратно. Одновременно Котовский выделил несколько бойцов, которым приказал незаметно наблюдать за петлюровцами.

Многие товарищи возражали Котовскому — как это можно отпустить пленных, тех, кто вчера еще сражался против нас!

Прошли сутки. Бывший петлюровец в точности выполнил приказание Котовского. Он вернулся не только со всем своим отрядом, но и с добычей, взятой в бою у недавних соратников. Этот учитель вскоре стал одним из командиров Красной Армии.

Котовский умел побеждать в боях, умел он убеждать и большевистским словом.

На подкрепление второй бригады из Одессы прибыл так называемый «матросский полк Стародуба». Он состоял, главным образом, из деклассированных завсегдаев Одесского порта, авантюристов и любителей легкой наживы.

В день, когда вторая бригада должна была пойти в бой, полк Стародуба вдруг снялся с позиции. Командиры полка заявили, что их «ребята» устали и хотят вернуться в Одессу. Они захватили санитарный

состав и пытались отправиться в город отдыхать на пляжах. Дезертиры звали красноармейцев перейти на их сторону, но не нашлось ни одного человека, который поддастся бы их агитации.

Бойцы Котовского окружили и обезоружили предателей.

Наступали тревожные дни... Империалисты, при помощи белогвардейского генерала Деникина, вновь пытались удушить революцию, восстановить капиталистический строй в России. «Добровольческая» армия Деникина захватывала левобережную Украину, Донскую область и Крым. В каждом районе появлялись свои «батьки» и «атаманы».

23 августа, под прикрытием артиллерийского огня с моря, на Большом Фонтане в Одессе высадился белогвардейский десант.

В городе шла эвакуация. Губком партии перешел на нелегальное положение. Но многие коммунисты не успели скрыться. Они попали в руки белогвардейцев и были расстреляны.

Советская власть второй раз оставляла Одессу. Оперативная сводка в этот день сообщала: «...в районе Одессы противник высадил десант... Одесса обстреливается с моря, связь прервана, наши южные части, видимо, оставили Одессу».

Из отступавших из-под Одессы войск была организована группа в составе 45 и 58 советских дивизий. Вместе с Красной Армией следовали также коммунисты и советские работники из занятых белыми южных городов.

Армии белых и кулацким бандам удалось замкнуть в кольцо южную группу 12 армии: на севере и востоке — армия Деникина и банды Махно; на западе — румыны и петлюровцы. Одесса занята десантом. Далеко на севере основные силы 12 армии, с ними нет никакой связи. Силы противника намного превосходят слабо вооруженные дивизии, оставшиеся в расположении Южной группы. Что делать? Сомкнуться всем вместе и, несмотря на затруднения, двинуться на север, на соединение с частями 12 армии? Хватит ли сил пробиться сквозь кольцо окружения? Враг ждет за каждым поворотом, в каждой ложбине, за каждым деревом... Или остаться здесь, уйти в подполье, разойтись всем в разные стороны, скрыться в хатах и ждать?

Стояли последние дни августа. В теплые ночи красноармейцы спали под открытым небом. Всю ночь горели огни на станции Бирзула. Это был небольшой островок среди разбушевавшейся кулацкой и белогвардейской стихии. Часовые напряженно прислушивались. Вот-вот загремят белогвардейские бронепоезда, враг может показаться отовсюду.

Было решено пробиваться на север, с боями проложить себе дорогу

вперед.

В штабе на станций Бирзула собрались командиры полков. Большинство из них еще недавно были вожаками партизанских отрядов. В этих местах прошла их жизнь; здесь они партизанили, здесь оставались их родные. Был в штабе и Котовский, прибывший на паровозе.

Ночью он спешно выехал обратно во 2 бригаду. Он должен убедить своих бойцов-бессарабцев в необходимости уйти от берега Днестра. Бригаде предстояло прикрывать отход всей группы, сдерживая наступление петлюровцев.

Политработники, агитаторы вели беседы с бойцами. Котовский видел, как от партийного аппарата протягивались нити к каждому бойцу, как все было приведено в движение, как умно, с учетом даже самых незначительных мелочей, подготавливалась победа. Все было пронизано одной волей — волей партии, одним стремлением — победить врага. Еще недавно разрозненные части собирались в железный кулак, способный пробить любую преграду.

В эту ночь было вынесено решение пробиваться на север по проселкам, через степи и леса.

— На колеса! На телеги! По коням!..

Нужно освободиться от всего лишнего и обременяющего. То, чего нельзя было взять с собой или раздать, уничтожалось на месте.

Над бирзульской пристанционной площадью поднимались жлубы черного дыма. Это горели вагоны, штабные бумаги. На площади выстроился штабной оркестр.

Части Красной Армии уходили под марш, держа равнение в рядах. Пулеметы громыхали на телегах. Потянулись обозы... И над оцетинившимися штыками, ввысь, к безоблачному южному небу понеслась песня бойцов... Бойцы шли на подвиг, они знали, что должны победить во что бы то ни стало...

Вторая бригада занимала участок Попелюхи — Песчанка. Она должна сдержать наступление петлюровцев и затем присоединиться к Южной группе.

Штаб бригады разместился в местечке Песчанка. Нужно было любой ценой удержать на несколько дней занятые позиции и дать возможность нашим эшелонам выйти из вражеского кольца.

Петлюровцы знали, что 2 бригада оторвана от других колонн группы, и готовились нанести ей сокрушительный удар.

В местечке Песчанка расположились пехотные полки бригады. У одного из местных богачей нашли много мануфактуры и забрали ее на

нужды армии.

Котовскому преподнесли новую форму, сшитую из вельвета. Командиры решили, перед тем как переодеться, пойти в баню. Когда они усердно намывали друг друга, в баню вдруг вбежал ординарец.

— Товарищ Котовский! В местечке петлюровцы! Уже слышны были выстрелы.

Котовекий надел новые красные галифе. Из окна видно было, как по улице пронеслись всадники.

— Ничего, еще не такое бывает, — успокаивал Котовский товарищей.

Распахнулась дверь. Петлюровцы ворвались в баню. Раздались один за другим два выстрела. Котовский уложил двух петлюровцев и, перепрыгнув через их трупы, быстро выскочил на улицу. За ним последовали и другие командиры. Ординарцы с лошадьми бежали им навстречу.

По Песчанке строчил пулемет. Застигнутые врасплох, красные части начали спешное отступление.

Как только отошли за Песчанку, Котовский собрал своих людей. Он повернул коня и помчался обратно, увлекая за собой бойцов.

Котовцы снова заняли Песчанку. Командиры вернулись в баню и, domывшись, поздравляли друг друга с «легким паром».

Скоро под натиском петлюровцев 2 бригаде вновь пришлось покинуть Песчанку. Требовалось пробиться через железнодорожную магистраль, догнать колонны, уходившие на север.

Петлюровцы перерезали бригаде путь. Куда бы ни высылалась разведка, отовсюду она возвращалась с сообщением, что такое-то местечко или станция заняты врагом. Прорваться можно было только боем.

Сентябрьская ночь. Бригада остановилась в степи между Песчанкой и селом Студеным. Дороги отрезаны. Связи нет. На несколько верст по дороге растянулся обоз...

Котовский только что вернулся из разведки. Уставшие бойцы дремали — кто сидя, кто лежа под телегой. По обеим сторонам дороги паслись лошади.

— Котовский приехал, — передавали друг другу конники и пехотинцы. Все ждали, что скажет командир. Все зависит от его решения.

Котовский собрал бойцов. Никогда еще так внимательно не слушали его красноармейцы. Впервые командир сказал, что положение исключительно тяжелое.

«Кто трус — пусть уйдет от нас. Те же, кто верит в силу рабочего класса, кто верит мне, кто хочет победить, кто хочет пробиться на соединение с красными войсками, — остаются со мной!».

— Ты вел нас из Бессарабии, веди нас до победного конца, — отвечали бойцы.

Котовский решил пробиваться к станции Попелюхи.

Всю ночь объезжал комбриг на «форде» свои части и обоз, растянувшийся на много километров.

На рассвете петлюровцы заметили движение котовцев. Началась перестрелка.

Котовский принял решение: сосредоточив силы, крепким ударом прорвать вражеское кольцо и, продолжая бой, первым пропустить в образовавшуюся брешь обоз, построенный в две колонны.

Было приказано освободиться от подвод на волах и выбросить лишний груз. Всех людей, способных сражаться, поставили в строй.

Три раза котовцы бросались в атаку. Комбриг дрался впереди всех. Он кидался в самую гущу боя. В одной из схваток пал его конь. Петлюровцы были уже совсем близко от комбрига, но не стреляли, желая взять его живым. Он сдернул с коня седло, вскинул его на плечи и, отстреливаясь, побежал вперед.

— Кото! Остановись! — кричали петлюровцы. Но Котовский уже вскочил на другую лошадь. К нему подбежал боец:

— У меня тоже убили лошадь...

— А седло твое где?

— Осталось на лошади...

— Ну, ты больше не конник!

И тогда красноармеец, не обращая внимания на пули, побежал обратно к убитой лошади за седлом.

Наконец враг был сломлен. Котовский первым вырвался на опушку леса у станции Попелюхи. Лес шумел, словно охваченный ураганом. По лесным тропам, ломая ветки, мчались котовцы вслед за своим командиром. Красные лучи заходящего солнца пробивались сквозь чащу.

В предвечерний час красноармейцы прорвались на станцию. Станция Попелюхи — в их руках. В это время обоз уже подходил к полотну железной дороги.

На станции противник оставил много пулеметов и снаряжения. На путях стояли длинные составы и бронепоезда.

Захватив Попелюхи, вторая бригада прорвала петлюровский фронт. Обоз проходил через железную дорогу под прикрытием стрелков и конников.

Котовский отдал приказание уничтожить на станции все, что нельзя забрать с собой, особенно боеприпасы. Вагоны облили керосином.

Бронепоезда набили снарядами и ручными бомбами. Два паровоза, стоявшие на путях, пустили один навстречу другому. Далеко было слышно, как на станции раздавались взрывы.

Зарево пожара освещало путь бригаде, продвигавшейся по дороге к Чечельнику. На станции снова хозяйничали петлюровцы. Вдруг оттуда послышались пушечные выстрелы. Это оказавшиеся поблизости деникинцы приняли петлюровцев за красных и открыли по ним огонь.

Всю ночь не прекращались взрывы и выстрелы... Бойцы шли по колючей стерне. Многие были босые... Люди шли вперед, преодолевая усталость и сон. На коротких привалах Котовский беседовал с бойцами.

По дороге к Чечельнику котовцы в пешем строю разбили шайку Заболотного.

У местечка Бершадь вторая бригада догнала красноармейские части, тоже пробывавшиеся на север, и присоединилась к ним.

На следующее утро, еще до восхода солнца, бригада Котовского — девятьсот пехотинцев, двести кавалеристов, три батареи и обоз — форсировала широкий Буг.

Поход на север продолжался... Южная группа двигалась тремя колоннами.левой колонной, в которую, кроме второй бригады, входила и первая, командовал Котовский.

Конница охраняла движение пехоты и артиллерии. Люди шли по проселочным дорогам в жару, по раскаленным пескам, покрытые серой пылью, измученные жаждой. Винтовки оттягивали плечи. Днем делали передышки; передвигались большей частью ночью. На ночлеге не разводили костров.

Было запрещено пить воду из колодцев, так как большинство их было отравлено. С нетерпением ждали утренней росы, чтобы хоть каплями влаги утолить жажду. Проходили мимо местечек, разоренных петлюровцами, превращенных в кладбища.

Шли по полям и лесам Подолии. Большинство красноармейцев были в этих местах в первый раз. Колонны проходили мимо сел, где перед этим был пущен провокационный слух, что идет «коммуния», которая вывозит с Украины деньги и ценности и уничтожает все на своем пути.

В эти трудные дни Котовский отдает по колонне характерный для него приказ:

«В связи с большими переходами, совершаемыми вверенной мне колонной, конский состав во многих частях пришел в негодность и подлежал замене. Так как мы находимся в исключительных условиях, когда из центра не можем ждать пополнения и должны добывать все на месте,

мною разрешено было негодный конский состав заменить годным, беря таковой в помещичьих имениях и у кулаков. Взять коня у помещика, который добыл его не собственным трудом, не составляет преступления»^[18].

И одновременно с этим Котовский жестоко обрушивается на отдельных несознательных бойцов, кто «позволяет себе отбирать лошадей у первого встречного, не исключая и бедных крестьян...».

Он предупреждает в этом приказе, что замеченные в грабеже и мародерстве будут расстреливаться без суда.

Во вражеском кольце, среди огня и разбушевавшейся кулацко-бандитской стихии, он свято оберегал честь защитников рабоче-крестьянской власти.

Когда части вступали в села, они находили пустые, точно вымершие, улицы. Двери и ставни были всюду закрыты. Селяне ожидали грабителей, но, увидев, что красноармейцы за все расплачиваются деньгами и относятся к населению хорошо и внимательно, сами начинали вступать с ними в разговоры, выносили бойцам кувшины с молоком.

Многие бедняки добровольно вступали в Красную Армию. Так организовалось несколько резервных отрядов.

Кулаки же старались вредить Красной Армии как только могли: ломали спицы в колесах телег, подрезали лошадям сухожилия, обстреливали из засад отставших бойцов...

Красноармейцам приходилось бороться и с петлюровскими бандами, и с кулаками, и с раскаленным песком, который хрустел на зубах, засыпал глаза, мешал двигаться людям и коням.

Шли крепкие, шли и слабые. На подводах и тачанках в обозе следовали больные и раненые.

На стоянках в средней колонне разворачивалась маленькая палатка. Полевая радиостанция выбрасывала в небо высокие стальные мачты. Начинал работать мотор. Радист напрягал слух, пытаясь нащупать связь с 12 армией. Тысячи людей в эти минуты только и думали о том, какую весть принесет радио. Но эфир молчал.

Командиры передавали по радио приказы несуществующим частям: занимать высоты, двигаться в таком-то направлении, поздравляли с победами и трофеями. Это делалось для того, чтобы ввести противника в заблуждение.

...Радиостанция 44 дивизии в Овруче, приютившаяся в крестьянской избе, уже давно «ловила» Южную группу.

Иногда доносились какие-то едва уловимые звуки, радист оживлялся.

Но звуки снова исчезали, а вместе с ними исчезала и надежда связаться с другими колоннами Южной группы.

В штабе 12 армии в Новозыбкове не было никаких известий о Южной группе. А без этого трудно было встречным ударом с севера пробить вражеское кольцо. Судьба десятков тысяч бойцов зависела от того, будет ли через голову противника установлена связь. Радиослухачи 44 дивизии охотились в эфире за позывным сигналом 45 дивизии — 7РД. Южную группу вызывала Москва.

С рассветом на радиостанции 44 дивизии затихал мотор. А за десятки верст от нее бойцы свертывали палатку радиостанции Южной группы, и ее колонны снова продолжали отступление, которое одновременно являлось и наступлением.

Так на карте с каждым днем увеличивалась черта, обозначающая путь отхода колонн — многоверстный, тяжелый путь...

Одиннадцать дней радиостанции безуспешно пытались связаться друг с другом; наконец, 11 сентября в Овруче услышали едва уловимый писк далекой радиостанции. А потом была принята первая радиограмма:

— Будем держать путь на Житомир!

Весть об этой встрече в эфире дошла до всех бойцов Южной группы. Теперь они не чувствовали себя оторванными. 12 армии также стало известно, что войска Южной группы сохранились и с боем продвигаются вперед.

Колонны Южной группы подошли к полотну железной дороги между станциями Бровка — Попельня. На станции Бровка укрепились петлюровцы. Деникинцы и петлюровцы согласовали свои действия, чтобы остановить движение красных частей.

Каждый командир, каждый боец Красной Армии знал, что настал решающий момент.

...Вторая бригада расположилась в местечке Поволочь. Бойцы, несколько суток не знавшие сна, как только был получен приказ об остановке, сразу же повалились спать. Спали под телегами, на ступеньках домов и скамейках.

Командир бригады заснул, не вылезая из брички, облокотившись на кузов. Но очень скоро начальник штаба разбудил его. Где-то близко началась артиллерийская стрельба. Сразу отлетел сон. Разведка донесла, что противник укрепился по всей линии железной дороги. Котовский стал готовиться к наступлению, но начать его решил при подходе главных сил Южной группы.

Это был первый случай, когда 2 бригада слышала шум близкого боя и

не бросилась, как всегда, на помощь своим.

Котовский ходил от одной группы красноармейцев к другой, объясняя создавшееся положение. Вынужденные часы бездействия были невероятно тяжелы. Дальше двигаться нельзя. Если наступать по ровной местности, то противник уничтожит всю бригаду артиллерийским огнем. Надо ждать. Главные силы должны быть уже в десяти-двенадцати километрах от Поволоча. День выдался знойный. От нестерпимой жары изнемогали бойцы и кони.

Котовский ходил по улицам Поволоча, подбадривая бойцов. Он организовал доставку воды. С нетерпением ждал он подкрепления, глядя в полевой бинокль. В обозе не выпрягали лошадей. В любую минуту надо было быть готовыми.

Наступили сумерки. Противник начал артиллерийский обстрел. Снаряды рвались у самого Поволоча. Ждать больше было нельзя. Котовский отдал приказ о выступлении.

Он разбил кавалерийский дивизион на две группы. Командование первой группы принял на себя, а командиром второй назначил Нягу. Второй отряд должен был напасть на артиллерию противника, расположенную вдоль полотна железной дороги. Свой отряд Котовский повел в тыл врага, к бронепоездам, поддерживавшим петлюровцев.

Обе группы с двух сторон зашли в тыл противнику. Подрывная команда взорвала рельсы, отрезав бронепоездам путь отхода. Петлюровцы бросили бронепоезда и скрылись в лесу.

В это время разгорелся ожесточенный бой на станции Бровки. С крыши мельницы по наступающим красноармейцам строчил петлюровский пулемет. Командир пехотной роты послал Котовскому донесение с просьбой сбить пулемет с мельницы. От комбрига посыльный принес короткую записку: «Держитесь, сделаем все, что надо».

Командир роты приостановил наступление. Через несколько минут замолкли пулемет и артиллерия противника. Бойцы снова бросились в атаку. Наперерез им от станции выехала группа всадников. Раздалось мощное «ура!»... Бойцы узнали своего командира.

Котовский занял станцию Бровки внезапным ударом с тыла.

В эту ночь были полностью уничтожены два петлюровских полка — Полтавский и Кубанский.

Голодным и измученным красноармейцам предстояло продолжать дальнейший путь — к Житомиру.

Колонны вышли на широкое шоссе. Последние привалы. Кое-где продолжают орудовать петлюровцы. Но теперь они не страшны.

На подступах к Житомиру котовцы вступили в последний беспощадный бой с гайдамаками.

Кавалерийский дивизион второй бригады первым ворвался в Житомир. Это было столь внезапно и неожиданно, что местная буржуазия, решив, что в город вступили ожидавшиеся с юга деникинцы, под трезвон колоколов преподнесла Котовскому хлеб с солью.

Южная группа подходила к Житомиру. У переправы через реку Буйва, у самого города, 18 сентября 1919 года встретились части Южной группы с 44 Щорсовской дивизией, входившей в Северную группу.

Бойцы обнимали друг друга. Кончился многоверстный переход! На полях Одессщины и Подолии, в борьбе за власть рабочих и крестьян, погибло немало славных и храбрых героев. Встретились братья-красноармейцы — непобедимые бойцы.

В Житомире котовцы расстались с бирзульскими коммунистами, с которыми вместе прошли весь трудный путь и породнились в боях.

Котовский от имени бригады обратился к ним с письмом: «Товарищи! Вы стойко шли вперед, невзирая на опасность, которая угрожала нам со всех сторон, когда из всех углов появлялись агенты Петлюры и Деникина с Колчаком, когда все контрреволюционеры уже поднимали голову...

С искренним сожалением расстаемся с коммунистическим отрядом Бирзульской районной организации, перенесшей столько лишений и испытаний... Выражаем свою искреннюю товарищескую благодарность за, то, что Вы решили в критическую минуту умереть или победить во имя Великой революции, за завоевание права всем униженным и угнетенным рода человеческого.

С коммунистическим приветом Комбриг 2 сорок пятой стрелковой советской дивизии Котовский».

Через несколько дней после взятия Житомира происходил, смотр частей, награжденных почетным знаменем революции за героический переход и соединение с частями 12 армии. Было оглашено приветствие политуправления и реввоенсовета 12 армии:

«Красные орлы! С восхищением смотрит на вас рабоче-крестьянская армия. В момент грозной опасности, окруженные со всех сторон врагами, вы, красные орлы, дети рабочих и крестьян, не колебались ни на минуту. Крепче сжав в руках винтовки, дав, клятву победить или умереть за Советскую власть, вы прошли огромный путь, сражаясь, как львы, как герои. Попытки врага уничтожить вас не привели ни к чему. Вы победили все — страшный огонь, бешеные атаки и подлую провокацию!..».

Недолго продолжался отдых. В сентябре бригада Котовского

участвовала в ожесточенных боях с деникинцами, занявшими Киев.

В ночь с 3 на 4 октября 1919 года бригаде было приказано сменить Интернациональный полк, занимавший позиции перед деревней Новая Гребля. Полк должен был отойти на отдых и на пополнение. Большинство его бойцов погибло в жестоких схватках с врагом.

Новую Греблю занимал белогвардейский стрелковый батальон в 800 штыков, при 12 пулеметах «Максим». Село было сильно укреплено.

Котовцы незаметно подползли к окопам и сменили уставших бойцов. Этой же ночью противник возобновил атаку. Красноармейцы берегли патроны. Белогвардейцы же не скупались на выстрелы.

Целый день раздавались ружейные залпы, трещали пулеметы. Красноармейцы соблюдали большую осторожность. Нужно было вести наблюдение за противником так, чтобы самим остаться незамеченными.

Котовский решил, что фронт белых нужно прорвать именно в Новой Гребле. Кавалеристы спешили. Коней отвели в сторону.

Ночью один за другим, сдерживая дыхание, вылезали бойцы из окопов и медленно, ползком, добирались к намеченному рубежу — мостику через — реку Здвиж, приток Тетерева.

Несколько дней стояли друг против друга у берегов болотистого Здвижа бессарабские, херсонские бедняки, босые, раздетые и отборные, хорошо вооруженные офицерские роты. На каждого советского бойца приходилось не больше 1–4 патронов.

Так настало 7 октября. Ночью противник одиннадцать раз атаковал горсточку наших бойцов, которые в одних нательных рубахах, а многие только в кальсонах, босиком (октябрь месяц) отбивали сильного, хорошо вооруженного противника из своих окопчиков и баррикад, наскоро построенных из бревен и песка.

«Много изумительного, легендарного героизма было проявлено в эту ночь как отдельными бойцами, так и целиком обоими полками.

...На рассвете, без артиллерийской подготовки, два маленьких полчка при поддержке спешенного эскадрона перешли в контратаку, бросившись на противника в штыки.

Никогда до этого и после этого во все время гражданской войны мне не приходилось видеть такого жестокого боя, поистине смертельной схватки.

Обойденные и отрезанные со стороны болотистой речки спешенными кавалеристами, занявшими единственный переход через нее у них в тылу — мостик, белогвардейские стрелки — офицеры понимали, что спасения нет, и дрались с психологией отчаяния. В результате боя они были

уничтожены до одного человека, частью убиты, частью потоплены в речке.

Взошедшее утром солнце осветило жуткую картину...

Трупы лежали грудями, иногда группой в 4–6 человек, и видно было, как двое, схватишись в последней смертельной схватке, еще не убив друг друга, были пронзены штыками своих врагов, а те в свою очередь были убиты другими.

Маленькие полчки после этого боя еще больше поредели, но задача была выполнена, противник совершенно уничтожен.

Поредевшие ряды легендарных и вместе с тем скромных незаметных героев рвались к Киеву. „Даешь Киев!“ — вот что было в устах каждого отдельного и всех бойцов бригады и дивизии...»^[19]. Так писал об этом сражении Котовский.

Утром 7 октября 1919 года он доносил командованию:

«В 6 часов сего 7 октября лихой атакой совместно со спешившимся первым эскадронам кавалерии выбил противника из села Новая Гребля. Захвачено три пулемета Максима, 10 000 русских патронов и 60 винтовок. Противник отброшен за реку. Переправа занята нами. Части остановились и укрепляются»^[20].

...Конная разведка донесла, что на берегу реки Ирпень, около кладбища, расположены белогвардейская тяжелая батарея и много пехоты. Прислуга батареи до того увлеклась игрой в карты, что не заметила, как перед самым ее носом появились красные кавалеристы и тачанка с пулеметом. Красные конники открыли огонь. Артиллеристы подняли руки вверх.

Захват батареи обрадовал бойцов 2 бригады. Были взяты шестидюймовые артиллерийские орудия, их везли низкорослые мулы в добротной запряжке.

Эта батарея только недавно прибыла из Англия и, разгруженная в Киеве, шла на позиции. Белогвардейцы не успели выпустить из нее ни одного снаряда.

Во время боя несколько мулов было убито, поэтому не все орудия удалось вывезти с поля. Забрали два, а одно оставили, взяв с собой замок. Теперь 2 бригаду сопровождало еще новое подразделение — тяжелая артиллерия. Батарея громыхала за обозом по песчаной дороге.

Вторая бригада перебрасывалась на другой участок фронта. Путь лежал в глубь России.

В конце октября 1919 года вторая бригада прибыла в город Рославль, Смоленской губернии.

Бойцы разместились в деревянных бараках на окраине Рославля.

Недавним партизанам трудно было привыкнуть к казарменному положению. Кавалеристы мечтали о новых, сильных конях, о седлах и об обмундировании. Они умели лихо рубить, но немногие из них знали военный устав и материальную часть своего оружия. По утрам командиры объясняли красноармейцам устройство винтовки.

На первые строевые занятия красноармейцы вышли кто в ботинках, кто босиком, в брюках навывпуск; у большинства ноги были просто замотаны в какие-то тряпки.

Уже начинали готовиться к зиме, ремонтировать и утеплять бараки.

В красноармейских частях проходила партийная неделя. Отважные бойцы вступали в коммунистическую партию.

Бойцы понимали, что они защищают от помещиков и панов не только собственный дом и клочок земли, но всю советскую родину, сердце которой — Москва.

Прибыло пополнение. Его распределили по ротам между старыми бойцами.

Во всех частях бригады Котовский вводил усиленные учебные занятия и политические беседы. Заготавливались мишени для учебной стрельбы. Красноармейцы же только и говорили между собой, что скоро придет обмундирование, и бригада опять отправится на поля Украины.

Кавалеристы из дивизиона Нягу мечтали о том, как они снова поскачут к берегам Днестра, как доберутся вплавь до родного берега, до садов и виноградников, и с помощью бессарабских крестьян навсегда прогонят румынских бояр.

Старые бойцы-южане тяжело переносили наступление холодов. Ветры продували бараки. Печурки обогревали плохо. Под каждой шинелью спало по два-три красноармейца.

Было холодно и голодно; к тому же начался тиф. Скорее бы обратно на Украину, к боям, прикончить врага! 1 ноября, в 5 часов утра, комбрига вызвали к аппарату. — У аппарата Котовский.

— Принимайте приказ. В двадцать четыре часа погрузить в вагоны весь личный состав, лошадей, артиллерию и обоз. Готовьтесь к немедленному выступлению. Грузитесь на Петроградский фронт. Распоряжение о подаче вагонов дано. Аппарат замолчал.

Котовский видел перед собой голодных и раздетых бессарабцев, раввавшихся как можно скорее обратно на родину отобрать у румынских захватчиков родную землю. Он видел бойцов, тоскующих по этой земле, да и сам он вместе с ними рвался к Днестру. Сколько раз представлял он в

своих мечтах, как летит во главе кавалерии по дороге на Кишинев...

Но полученный приказ нужно выполнить во что бы то ни стало. Оправдать доверие и честь, оказанную бригаде, идти на защиту красного Питера.

Котовский собрал совещание командиров. Он призывал их повести за собой бойцов, объяснить им, какую опасность переживает Советская республика, и доказать необходимость идти к Балтийскому морю.

Бойцам давно опротивели бездействие и холод, но неожиданный приказ уйти еще дальше на север, за сотни верст от родных краев, вначале испугал их.

— А как же Бессарабия? — спрашивали бойцы друг друга. Через несколько часов в казармах читали приказ о том, что красный Петроград, маяк мировой пролетарской революции, в опасности, что петроградские рабочие, лучшие из лучших бойцов социалистической революции, храбро, как львы, защищают свой великий город и что надо поспешить им на помощь.

Командиры полков пришли в казарму. Один из плосковских партизан выступил с горячей речью — он звал украинцев и молдаван идти защищать красный Питер и завоеванную свободу!

От крика «ура» задрожали стекла. Бойцы кидали вверх шапки.

— На помощь красному Питеру!

— На Лугу, на Гачтину, на Гдов, на Ямбург!

— Смерть Юденичу!

— Смерть гадам!

Грозные возгласы раздавались один за другим. Теперь уже не остановить бойцов! Отдохнули достаточно. На север или юг — только вперед! К победе!

Всю ночь перед этим Котовский провел у прямого провода. Он вызывал Вязьму, говорил с дивизией, запрашивал начальников снабжения.

— Ночью нами получен срочный боевой приказ о немедленной отправке наших частей на фронт. Все красноармейцы голы и босы, большинство простужено. Необходимо тотчас же снабдить нас хотя бы обувью и шинелями. Нам приказано сегодня же в 14 часов грузиться. Если не будет предоставлена обувь — валенки, шинели и полушубки, мы не сумеем выполнить боевой приказ. Я отвечу жизнью за невыполнение приказа, и ваша совесть будет нечиста, — говорил Котовский губвоенкому.

— Выдать просимое не могу, — услышал он в ответ.

Утром он составил акт о том, что части его бригады не могут приступить к погрузке «ввиду отсутствия обмундирования у

красноармейцев, которые совершенно раздеты и босы». Одновременно писарю штаба он приказал вычислить, сколько пар сапог имеется в каждом полку.

Погрузка началась ровно в 14 часов. Котовский лично руководил отправкой бригады.

Обуви и шинелей хватило только на один батальон. Одели один батальон и отправили в заранее натопленные вагоны. Как только бойцы разместились, с них сняли сапоги и шинели, чтобы отправить на подводах обратно в бараки и одеть следующую партию. Это задерживало отправку эшелона. Бойцы, которых должны были отправить в последнюю очередь, так и не дождались сапог. Они шли по снегу босиком.

В эти дни коммунисты, тысячи рабочих и работниц защищали родной Петроград. Сотни красных курсантов гибли в схватках с полками Юденича. Вся страна Советов поднялась на защиту Петрограда.

Со станций Рославль и Вязьма тронулись эшелоны, наполненные раздетыми, разутыми бойцами, будущими отважными защитниками Питера.

На одной из станций во время стоянки красноармейцы втащили в вагоны огромные тюки. Это прибыло обмундирование: сапоги, портянки, белье, шинели, гимнастерки, ремни. Буквально за час бригада преобразилась. Под стук колес переодевались бойцы. Теперь им не страшен холод! В вагонах командиры и «бывалые» ребята рассказывали о Петрограде, о чудесном городе дворцов, фонтанов и мостов, которые по ночам раздвигаются, чтобы пропустить пароходы...

Ленин в письме «К рабочим и красноармейцам Петрограда» писал:

«Помощь Питеру близка, мы двинули ее. Мы гораздо сильнее врага. Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалека! Победа будет за нами!»^[21].

В Петроград котовцы прибыли, когда полчища Юденича уже были в основном разгромлены. Последние бои шли в районе Ямбурга.

Только кавалерийские эскадроны под командованием Михаила Нягу успели принять участие в ликвидации офицерских рот. Рано утром бойцы пересекли город; они шли по мостовой широкого проспекта. На каждом углу, у подъездов домов стояли рабочие, вооруженные винтовками.

Котовцы разместились в Детском селе, в казармах бывшей лейбгвардии.

В свободное время бойцы бродили по паркам и дворцам, рассматривали поместья, принадлежавшие царям и великим князьям. Они проходили по анфиладам парадных комнат, разглядывали бронзу и фарфор,

гладили стены, отделанные янтарем, садились в кресла, обитые дорогими тканями.

Питер, победивший Юденича, теперь боролся с голодом. Красноармейцы питались воблой. Их спасал только сахар, который они привезли с собой с Украины. Много курили — это помогало переносить холод и голод.

Только Котовского не пугали морозы. Он ездил в город, бывал на митингах, посещал военные школы, занимался вопросами снабжения; заботился о получении подсумков, котелков, масла для смазки, разыскивал в городе ветеринарного врача, в котором так нуждалась бригада.

Одетый не по погоде, в короткой черной куртке, Котовский вскоре простудился, но не обращал внимания на кашель и недомогание, надеясь перебороть болезнь. То и дело заглядывал он в конюшни, наведывался в штаб дивизии, вызывал к себе бойцов, отдавал распоряжения. Ежедневно Котовский просматривал десятки газет, подолгу простаивал у карты. Он провел на ней красным карандашом черту, которая начиналась у Одессы, проходила через Балту, Бирзулу, Попелюхи, Бершадь, Житомир, Киев, Рославль, Ямбург и Петроград.

Котовский не пожелал лечь в постель, когда у него обнаружилось крупозное воспаление легких.

Командование требовало от начальника штаба ежедневных сообщений о здоровье комбрига. Когда начштаба приходил к нему и спрашивал: «Как самочувствие?» — Котовский раздраженно отвечал:

— Опять о том же! Я Вам говорил, что сводки о себе давать не буду!

— У меня имеется прямое распоряжение начальства.

— Ну, тогда пишите, — и Котовский диктовал: «Встал утром, умылся, проделал гимнастику по системе Анохина, облился холодной водой, сделал обтирание, на завтрак съел две курицы. Чувствую себя хорошо, веду приемы по делам службы».

Он упорно не признавал себя больным, стремясь перенести болезнь на ногах. Но, спустя несколько дней, к вечеру он почувствовал себя очень плохо, температура поднялась, и он лег в постель. Через полчаса его почти без сознания увезли в больницу.

Котовский лежал в палате и бредил, а в это время его бойцы читали новый приказ — ехать обратно на Украину. Какая радость! Домой, на Украину! На Деникина!

25 ноября бойцы ввели истощенных коней по дощатым настилам в вагоны, на станции Гатчина. И когда раздался последний свисток, не было ни одного бойца, который не подумал бы, что здесь остается их любимый

командир, страдающий тяжелым недугом.

Перед отъездом бойцы написали Котовскому письмо с пожеланием скорейшего выздоровления.

Котовский напрягал все силы, чтобы выздороветь как можно скорее. В середине декабря он вышел из больницы. Через несколько дней, похудевший и осунувшийся, в серой шинели с бобровым воротником, которую подарили ему петроградские рабочие, отправился он в путь, на Украину, догонять своих боевых друзей, свою бригаду, свою дивизию.

Под Брянском Котовский встретился с группой врачей, направлявшихся на Южный фронт. Среди врачей было много таких, которые, только что сдав последние зачеты и получив диплом и буханку хлеба, ехали добровольцами в распоряжение штабов армии, в лазареты и перевязочные отряды. Котовский ехал вместе с ними.

Медленно двигался поезд... Врачи проводили время за разговорами, пели, шутили. Котовский рассказывал врачам о недавних боях, о пережитом. Его слушали с вниманием. Он был взволнован и от этого заикался чаще обычного.

Никто из врачей никогда не слышал о Котовском. Этот большой человек, вежливый и приветливый со всеми, быстро стал общим любимцем.

В вагоне, по дороге на Южный фронт, Котовский познакомился со своей будущей женой, другом и спутником в боевых походах — Ольгой Петровной Шакиной, молодым врачом. В день получения диплома она решила поехать добровольцем на фронт. О чем только ни говорили они под стук колес...

В Брянск прибыли поздно ночью. Предстояла пересадка. Вокзал был набит народом, и Котовскому с его спутниками пришлось дожидаться наступления утра на перроне.

Котовский, ослабевший после долгой болезни, через силу боролся со сном; слипались глаза, он чувствовал, что вот-вот заснет здесь же, на перроне, на морозе. Ольга Петровна знала, что ее спутник только что перенес крупозное воспаление легких. Она заставила его надеть теплую меховую куртку, усадила Котовского на корзину и закутала ему ноги одеялом. Он сразу же заснул.

Ольга Петровна бодрствовала. Она смотрела на приближавшиеся и исчезающие огни поездов. До нее доносились крики людей, осаждавших вагоны, сильные гудки и лязг буферов. Гремел и вздыхал в темноте маневрировавший паровоз. Она слушала, как рядом глубоко и ровно дышит прислонившийся к ее плечу человек — фронтовик.

Утром красноармейцы второй бригады и из других частей 45 дивизии узнали, что Котовский на вокзале. Они обступили любимого комбрига. Обрадованные встречей, они кричали: «Ура! Котовский!».

Комбриг знакомил красноармейцев со своими новыми друзьями.

— Теперь нам болеть не страшно, везем на фронт врачей.

Котовский узнал, что вот уже больше десяти дней, как красноармейцы застряли в Брянске — ждут отправки.

Встретившись с бойцами, он как-то сразу преобразился, словно силы вернулись к нему, словно только теперь наступило полное выздоровление. Фронт нуждался в каждом бойце, а здесь такая масса красноармейцев слоняется по вокзалу без дела. Их надо как можно скорей отправить.

Весь день Котовский провел на путях, организуя эшелон на Южный фронт. К вечеру эшелон был составлен, и бойцы, врачи и командир бригады продолжали свой путь по рельсам, уходившим на юг.

Приближался 1920 год...

Глава четвертая

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОДЕССЫ

Это было время, когда Красная Армия выполняла гениальный сталинский план разгрома Деникина. Под непосредственным руководством товарища Сталина, посланного Центральным Комитетом партии на Южный фронт, советские войска перешли в решительное наступление и одерживали одну победу за другой.

«Во второй половине октября 1919 года, после ожесточенного сопротивления, Деникин был разбит Красной Армией в решающих боях под Орлом и у Воронежа. Деникин начал быстро отступать, а затем покатился к югу, преследуемый нашими войсками»^[22].

Первая конная армия расколола вражескую армию на две части, одна из которых отходила на Кубань, другая — стремительно катилась к Черному морю.

На станции Глухов котовцы выгружались из вагонов. Деникинцы оставили здесь ужасный след своего пребывания — на телеграфных столбах качались тела повешенных глуховских рабочих. В душах бойцов горела ненависть, жажда поскорей уничтожить палачей революции.

28 декабря 1919 года Ленин в своем «Письме к рабочим и крестьянам Украины по поводу победы над Деникиным» писал:

«Красные войска взяли Киев, Полтаву, Харьков и победоносно двигаются на Ростов. В Украине кипит восстание против Деникина. Необходимо собрать все силы, чтобы разбить до конца деникинские войска, пытавшиеся восстановить власть помещиков и капиталистов. Необходимо уничтожить Деникина, чтобы обеспечить себя от малейшей возможности нового нашествия»^[23].

С Глухова начался путь котовцев по следам белых. Стрелковые части проходили десятки километров в день, с трудом поспевая за удиравшим противником, который оставлял после себя разрушенные станции и взорванные мосты.

Вторая стрелковая бригада вместе с другими частями 45 дивизии прошла путь от Глухова, через район Конотопа, через Сумы, Ахтырку. Под Полтавой котовцы столкнулись с золотопогонниками деникинского генерала Слащева. После освобождения Полтавы дивизия получила задание нанести удар врагу в Екатеринославском направлении. Белая армия

стремительно откатывалась к Днепру.

31 декабря 1919 года Котовский нагнал свои части в городе Ново-Московске. Командиры радостно обнимали комбрига. Котовский, слегка похудевший, крепко жал руки командирам, ординарцам, посыльным и телеграфистам; расспрашивал, где сейчас находится его старый друг Нягу.

Ольга Петровна стояла в стороне и смотрела, как горячо встречали Котовского его боевые друзья. Григорий Иванович представил товарищам молодого врача: — Я калечу, а она лечит.

В тот же день Котовский выехал в только что освобожденный Екатеринослав, где уже размещался штаб 45 дивизии.

Отступая, деникинцы взорвали мост через Днепр. По остаткам моста, где ползком, рискуя свалиться в воду, а где делая прыжки, красноармейцы пробирались в город. Рядом уже сооружался временный мост.

Казалось, что по Днепру началось половодье. От недавней артиллерийской стрельбы тронулся лед. Повсюду на реке зияли огромные проруби.

Котовский перебрался в город. День выдался погожий, теплый, залитый солнцем. Григорий Иванович долго ходил по улицам, разыскивая всевозможные отделы штаба. Всюду его радостно встречали, обступали, расспрашивали о Петрограде.

В Екатеринославе в этот день все кино и театры были открыты для красноармейцев. Вместе с Ольгой Петровной, которая также приехала в Екатеринослав за назначением, Котовский решил пойти в кино.

Они сидели в ложе бельэтажа. Котовский так увлекся фильмом, что даже привстал и облокотился на барьер. По ходу действия показывалось, как вешали осужденных. Когда сеанс окончился, Котовский был необычайно бледен.

— Не удивляйтесь, я сам был смертником, — объяснил он своей будущей жене. — Эта картина напомнила мне то, что я пережил, ожидая виселицы. Ведь каждый раз, когда раздавался лязг отодвигаемого засова, я думал, что это конец, что это за мной.

...1920 год Котовский встретил за оперативными картами. Новый год начался с нового боевого задания. Осуществляя гениальный замысел Сталина, республика создавала мощные кавалерийские соединения.

13 января товарищем И. В. Сталиным была подписана директива Реввоенсовета Юго-Западного фронта армиям фронта о преследовании деникинских армий, отходивших к портам Черного моря.

Котовскому было приказано сформировать кавалерийскую бригаду, которая должна нагнать и разбить деникинцев, удиравших к Одессе.

Котовский с жадностью взялся за выполнение нового задания. В те дни он имел в своем распоряжении только папку с приказами, донесениями и картами. Части, из которых он должен был сколотить бригаду, были расплынены от Кичкаса до Екатеринослава, они преследовали у Днестра махновцев. Но Котовский мысленно уже назначал командиров, видел перед собой боевые эскадроны, оценивал обстановку и вел свою кавбригаду в атаки. Кавалерия давно привлекала Котовского. Когда он командовал стрелковой пехотной бригадой, он много внимания уделял своему кавалерийскому дивизиону, чувствуя себя подлинным кавалерийским начальником. Дерзость и отвагу Котовский умел соединять со строгой и тщательной продуманностью своих планов, Этот бесстрашный боец был одновременно умным и расчетливым хозяином. Он заботился об обмундировании, о седлах, о стременах; в свободные минуты читал о том, как содержать кавалерийскую лошадь.

Котовский не переставал думать о женщине, которая всегда так внимательно слушала и таким спокойным, понимающим взглядом одобряла его пламенные речи. С первой же встречи почувствовал он к ней какую-то особую, незнакомую ему до сих пор нежность и теплоту.

Рядом с ним оказался человек, который стал неожиданно близок и дорог ему. Теперь, когда он будет в бою, о нем будет думать женщина, близкий друг. И она так же, как и он, готова отдать свою жизнь революции.

«Милая Леля! Мне приказано сейчас же начать сводку всех кавалерийских частей нашей дивизии в кавалерийскую бригаду. Ты будешь самое короткое время во 2 бригаде, после чего будешь переведена в мою кавалерийскую, где, конечно, займешь свое место в перевязочном отряде бригады»^[24], — так писал Котовский Ольге Петровне перед тем, как отправиться навстречу кавалерийским частям дивизии.

12 января 1920 года был подписан приказ о формировании кавалерийской бригады Котовского. Штаб бригады состоял из командира, ординарца и начальника штаба.

Котовский и ординарец двинулись в путь на верховых лошадях; за ними, по шоссе, в пароконном фургоне, отправился и начальник штаба. Но вот кончилось шоссе. Кони, запряженные в фургон, завязли в болоте. Комбриг, ординарец и начальник штаба вытащили фургон. Начальник штаба пересел на лошадь ординарца, которому было приказано доставить фургон обратно в Екатеринослав.

Котовский и начштаба продолжали путь. По дороге им встречались махновские отряды.

Долго плутали два всадника по грязным дорогам. Всю ночь ехали они

по незнакомой местности, наконец натолкнулись на штаб советской части. Как обрадовались здесь «заблудившемуся» Котовскому!

Утром Котовский продолжал свой путь. В местечке Лозоватка он встретился с кавдивизионом Нягу.

Котовский подсчитывал прибывающие силы, знакомился с новыми командирами и бойцами, спорил с интендантами и сам ходил по военным складам, перебирая ворохи трофейного имущества. Он радовался каждой лишней уздечке. По вечерам штаб новой бригады превращался в мастерскую. Комбриг сам кроил кожу, мастерил седла, привлекая к этой работе красноармейцев и местных шорников.

Первый кавполк, командиром которого был назначен Михаил Нягу, объединил молдаван.

Командиром второго кавполка был назначен Макаренко — человек исполинского роста. Этот кавполк в большинстве своем состоял из украинцев.

В кавалерийскую бригаду передавались также все кавалерийские эскадроны стрелковых бригад 45 дивизии.

Бригада формировалась на ходу, в боевой обстановке. Все части 45 дивизии в те дни были заняты разоружением махновских банд. Махно отказался выполнять приказы советского командования, он не хотел оставлять Украину и выступил против советской армии. Многие же махновцы отказывались подчиняться своему атаману. Они сдавались и переходили на сторону Красной Армии.

В бригаду вступали повстанческие отряды, действовавшие в тылу у деникинских войск. Большинство бойцов в этих отрядах составляли потомственные шахтеры Криворожья, забойщики и рудокопы. Приходили к Котовскому и опытные подпольщики.

Обязанности комиссара бригады выполнял комиссар 2 полка Христофоров.

Христофоров еще до встречи с Котовским знал о нем. Он слышал о Котовском еще тогда, когда работал в одесском подполье и по заданию Одесского областного комитета партии собирал разрозненные партизанские отряды в сводный полк Красной Армии.

Прошло два года, и теперь они встретились для того, чтобы вместе в несколько дней сколотить кавалерийскую бригаду и повести ее в бой.

Когда Котовский в 1914 году сжигал имения бессарабских помещиков, Христофоров, народный учитель, уже был большевиком.

Котовский открыто восхищался своим новым комиссаром. — Если бы с таким человеком я встретился раньше! — говорил он о Христофорове.

Он любил Христофорова за его открытый, смелый взгляд, за его убедительные речи, произносимые спокойным, слегка певучим голосом. Этот приветливый человек был требователен, точен и непоколебим в своих решениях. Спокойствие комиссара особенно нравилось Котовскому. Христофорова же не смущала горячность комбрига.

...24 января в Лозоватке состоялся первый смотр кавалерийских полков бригады. Полки выстроились на площади.

Казалось, что здесь были собраны лошади со всего света — рыжие, пегие, серые и гнедые, но зато все они были отлично вычищены, с подрезанными хвостами, в новых уздечках. Бойцы были одеты кто как — в тулупы, кожаные куртки, шинели, фуфайки.

Стоял ясный, морозный день. Солнце играло на клинках.

Снег скрипел под копытами.

Котовский подъехал к Ольге Петровне. Она стояла в стороне и смотрела на кавалеристов, вооруженных пиками.

— Это отважные бойцы; вон тот маленький, черный — наш разведчик; видишь, какой маленький, а в бою богатырь, — весело говорил ей Котовский.

Командир бригады поднял руку, приветствуя полки, вытянувшиеся в колонну.

Загрохотали пулеметные тачанки. Закачались пики.

С особой гордостью смотрел Котовский на пулеметные тачанки, которыми командовал бессарабец, участник хотинского восстания, пулеметчик Слива. За пулеметными тачанками прогромыхали два орудия, проехало несколько походных кухонь и повозка, на которой восседал красноармеец с санитарной сумкой через плечо.

Осуществилась мечта Котовского — партия поставила его во главе кавбригады. Никогда еще под его командованием не было так много конников — пятьсот сабель!

Сразу после смотра полки пошли в поход. По пути в бригаду вступали новые бойцы-добровольцы. Под Бобринцем котовцев догнали несколько всадников. Это были комсомольцы, у которых уже был опыт боев с Петлюрой. Они не знали кавалерийских команд, но уверенно держались в седле. Среди них был комсомолец Николай Островский, будущий писатель, автор героического романа «Как закалялась сталь».

Кавбригада получила приказ разбить белых, укрепившихся в Вознесенске. Деникинское командование сосредоточило здесь большие силы. Это был важнейший стратегический пункт на подступах к Одессе.

Город охраняли части 2 деникинского пехотного корпуса.

В одной из деревень, по дороге к Вознесенску, котовцы встретились с деникинскими частями. На широких улицах деревни котовцы в несколько минут уничтожили перепуганного противника.

Комбриг был доволен исходом первого боя и особенно тем, как дрались молодые бойцы.

После боя он собрал командиров:

— Бойцы полков шли на врага, они не боялись встречи со смертью, — говорил Котовский. — Один полк опережал другой. Боец стремился сразиться с врагом раньше своего соседа. Цените и берегите жизнь каждого бойца. Он — наша сила, он — наша опора; с ними — мы командиры, без них — мы ничто.

Кавалерийская бригада стремительно шла вперед, в свой первый рейд, в тыл к белым.

29 января 1920 года ударил мороз и началась снежная буря. Снег слепил глаза бойцам и коням. В буран пробирались котовцы по сугробам. Морозные иглы кололи лица бойцов, ветер забирался под воротники, трепал гривы лошадей.

Ночь застала кавбригаду в степи. Вьюга не унималась. Противник перешел в наступление. Котовцы дрались с ожесточением.

Завывал ветер... Замки орудий застывали. Вода в кожухах пулеметов при малейшей задержке превращалась в лед. Пулеметчики отыскивали холмы; под их прикрытием разводили костры и отогревали воду.

Несколько раз противник принимался яростно наступать, но каждый раз, не выдержав отпора, откатывался назад.

Под ураганным ружейным и пулеметным огнем котовцы продвигались к Вознесенску. То спешиваясь, дрались они в цепи, то снова на конях неслись вперед, обгоняя ветер.

Вот уже Буг. Бойцы 2 полка спешили и залегли у берега, замаскировавшись снегом. Они подпустили белогвардейцев под пулеметный и ружейный огонь.

— Пусть погреются, — говорил Котовский. Раздался условный выстрел маузера. Бойцы 2 полка бросились в атаку... Буран не прекращался, бой ни на минуту не затихал.

402 стрелковый полк вел наступление рядом с котовцами. Пехотинцы двигались по степи. Ни буран, ни жгучий мороз — ничто не могло их остановить. Они упорно приближались к Вознесенску. Котовцы расчищали им подступы к городу.

...Темнота и снег надежной завесой прикрыли приближение красной конницы и пехоты.

Деникинцы оградили город сплошным артиллерийским огнем. Станцию Вознесенск охраняли бронепоезда. Рев орудий сотрясал воздух. Но бойцы неуклонно шли вперед. Ветер разносил во все стороны громкое красноармейское «ура!».

30 января в одиннадцать с половиной часов ночи котовцы вошли в Вознесенск.

Белогвардейцы отступили за Буг.

На станции Вознесенск был захвачен оркестр белогвардейского Севастопольского полка. Пленным музыкантам было приказано немедленно разучить похоронный марш и «Интернационал».

В боях под Вознесенском погибло много красноармейцев. Товарищи подбирали их трупы в степи и везли за собой на тачанках, чтобы после боя похоронить с воинскими почестями.

К утру, когда буран стих, красноармейцы взорвали замерзшую землю, вырыли могилу и под звуки похоронного марша опустили в нее погибших в бою.

У открытой братской могилы собрались товарищи погибших. Комиссар кавбригады Христофоров снял фуражку; ветер развевал его заиндевевшие волосы. Комиссар говорил о том, как путем ожесточенной борьбы и великих жертв идет трудящееся человечество к освобождению от власти эксплуататоров.

В этот же день на главной площади Вознесенска был устроен митинг, на котором перед жителями города выступил Котовский. Его жадно слушали. Но вдруг, во время своей речи, он услышал выстрелы со стороны реки. Комбриг вскочил на коня. Толпа расступилась. Котовский карьером помчался туда, откуда раздавались выстрелы. Христофоров и ординарцы едва поспевали за ним.

Отступивший противник за ночь собрал остатки своих сил и снова бросился на котовцев, пытаясь во что бы то ни стало выбить их из Вознесенска. На льду Буга разгорелась жестокая схватка. В разгаре боя на льду появился Котовский. Как вихрь прилетел он сюда, гневно сжимая в руках карабин.

Пулеметный эскадрон не прекращал стрельбы по белогвардейским цепям. Оказавшись под перекрестным огнем, белогвардейцы пытались отступить, но огонь настигал их всюду.

Тогда они залегли в снег и, замерзая, долго лежали, обстреливаемые со всех сторон.

У скованного льдом Буга почти целиком погиб деникинский полк, состоявший из офицеров... Все они были пьяны; у замерзших, убитых и

раненых в вещевых мешках находили по несколько бутылок водки со старой николаевской этикеткой.

...В боях под Вознесенском мчался вперед на заиндевевшем коне и Николай Островский. Это было первым боевым крещением кавалериста Островского. Под Вознесенском он был ранен. В избушке, на окраине города, был развернут приемный пункт, куда свозили раненых и метавшихся в тифу. И, может быть, оттуда, лежа на соломе, Николай Островский, как и герой его романа Павел Корчагин, писал своим близким:

«Дорогой браток... Стрельнуло меня пулей в бедро, но я поправляюсь... К матери я не попал, а получилось так, что теперь я есть красноармеец кавалерийской бригады имени товарища Котовского, известного вам, наверное, за свое геройство...».

Вознесенск в руках красных! Кавбригада получает новый приказ — преследовать противника дальше, овладеть станцией Березовка, разгромить последние силы «добровольческой армии», отрезать ей путь отступления через Днестр.

Скоро увидят бессарабцы свой родной берег! С каким воодушевлением двинулись полки! На многих бойцах были новые шинели — военные трофеи, захваченные в бою.

...Кавбригада вступила на широкий тракт немецкой колонии Воромс. Бойцы шли настороженно. Еще недавно кулаки немецких колоний поднимали мятежи и из окон больших опрятных домов не раз обстреливали красноармейские части.

На одной из улиц котовцы столкнулись с пехотой противника. Солдаты бросили оружие и подняли руки вверх. Их командиры удрали вперед на подводах. Котовский приказал отпустить пленных. К нему подбежали два солдата, одетые в английские шинели. Комбриг остановил коня. Солдаты передали ему письмо, в котором представители одного из белогвардейских полков писали красному командиру, «наступающему на Березовку», что он может смело продолжать свое наступление, так как солдаты их полка будут стрелять вверх. Сдавшиеся в плен солдаты рассказали Котовскому, как укреплена Березовка.

Березовка была тем рубежом, где деникинцы намеревались оказать серьезное сопротивление частям Красной Армии.

Здесь было сосредоточено несколько тысяч хорошо вооруженных белогвардейцев.

Трудны подступы к Березовке. С горы противнику легко заметить приближение крайних частей. Котовский выслал вперед разведку. Нужно было двигаться особенно осторожно. Планы врага следовало расстроить

неожиданным появлением.

Кавбригада приблизилась к Березовке.

Из десятков орудий, из бронепоездов белогвардейцы открыли ураганный огонь. Котовцы рассыпались по всей степи и, не обращая внимания на канонаду, в рассыпном строю наступали на Березовку.

Белогвардейцам казалось, что на них наступает целая армия. Никто из белых офицеров не мог понять, как это красные командиры двинули своих бойцов прямо навстречу огню.

Деникинские пехотинцы отказались выполнить приказ своего командования об отступлении. Они предпочли сдаться в плен красным, но кавалеристы-деникинцы, чтобы не допустить этого, начали рубить и расстреливать своих же.

В бою под Березовкой 3 февраля 1920 года котовцы навели ужас, панику и смятение на тысячные белогвардейские полки.

Белые удирали от котовцев на поездах и тачанках. Солдаты сотнями сдавались в плен. В Березовке были захвачены санпоезд, эшелоны с продовольствием и два вагона, до отказа набитые персидскими коврами.

Христофоров организовал в Березовке ревком, для работы в котором надо было выделить надежнейших бойцов в помощь местным работникам из беднейшего населения. Котовский дорожил каждым бойцом своей бригады, но для нового ревкома сам отобрал лучших людей.

Утром Котовский со станции Березовка связался по прямому проводу со штабом. Кавбригада ушла далеко от пехотных частей. Котовский просил немедленно перебросить к Березовке пехотные части, чтобы закрепить победу.

В то время, как кавалерийская бригада Котовского стремилась к Одессе, деникинские генералы успокаивали состоятельных одесситов, заверяя, что они удержат этот город — последний оплот Новороссии. Начальник укрепленного Одесского района генерал Стекхель и начальник гарнизона генерал Мамонтов в своих интервью утверждали, что красные встретят под Одессой серьезное сопротивление. На внешнем рейде Одесского порта стоял английский дредноут и другие военные корабли. Охрана порта находилась в руках английской военной миссии. Белое командование возлагало большие надежды на то, что англичане помогут им огнем.

25 января 1920 года «Одесские новости» торжественно сообщили о том, что «вчера, около шести часов вечера, один из союзных миноносцев дал три орудийных выстрела в Николаевскую сторону».

Но, несмотря на это, в городе уже шла негласная эвакуация. К

причалам порта устремлялись экипажи, брички, тачки, груженные чемоданами, саквояжами и тюками. Белогвардейский сброд и оторопелые буржуа предчувствовали, что генеральская контрреволюция доживает на юге России свои последние бесславные дни.

В городе ни на минуту не прекращала свою работу одесская организация большевиков. Военно-революционный повстанческий штаб готовился протянуть руку наступающей Красной Армии. По улицам еще несли свою службу английские патрули, а подпольные райкомы уже распределяли на боевые посты коммунистов и рабочих, чтобы с тыла ударить по белогвардейцам.

Во время деникинщины одесские большевики прошли вторую, школу подполья; дружинники и боевики не давали возможности контрреволюционерам чувствовать себя хозяевами в городе. На всех заводах в городе существовали подпольные коммунистические ячейки. Рабочий класс оказывал сопротивление белогвардейскому террору. Многие вспоминали тогда в Одессе, как во время французской оккупации Котовский не давал покоя интервентам.

А Григорий Котовский во главе своих всадников спешил к городу, который он так любил и где его все знали, от мала до велика.

Красная конница мчалась вперед, стремясь нагнать противника, увозившего с собой награбленное добро. Деникинское командование решило в случае падения Одессы спасти остатки своей армии, отступив за Днестр, в Румынию.

На Одессу наступала 41 дивизия. Временно в эту дивизию была передана и кавбригада Котовского.

Котовский тщательно изучал обстановку, сложившуюся под Одессой. Он лично допрашивал пленных офицеров, определял численность и настроения в «добровольческой армии».

Кавбригада приближалась к главной железнодорожной магистрали. Котовский мечтал первым, во главе своей кавалерийской бригады, въехать на знакомые ему одесские улицы.

Начдив 41 всячески сдерживал порыв Котовского. Он преувеличивал силы противника и недооценивал боеспособность кавбригады, предупреждая ее командира, что, по его сведениям, под Одессой сосредоточилось до пятидесяти тысяч белогвардейцев.

Но Котовского не страшила численность врага. Он доказывал, что преступно терять даже один день, один час. Иначе будет нелегко взять Одессу, так как враг успеет передохнуть, опомниться, собраться с силами.

Котовский спорил с начдивом:

— Если бы их было даже вдвое больше, все равно это уже не армия. Они уже не могут оказать сопротивления. Я помчусь вперед со своей бригадой, пролечу через Одессу, вызову панику, не дам гадам очнуться и развернусь за городом. Рабочие Одессы нас ждут, они нам помогут.

Котовский спешил к Одессе...

В сорока верстах от Одессы, в местечке Потоцкое, бригада расположилась на кратковременный отдых.

Котовский пошел на телеграф и потребовал телеграфную ленту за сутки. Вдруг раздался стук ключа. Комбриг приказал принять вызов.

Это станция Раздельная вызывала Одессу. Котовский приказал выключить Одессу, а на вызов ответить: «Я — Одесса». И вот Котовский стал принимать сводку начальнику гарнизона Одессы.

«Принимайте точную оперативную сводку. Красная 41 дивизия южнее Березовки, 45 дивизия севернее Березовки и конная армия Котовского в самой Березовке. Прошу выставить сильную охрану со стороны станции Сортировочная, а также организовать оборону Пересыпи. Все, Генерал Шевченко. Кто принял сводку?».

Котовский приказал ответить:

«Сводку принял Котовский».

Тогда опять застучал телеграф:

«Что за безобразие в такое время заниматься шутками!».

Котовский улыбнулся и снова передал генералу Шевченко:

«Сводку принял Котовский».

Когда в Раздельной окончательно удостоверились, что сводка попала в руки противника, генерал Шевченко обратился к Котовскому:

«Союз спасения родины предлагает Вам опомниться и повести свою конницу против большевиков».

Котовский смял телеграфную ленту. Сжимая кулаки, он продиктовал телеграфисту ответ:

«С малых лет я веду борьбу с эксплуататорами рабочих и крестьян и буду вести до тех пор, пока вы окончательно не будете уничтожены. Часа через три ждите меня в Одессе».

На этом кончился разговор Котовского с генералом Шевченко.

Штаб-трубач заиграл наступление. Котовский в меховой куртке, в фуражке, низко надвинутой на бритую голову, вскочил на коня. Переменным аллюром бригада двинулась за командиром.

— На Одессу!

С пиками наперевес, навстречу наступающему утру, бодрые и радостные, мчались котовцы. Вот перед ними открылась панорама

города...

Перед самой Одессой Котовский приказал свернуть боевые знамена, снять красноармейские звездочки с фуражек и красные ленточки.

Услышав конский топот, из сторожевой будки у заставы выскочил заспанный поручик. Увидя приближающегося Котовского, он вытянулся, приняв его за белого генерала.

Котовский знал пароль. Отстранив поручика, он приказал ему лучше нести службу и не спать на посту.

Вот конники уже за заставой.

Котовский первым влетел в Одессу со стороны Пересыпи. Котовцы миновали Пересыпский мост и понеслись по Московской улице, по Нарышкинскому спуску, Преображенской и Тираспольской...

Из подъездов домов на улицы выскакивали офицеры. Они бросались к стремительно мчавшимся кавалеристам.

— Что за конница?

— Мы — мамонтовцы, — отвечали котовцы.

Офицеры, придерживая сабли, доверчиво присоединялись к котовцам, вскакивая на их повозки. Походным маршем проходили котовцы по улицам Одессы.

Котовский смотрел на мелькавшие дома, на вывески магазинов. Он приветствовал город, который так любил за его морские дали, за шумный порт, за прямые улицы и кварталы, за белые акации и развесистые чинары.

Белогвардейцы продолжали вскакивать на тачанки и подводы; они взваливали на них мешки и походные сумки.

Котовцы спешили к полотну железной дороги, чтобы загородить путь белогвардейским эшелонам на станцию Застава. Котовский приказал снять орудия с передков, поставить их на позицию и открыть огонь по первому эшелону, как только он появится.

Белогвардейцы слезли с повозок. Они хотели предупредить «ошибку».

— Да ведь это же наши эшелоны! В кого вы хотите стрелять?!

— Эшелоны-то ваши, да мы не ваши; мы — котовцы, а вы — деникинцы.

Только сейчас деникинцы поняли, на чьи повозки и лафеты забрались они, спасая свою жизнь.

На полотне железной дороги показался эшелон, направлявшийся к Аккерману.

— Огонь!

Эшелон дал задний ход. Но путь назад ему был отрезан так же, как и путь вперед. Не удалось белогвардейцам удрать через Бессарабию в

европейские столицы!

...Белогвардейское командование поняло, что настал критический момент. Военные суда англичан и белогвардейцев, оставлявшие Одессу, дали залп по городу. Котовцы открыли ответный огонь по уходившим кораблям и из пулеметов обстреляли гавань. Потом кавалеристы бросились догонять бригаду.

На улицы уже выбегали вооруженные рабочие. — Идем вместе с вами в бой за Советскую власть! — кричали они красным конникам.

Вслед за котовцами в Одессу вступили первые пехотинцы 41 дивизии.

Начался бой, длившийся несколько часов. Красноармейцы и вооруженные рабочие очищали город от офицерских банд. Обезумевшие денкинецы, застигнутые врасплох, выкатывали орудия и в упор стреляли по красным частям, вступавшим в город. Некоторые офицеры засели в офицерском собрании, откуда их пришлось выбивать из каждой комнаты.

7 февраля 1920 года Одесса снова стала советской. Взятие Одессы Красной Армией было сильным ударом для Антанты. Советская республика получила еще один выход к морю, отрезав империалистам путь, по которому они снабжали белогвардейцев. 7 и 8 февраля штаб кавалерийской бригады размещался в одном из домов под самой Одессой. Эскадроны уже действовали впереди, а комбриг сидел у телефона и телеграфа, устанавливая связь со стрелковыми частями, вступавшими в город.

Котовскому хотелось преследовать противника дальше, но он не мог оторваться от Одессы, так как не был убежден, что победа окончательно закреплена. Еще из Заставы 1 он требовал от командиров стрелковых дивизий, чтобы на смену кавалеристам его бригады, охранявшим Заставу 1, как можно скорее прибыли другие части. Котовский изо всех сил торопил пехотных начальников.

Одно из своих донесений начдиву 41 дивизии он начинал словами: «У вас, товарищ начдив, полнейший кавардак. Прошло пять часов с момента, когда вы обещали прислать смену на станцию Застава 1, а ее нет», и далее: «...Связь поставлена до невозможности плохо, даже на вокзале главным ни до кого не дозвонишься. С городом никакой телефонной связи, т. е. с штабдивом». «Прижмите вашего начальника связи, чтобы он установил связь с вокзалами и заставами, не забудьте, что Застава первая есть рубеж». «Оставляю взвод еще до девятнадцати часов. Если ему не прибудет смена, он уйдет на Маяки»^[25].

Вот как оперативная сводка штаба 45 дивизии 7 февраля 1920 года сообщала о действиях кавалерийской бригады Котовского:

«Кавчасти 7 февраля на рассвете выступили из села Кубанка и пошли к городу Одесса со стороны Пересыпи. Неприятель, засевший в центре, упорно сопротивлялся. Кавбригада, окружив город со стороны заставы, первой выбила оттуда противника, парализовала бронепоезда и тем самым способствовала занятию города. Продвигаясь дальше во исполнение приказа по 41 дивизии, 8 февраля в 20 часов настигла в Дальнике противника, разбив его наголову»^[26].

В приднестровских степях и плавнях бригада Котовского преследовала остатки разгромленной под Одессой белой армии.

Молодой бригаде пришлось иметь дело почти со всеми частями, недавно составлявшими одесский гарнизон белогвардейцев. Деникинские генералы все еще надеялись переправить свою армию через Днестр и там снова собрать свои силы. Котовский понимал, что от действий его конницы зависит успех всей операции по ликвидации остатков белогвардейщины. С того момента, как бригада выступила на Вознесенск, конники не знали передышки. Это были дни непрерывных боев. Конница ежедневно проходила десятки верст. У самого комбрига глаза были воспалены от усталости, но он не давал покоя ни себе, ни людям. Когда же напряжение достигало предела, один из полков отдыхал, другой же продолжал с боями продвигаться вперед.

Лучше всего об этих днях говорят донесения самого Котовского, которые он по нескольку раз в день посылал в штаб дивизии.

«8-го февраля, 12 часов 20 минут. Доношу, что доблестная, вверенная мне кавбригада и батарея, исполняя данную ей задачу, в своем направлении на Маяки настигла неприятеля в селении Николаевское, оно же Фронталь. Противник состоял из следующих частей: Уланский полк, 75-й Севастопольский, 42-й Навагинский, запасный батальон, инженерные части и четырехорудийная батарея. Кавбригада повела наступление и после часового боя и отчаянного сопротивления противника разбила его наголову. Остатки неприятеля в панике бежали в направлении Маяки — Овидиополь. Захвачены четыре орудия, восемь пулеметов, громадный обоз и более двухсот пленных. Офицерство частью перебито в бою, частью застрелилось само. По последним сведениям, полученным от крестьян, противник в большом количестве движется по берегу Днестра от Тирасполя к Маяки, где он решил во что бы то ни стало удержать переправы».

«11-го февраля, 17 часов. Вчера, 10-го, выступив с кавбригадой в Маяки, в течение целого дня выбивал и обезоруживал противника, засевшего в плавнях, так как румыны их в этом районе не пропускают.

Ночевал в Греденице. Сегодня утром выступил из Греденицы через колонии Кандель и Зельц, где встретил конную разведку противника. Противник оказался более 1500 сабель и 500–600 — пехоты, при двух батареях и пяти бронепоездах на станции Кучурганы. Стремительной кавалерийской атакой противник был выбит из колоний Баден и Страсбург, из которых в полнейшей панике бежал в направлении Ново-Савицкая — Тирасполь, бросив орудия, пулеметы и много обоза.

Бронепоезда противника все время обстреливали нас ураганным огнем из всех орудий. Завтра двигаюсь на Тирасполь». 12 февраля кавалерийская бригада освободила Тирасполь. В лица котовцам дул ветер с замерзшего Днестра. За рекой начиналась их земля — неотъемлемая часть Советской страны.

Командование поручило конникам охранять берег Днестра. Жители города узнали Котовского. Здесь формировал он свой первый кавалерийский отряд, отсюда угрожал румынским боярам. Теперь же он вернулся в Приднестровье во главе кавалерийских полков. Котовцы захватили на железнодорожных путях двенадцать бронепоездов, двести пятьдесят два орудия, эшелоны. Перед отступлением деникинцы подожгли свои эшелоны, но красноармейцы подоспели вовремя и потушили огонь. Из центра была вызвана (специальная комиссия для приемки трофеев).

В Тирасполе Котовский и Христофоров проехали верхом вдоль Днестра. Котовский смотрел в бинокль на тот берег. Он показывал комиссару свою родную Бессарабию.

— Вот там Кицканский монастырь, а там, за деревьями, дорога на Бендеры...

Христофоров как бы угадал мысль Котовского:

— Ну, как, Григорий Иванович, если бы сейчас дать команду, — и на тот берег, и вместе с Нягу — на Кишинев?! Ничего, Григорий Иванович, не грусти, придет время — погостим и у тебя в Ганчештах.

Котовский молча смотрел на тот берег, на голые верхушки деревьев, на дымок над далекими хатками... Он не ответил Христофорову. Он видел зимнее серое небо над своей родиной, но в этот февральский день ему казалось, что вот-вот выглянут из-за тяжелых туч солнечные лучи, и чернеющие сады покроются зеленой, пышной листвой...

Приближение Красной Армии к Днестру вызвало тревогу у румынских захватчиков. Они усилили охрану границ, стянули войска к берегу реки.

Котовский знал, что стоило ему дать команду, и его кавалеристы, как вихрь, бросились бы через Днестр сметать заставы румынских бояр. Но командование приказало преследовать противника только до Днестра, и

Котовский требовал от бойцов, чтобы в сторону Румынии не было дано ни одного выстрела; это могло тогда осложнить международную обстановку.

Румынские оккупанты следили за каждым шагом Котовского. Агенты сигуранцы доносили в Бухарест о Котовском, когда он еще был на подступах к Вознесенску.

С того же момента, как Тирасполь был освобожден от белогвардейцев, румынские бояре потеряли покой. Всевозможные агенты, шпионы и осведомители то и дело доносили о том, что Котовский уж переправился через Днестр.

Оккупанты чувствовали себя так непрочно на украденной земле, что стоило только взводу красных бойцов появиться на левом берегу Днестра, как в Кишиневе этот взвод принимали уже за полк, а в Бухаресте — за армию...

Несколько дней в районе Тирасполя кавбригада гонялась за мчавшимися отрядами белых, которыми командовали генералы Стесеель, Мамонтов и Бредов. С ожесточением пробивались белогвардейцы к Кучурганскому лиману. Они хотели уйти за границу, чтобы там снова собрать силы для борьбы с Советской страной.

Приднестровские плавни были переполнены белыми. Деникинцы скрывались в камышах. Они метались в плавнях вместе с огромным обозом; при многих находились семьи, но, несмотря на безнадежность положения, они не хотели сдаваться добровольно. Особенно тяжелые бои развернулись между 14 и 19 февраля, когда белогвардейцы пытались прорваться на север и выйти на соединение с бандами Петлюры.

Эскадроны Котовского пошли наперерез противнику. Белые собирались осуществить прорыв силою шести тысяч штыков и 300 сабель при четырех орудиях с броневым автомобилем.

Только с 14 на 15 февраля котовцы в конном строю ходили в атаку девять раз.

Котовский поставил перед бойцами задачу — не дать ни одному белогвардейцу переправиться через Днестр. На дорогах и в плавнях были выставлены заставы.

Ночью на одной из застав бойцы преградили путь автомобилю, из которого раздался сердитый голос:

— Что вы безобразничаете? Это я, начальник боевого участка.

Полковник-белогвардеец никак не мог предположить, что перед ним были котовцы. И только после того, как на него направили дула винтовок, он понял, с кем встретился.

Белогвардейцы, среди которых были и генералы, сдались.

Поздно ночью бойцы доставили пленников в штаб бригады.

Котовский пригласил деникинцев к столу.

Он выставил генералам свои требования — сдаться всем без исключения солдатам, офицерам и генералам, которые еще скрываются в плавнях.

Белогвардейцы, еще так недавно надеявшиеся уйти от погони, написали письмо в штаб белой группы с предложением сдаться. Это письмо на рассвете доставили в штаб белых бойцы-котовцы. Путь им указывал белогвардейский генерал.

Несколько часов размышляли штабисты над письмом своих пленных начальников. Многие из них еще ждали помощи от румын. Но более трезвые из белогвардейцев решили, что им нет другого выхода, как сдаться Котовскому.

Полковник Самсонов вышел вперед. Он снял с себя оружие и передал свой револьвер и бинокль красноармейцу.

— Предлагаю последовать моему примеру, не дожидаясь ответа от румын; сдаться без боя и условий коннице Котовского. Некоторые из офицеров отошли в сторону, приставили дула револьверов к вискам, и спустили курки...

За несколько дней котовцам сдались три генерала, 200 офицеров и около четырех тысяч солдат.

Трофеи были огромны. Специальная комиссия больше двух недель учитывала все то, что забрали котовцы у противника.

Белые оставили под Тирасполем больше ста исправных орудий разных калибров, шестнадцать бронепоездов, сто сорок тысяч трехдюймовых снарядов, миллионы русских патронов.

На протяжении нескольких верст на железнодорожных путях стояли эшелоны, груженные патронами, снарядами, сахаром.

...Во время разоружения белогвардейских отрядов один из пленных упал перед Котовским на колени. Он схватил его за сапоги и молил о пощаде. Котовский никак не мог понять, почему так дрожит и плачет этот уже пожилой мужчина.

— Теперь я в ваших руках!..

Котовский не сразу узнал человека, который лежал у его ног. Он велел ему встать. Это был Хаджи-Коли, который некогда преследовал его по пятам во главе стаи полицейских сыщиков.

Хаджи-Коли, живший последние годы в Одессе, пытался вместе с белогвардейцами пробраться в Румынию. А теперь он, жалкий, дрожащий, стоял перед Котовским.

— Вы служили царскому правительству и выполняли его волю. Мы боремся за власть Советов, за диктатуру пролетариата, за счастливое будущее, и в этой великой борьбе нет места для личной мести. Со всеми пленными вы направитесь в тыл, и, если вас помилуют, вы будете жить, — ответил перепуганному охраннику Котовский.

С белыми было покончено. Приднестровье было очищено от белобандитов. Повсюду восстанавливалась Советская власть.

Котовский, жизнь которого так неразрывно была связана с Одессой, вошел в историю гражданской войны, как освободитель этого города.

За освобождение Одессы Котовский получил орден Красного Знамени — свою первую боевую награду.

15 февраля в бою у селения Кандель, погиб комиссар Христофоров.

Вместе с Котовским, в метель и стужу, мчался он по заметенным дорогам к Вознесенску. В боях его видели всегда рядом с Котовским; а во время привалов и переходов он находился обычно среди бойцов, горячо любивших его.

Христофоров был убит пулей, попавшей прямо в сердце. Когда кончился бой, Котовский подошел к неподвижному телу Христофорова и закрыл глаза комиссару. Долго смотрел он на пожелтевшее лицо друга, на его лоб, на плотно сжатый рот, обрамленный черными, растрепавшимися усами. А потом медленными шагами побрел по дороге к Тирасполю.

Ординарец повернул коней и пошел вслед за комбригом. Он вел и лошадь комиссара, с которой еще не сняли окровавленного седла...

...Снег скрипел под копытами лошадей, сверкал и искрился. Стоял солнечный день. Уходили вдаль днестровские берега, и по обе стороны реки простирался белый сияющий простор.

Могилу, вырытую в центре Тирасполя, в скверике над Днестром, окружили кавалеристы. Сюда же пришли местные жители, ребятишки...

Котовский подъехал к открытой могиле, приподнялся на стремянах и, сильно волнуясь, начал говорить о Христофорове:

— Тогда мы уходили от Днестра, тогда мы отступали, а вот теперь мы вернулись и, жертвуя жизнями своих героев, утверждаем свободу...

Котовскому трудно было говорить. Он надвинул на лоб козырек красной фуражки, но все же бойцы видели, что из глаз его катятся слезы; в первый раз видели они, как плачет их командир. Блестели слезы на глазах и у бойцов.

Котовский так и не закончил своей прощальной речи и слез с коня.

Дно могилы устлало сосновыми ветками. Бойцы медленно опустили в землю тело своего комиссара. Раздались звуки похоронного марша.

Котовский бросил в могилу первую горсть земли. К Котовскому, начальнику гарнизона города Тирасполя, целыми группами приходили молдаване из окрестных сел. Они приходили поговорить с ним запросто, узнать, не собирается ли он переправиться на тот берег.

По молдавским селам только и шли разговоры о том, что вернулся Котовский и вместе с ним такие партизаны, как Михаил Нягу, — значит, скоро начнутся бои за освобождение Бессарабии.

Котовский никого не разубеждал и никому не отвечал утвердительно. Он пойдет туда, куда прикажут ему пойти партия и командование.

— Буржуи всюду одинаковы, — говорил он, а сам часами смотрел в бинокль на тот берег, на Кицканский монастырь...

В Тирасполе Котовского помнили как командира партизанского отряда, поэтому и теперь к нему приходили добровольцы с просьбой зачислить их в состав бригады.

Несколько дней отдыхала бригада в Тирасполе. Бойцы отсыпались за все бессонные ночи. Ведь бывали сутки, когда бригада проходила до 120 верст.

...В квартире, где остановился Котовский, были закрыты ставни. Ординарец Черныш ждал, когда же, наконец, проснется его командир. Встанет, потребует ведро воды и мохнатое полотенце, расставит ноги и начнет поворачиваться во все стороны, глубоко вдыхать и выдыхать воздух.

Комбриг еще вчера сказал, что хочет проехаться на Орлике, рыжем коне, которого передал ему, сдаваясь в плен, генерал Мамонтов.

Черныш с удовольствием обливал холодной водой своего командира. Черныш был единственным человеком в бригаде, который позволял себе делать выговоры Котовскому. Хриплым голосом, будто разговаривая сам с собой, ворчал он на комбрига. Особенно «доставалось» Котовскому, когда он, возвращаясь после боя, передавал ординарцу разгоряченного, взмыленного коня.

— Опять коня загнал! — строго говорил Черныш. Котовский никогда не сердился на ворчливого ординарца.

Между ними было как бы установлено: Котовский — командир бригады, ему подчиняются бойцы, он хозяин в бою, Черныш же — хозяин в конюшне, его дело — оберегать лошадей своего командира.

Черныш усердно выполнял свои обязанности, советовался с ветеринарами и «распекал» Котовского, когда тот нарушал установленные им, Чернышом, правила.

Наконец, ординарец дождался пробуждения комбрига. В одних трусиках появился Котовский на крыльце, выходящем в сад. Он спустился

вниз и, вдыхая всей грудью свежий воздух, пошел босиком по снегу.

Растерев тело снегом и проделав утреннюю зарядку, Котовский выпил топленого молока.

Повар 2 кавполка побрил ему голову. Котовский редко брился сам, так как опасался силы своих рук.

Черныш подвел к крыльцу Орлика. Комбриг подтянул стремяна и вскочил на коня. Вначале он поехал рысью, потом погнал Орлика галопом.

Комбриг сразу же почувствовал, что под ним крепкий надежный конь.

Котовский увлекся ездой. Он ехал берегом Днестра и смотрел на другой берег, на занесенные снегом бессарабские поля, которые еще принадлежали помещикам. Он думал о том, кому из врагов бригада нанесет сокрушительный удар в будущих боях. Через несколько дней был получен приказ направиться в город Ананьев на переформирование.

В последние дни февраля наступило потепление. Началась приднестровская весна. Бурно таяли снега... По тальным дорогам двинулись пулеметные тачанки и обозные повозки. Кони с трудом вытаскивали ноги из липкой грязи.

В одной молдавской деревне старушка остановила кавалеристов, ехавших впереди:

— А кто из вас будет Котовский?

— Как подъедет огромный такой, в красных брюках и красной фуражке, так смотри лучше, это он.

Старуха остановилась на краю дороги, на нее летели брызги грязи, но она ждала, пока не поровняется с ней человек в красных брюках.

— Наконец-то увидела я нашего защитника, — произнесла она вслух и побежала за конем Котовского.

— Дай-ка как следует посмотрю на тебя, тогда и умирать можно.

Котовский обернулся. Конь загарцевал под ним. Григорий Иванович сдержал его и высоко поднятой рукой приветствовал старушку.

— Живи, бабуся!

А она смотрела на него с глубокой нежностью, как на родного сына.

Комбриг поскакал дальше — на помощь артиллеристам, которые вытаскивали из грязи застрявшее орудие. Старушка долго стояла на дороге и смотрела вслед.

Кавалерийская бригада прибыла в Ананьев. Котовский стал начальником гарнизона города. Он обратился с воззванием к населению:

«Могучим порывом Рабоче-Крестьянская Красная Армия смела с арены истории ряд белогвардейских правительств и мишурных золотопогонных армий, дав этим самым трудовому; народу возможность

возврата к мирному труду и могучему творчеству на иных началах, началах полнейшей социальной справедливости, заставив сплотившихся против рабочего-крестьянской власти капиталистов всего мира признать себя побежденными. Они склонили перед рабоче-крестьянской властью белые знамена, сняв блокаду с Советской России и предложив товарообмен.

...Могучая Красная Армия, идущая сплошным фронтом с севера до юга, окончательно уничтожает противника, встречаемого на своем пути. Весь район Днестра, почти вплоть до Могилев-Подольска, уже очищен. Последние группы белых в районе немецких колоний Страсбург — Кандель разоружены и ликвидированы окончательно.

Могучая Рабоче-Крестьянская Красная Армия, уничтожившая Колчака, Юденича и добивающая Деникина, гарантирует вам вашу новую мирную творческую работу»^[27].

Свое воззвание Котовский закончил призывом:

«Да здравствует мирный труд!».

Несколько недель бригада стояла в городе Ананьеве, Херсонской Губернии. В эскадронах начались строевые и политические занятия.

Котовский наводил порядок в бригаде. Старые бойцы уже поговаривали, что слишком долго тянется этот «привал». Они ждали, когда же, наконец, штаб-трубач заиграет «общий сбор».

...В дни стоянки в Ананьеве командиры кавалерийской бригады собрались однажды за праздничным столом. В этот вечер Котовский представил всем собравшимся Ольгу Петровну как свою жену. Они сидели рядом — порывистый и горячий комбриг и; сдержанная, спокойная женщина-врач.

На этот раз Котовский выглядел смущенным, хотя и находился в родной семье. Так мало было тогда времени для личного счастья, такими непривычными казались пожелания долгих лет счастливой семейной жизни...

В этот вечер за столом пели и русские, и молдавские, и украинские песни. Много говорили о будущем, о светлой жизни, которая начнется после победы над всеми врагами революции.

...В мартовские дни 1920 года небольшой уездный город Ананьев жил особенной жизнью. Каждый день сотни людей умирали от сыпняка. Перенесшие тиф ходили наголо остриженными; редко можно было встретить человека с длинными волосами.

Самогон, как молоко, открыто продавали на рынках. По вечерам на улицах раздавались крики пьяных, происходили драки, скандалы; нередко бывали и убийства.

Все это было на руку петлюоровским головорезам. Для петлюоровцев самогон был надежнейшим союзником. Под маской местных жителей петлюоровцы подбирались к красным бойцам, предлагали «по чарочке», приглашали на вечеринки...

И вот однажды на ананьевском рынке появился Котовский. Он подъехал на своем Орлике к длинным столам. Толпа с любопытством разглядывала громадного человека. Котовский вытащил из ножен донской казацкий клинок, рассек им воздух, приподнялся на стременах и сильным ударом клинка сбил со стола четверть, наполненную самогоном.

Началась борьба с самогоном. Котовцы выливали закваску, ломали аппараты... Трофеи в виде погнутых железных кубов грудой возвышались на ананьевской площади. Красноармейские караулы охраняли порядок на улицах.

Жителям предложили выдать всех самогонщиков. Пьяному разгулу петлюоровцев, самогонщиков и шинкарей котовцы противопоставили дисциплину и трезвость.

В городе и в ближайших селах создавались органы советской власти. Котовцы приняли деятельное участие в работе молодых советских организаций. На митингах и сходках выступали политработники и политбойцы.

Жители Ананьева часто посещали штаб кавалерийской бригады. Приходили к Котовскому и крестьяне из окрестных сел. Кто просил рассудить, словно комбриг был мировым судьей, кто обращался за помощью, а кто просто хотел поделиться мыслями. Котовский находил время побеседовать с каждым.

Кавалерийская бригада должна была оставить Ананьев. Котовский досадовал, что не успел прикончить банды, оперировавшие в районе города. Комбриг послал специальную телеграмму в Реввоенсовет 14 армии.

В ответ на телеграмму сообщалось, что в Ананьев для борьбы с бандитизмом направляются другие части. Котовский отдал приказ, в котором доводил до сведения населения, что будут приняты действенные меры против банд: «Пусть население города Ананьева помнит, что власть Советов, стоя на страже интересов народных масс, не позволит бандам ворваться в город для грабежа и насилия. Все распускаемые по городу слухи считайте провокационными. Никого не бойтесь. Красная Армия вас защитит»^[28].

В те дни состоялся первый съезд Советов Ананьевского уезда. В зале заседания, на делегатских местах, сидело много красноармейцев. Котовский был выбран в президиум.

Многие из выступавших на съезде благодарили бригаду за помощь, оказанную мирным жителям.

— Теперь мы не боимся бандитов-головорезов. Как пришли котовцы, прекратились грабежи и убийства.

Здесь же, на съезде, кавалерийская бригада Котовского получила свою первую награду — от имени трудящихся селян и незаможников съезд преподнес бригаде красное знамя. Это алое знамя скоро стало боевым знаменем бригады.

15 марта 1920 года весь Ананьевский съезд Советов вышел провожать котовцев, покидавших город. Жители думали, что конников отводят в тыл, на заслуженный отдых.

Партия звала котовцев на новый фронт.

Антанта начинала свой третий поход...

Глава пятая

НА БЕЛОПОЛЯКОВ

Антанта начинала свой третий поход против Советской республики. Красная Армия разбила Колчака, Деникина, Юденича и армии других белогвардейских генералов и бандитов. Но «...государства Антанты все же не хотели помириться с мыслью о том, что Советская власть оказалась несокрушимой, что она оказалась победительницей. Поэтому они решили предпринять еще одну попытку интервенции против Советской страны»^[29].

Панская Польша отвергала все мирные предложения Советского государства. Еще осенью 1919 года польские армии вошли на территорию Украины и заняли западную часть Волынской и Подольской губерний. Ими были захвачены Шепетовка, Каменец-Подольск, Новоград-Волынский и Проскуров.

21 апреля 1920 года маршал Пилсудский и Петлюра заключили между собой политическое соглашение: Польша обязывалась низвергнуть Советскую власть на Украине.

«Поляки, видимо, воевать будут, мы все возможное сделаем для усиления обороны...» телеграфировал В. И. Ленин 11 марта 1920 года Реввоенсовету Западного фронта.

К польской границе стягивались лучшие части Красной Армии. Кавалерийская бригада Котовского грузилась в вагоны на станции Жеребково, близ Ананьева. Белополяки были уже в нескольких десятках километров от Жмеринки.

На этот раз котовцам предстояло столкнуться не с петлюровско-белогвардейскими бандами и отрядами, а с регулярной, обученной и дисциплинированной армией, которую поддерживали крупнейшие империалистические державы.

15 марта 1920 года котовцы выгрузились на станции Жмеринка, а оттуда, по весеннему бездорожью, отправились в район станции Комаровцы.

В нескольких километрах от расположения белопольских частей крепко-накрепко встали котовцы. Котовский был назначен начальником этого участка.

Здесь в обороне стояли полки 45 дивизии. Им трудно была сдерживать натиск вражеских войск, которых Антанта обильно снабдила новыми

пушками, ружьями и новеньким обмундированием. У белополяков были английские, французские, даже американские военные советники; свой «опыт интервентов» передавали белополякам и германские генералы.

Когда в пехотных частях стало известно, что сюда на подкрепление прибыл Котовский со своей кавалерийской бригадой, красноармейцы искренне обрадовались этой весте. Они хорошо знали кавалеристов Котовского по недавним совместным боям.

Положение наших частей тогда было тяжелым. Люди были изнурены частыми боями. Не хватало вооружения, боеприпасов. Еще хуже обстояло дело с продовольствием.

Вот запись из дневника 2 кавполка: «...21 марта. Полк голодный. Продовольствия и фуража нет. Все поиски за таковыми в окрестностях м. Волковинцы не дали никаких результатов, в местечке лавки и магазины все закрыты. Голод, в полном смысле слова, всего полка».

Но лишения не ослабили боевой мощи котовцев.

Круглые сутки следили дозоры за противником. Ежедневно над станцией подымался воздушный шар, с которого велось наблюдение. Каждую минуту мог начаться бой.

По ночам бойцы спали не раздеваясь и коней не выпрягали из тачанок. Спали поочередно. Сон одного эскадрона охранял другой. В холодные мартовские ночи кони стояли под открытым небом. Бойцы, не раздевавшиеся по неделям, мечтали о тепле, особенно в часы утренних пронизывающих заморозков.

В тревожный сон красноармейцев, часто врывалась пулеметная трескотня, и трубачи начинали наигрывать короткие, отрывистые, словно наступающие друг на друга, звуки тревоги.

Котовский, бледный от переутомления, с опухшими от бессонницы глазами, иногда засыпал в штабе, опустив голову на стол.

С первых же боев белополяки оценили Котовского. Среди них ходили рассказы о могучем красном всаднике, который рубит людей в бою пополам.

Чтобы разбить кавалерийскую бригаду, белополяки создали «непобедимый полк смерти» и начали готовиться к наступлению.

Котовский, осведомленный разведчиками, решил опередить врага. Выбрав темную ночь, он первым бросил свои эскадроны на «непобедимый полк смерти» и разбил его наголову.

Тогда белополяки пустились на каверзы.

Как-то над Комаровцами появился самолет противника. Покружившись над станцией, он сбросил вымпел. В вымпеле была записка,

адресованная «пану» Котовскому: «Если Вы не уберетесь, мы Вас уьем».

Вскоре после этого в штаб бригады пришел рабочий-железнодорожник предупредить Котовского. Он рассказал, что белополяки, подкупив людей, готовят на станции Комаровцы засаду, чтобы убить Котовского. Железнодорожник передал комбригу просьбу рабочих станции — никуда не ходить без охраны.

— Ничего они со мной не сделают, — успокоил Котовский железнодорожника. — Еще нет арсенала, который отлил для меня пулю, — добавил он не то серьезно, не то шутя.

Когда рабочий-железнодорожник возвращался из штаба к себе домой, его подстрелили из-за угла.

Основной задачей бригады было — сдерживать противника на своем боевом участке. Но комбриг считал, что, обороняясь, необходимо как можно чаще и сильнее беспокоить врага. Котовцы ежедневно истребляли или брали в плен уланские патрули и не давали возможности разведке противника даже «высунуться».

Котовский, по обыкновению, лично беседовал с пленными. Он говорил полякам о том, как обманули их Пилсудский и офицеры.

— Вы думаете, что воюете за Польшу, а ведь вас заставляют драться за капиталы ваших помещиков и фабрикантов.

Котовский, находясь в обороне, рвался к наступательным операциям. Несколько раз обращался он в штаб дивизии за разрешением. Ему же в ответ предлагали думать не о наступлении, а об удержании занятых населенных пунктов.

— Штыками они пока более богаты, чем мы, да и гарматы^[30] у них позвучнее, — говорили комбригу штабисты.

Котовский решительно возражал.

— Наша задача именно предупредить действия противника. Если мы этого не сделаем, то не в состоянии будем его удержать.

В ночь под пасху пилсудчики решили разгромить бригаду Котовского. Польское командование полагало, что «благочестивые» русские солдаты будут праздновать пасху. Оно приготовило им «угощение» — пулеметные очереди и ружейные залпы. Белополяки были уверены, что в эту «торжественную» ночь им удастся захватить красных врасплох.

Но эта ночь была для бойцов обычной фронтовой ночью, и когда враги, крадучись, подбирались к станции Комаровцы, они неожиданно наткнулись на сидевшего в заслоне пулеметчика, который немедля открыл огонь. Белополяки ответили ружейным залпом. Им не удалось захватить котовцев врасплох, сами же они изрядно растерялись, когда через

несколько минут после первых выстрелов котовцы на неоседланных конях неожиданно налетели на них.

Утром Котовский решил отправиться к белополякам с «ответным визитом».

Он посадил на броневик небольшой оркестр и подъехал близко к вражеским окопам. Шляхтичи слышали звуки «Интернационала». Обстреляв окопы, броневик повернул обратно.

Командование решило перебросить кавбригаду Котовского с Комаровского участка, присоединив ее к 17 кавдивизии.

В те дни в тылу подняли мятеж галицийские части. Петлюровцы под руководством панской контрразведки спровоцировали галичан выступить против Советской власти.

В галицийских частях петлюровцы опирались на офицеров и старшин, прежде служивших у петлюровцев и у деникинцев. Решив предать Красную Армию, эти командиры пустили среди рядовых слух, что если они останутся здесь, то погибнут, не увидев родины, а между тем в Галиции их братья и сестры якобы восстали против польского ига и ждут от них помощи. Эта петлюровская провокация имела целью открыть фронт белополякам.

Бригаде Котовского было приказано подавить мятеж галичан. Приказ застал котовцев в пути, но уже не в первый раз кавбригада отправлялась в бой прямо из вагонов.

В боях под Винницей части мятежников были разбиты наголову.

25 апреля Пилсудский двинул на Украину десять пехотных и кавалерийских дивизий.

Третий поход Антанты начался.

За польскими частями, в экипажах и фаэтонах, следовали изгнанные с советской земли польские помещики, сахарозаводчики и владельцы предприятий. Они возвращались на Украину наводить «порядки», рассчитаться с трудящимися за понесенные во время революции убытки.

Красная Армия не смогла сдержать натиск противника, значительно превосходившего ее численностью своих войск.

26 апреля белополяки вступили в Житомир, а 6 мая заняли Киев. В Софийском соборе служились торжественные молебны в честь приезда «пана Симона Петлюры».

Польские помещики отбирали у крестьян землю, продовольствие и скот.

Украинские буржуазные националисты, ставшие у власти, помогали панам хозяйничать на украинской земле.

Шляхтичи творили зверскую расправу над всеми, кого только подозревали в сочувствии большевикам. Начались массовые расстрелы. Было введено особое наказание: крестьян подвешивали на столбах на два, на три часа.

Но с первых же дней против польских оккупантов начали действовать партизаны.

За винтовку брались и молодые, и старики.

«Не дадим польской шляхте снова пановать на Украине!» — думали украинские хлеборобы, верившие, что Советы вернутся.

...Кавбригада Котовского с боями отходила на юг, к реке Буг.

Котовцы вторично проходили через места, знакомые им по Южному походу. Тогда они шли на север, теперь же — на юг, громя по пути петлюровские банды.

6 мая котовцы переправились через Буг. Здесь они укрепились, ожидая подхода Первой конной армии, которая шла с Северного Кавказа, и других частей Красной Армии, предназначенных для контрнаступления.

На досуге бойцы собирались у батареи. Многие из батарейцев умели играть на гармонии, которую возили с собой. Начинались песни, пляски.

В гости к артиллеристам частенько приходил и Котовский отдохнуть и повеселиться вместе с бойцами.

Как-то в деревне, в которой стоял один из полков, у крестьянина сгорел дом. Котовский был на пожаре и с волнением смотрел на убитых горем людей, на огонь, пожиравший скудное добро. Не успели остыть обуглившиеся бревна, как Григорий Иванович собрал бойцов и предложил всем вместе выстроить погорельцу новый дом. Командир бригады вооружился топором и тесал бревна.

На следующий день погорелец въехал в новый дом. Какова же была радость его жены и детишек, когда в тот же день они получили в подарок от красноармейцев корову!

Первая конная под командованием Ворошилова и Буденного прошла более тысячи километров и в последних числах мая уже — сосредоточилась близ Умани.

Весть о том, что пришла конница Буденного, поднимала настроение бойцов. Котовцы точили клинки...

Южный фронт был переименован в Юго-Западный.

Товарищ Сталин, возглавлявший тогда Реввоенсовет Юго-Западного фронта, лично разработал план разгрома белополяков.

Сталинский план разгрома армий белополяков был блестяще проведен в жизнь.

Первая конная армия должна была ворваться между двумя польскими армиями и, вместе с другими частями, мощными ударами разгромить и уничтожить польские войска на Украине.

Основной удар был направлен на киевскую группировку вражеских войск. Бригада Котовского действовала на Фастовском направлении с задачей охватить правый фланг противника.

27 мая бригада Котовского перешла в наступление.

Фастовская группа должна была выбить противника из района Белой Церкви.

30 мая кавалерийская бригада остановилась у местечка Ольшанка.

После многоверстного марша котовцы, выставив дозоры, расположились на отдых на берегу большого пруда. Конники принялись купать лошадей, мыться сами. Купался второй полк, первый же в стороне дожидался своей очереди.

Раздавались крики, плеск и фыркание.

Недалеко от местечка, на поле пшеницы, находились позиции противника; подступы к ним, как потом оказалось, прикрывали проволочные заграждения. Польские легионеры решили напасть на котовцев, рассчитывая застигнуть их врасплох.

Котовский, выкупавшись, начал делать гимнастику. Вдруг вблизи раздались взрывы гранат и ружейная стрельба. Белополяки выскакивали из пшеницы.

Котовский сразу же сообразил в чем дело. Он вскочил на Орлика.

— По коням! Не одеваться! Марш за мной! Шашки на голо-о!

Штаб-трубач заиграл атаку.

Бойцы быстро выводили лоснящихся коней из воды, садились верхом и с места галопом кидались вслед за комбригом, мчавшимся на врага.

Белополяки уже вели бой с первым полком, стоявшим в стороне от пруда. И вот в их ряды ворвались голые всадники с поднятыми, сверкающими на солнце, клинками.

Началась отчаянная рубка. Легионеры не выдержали страшного натиска необычайной конницы. Одни из них в панике бежали к окопам, другие бросали оружие и, подняв руки вверх, сдавались в плен.

Некоторые из белополяков все же успели добежать до окопов. Котовцы спешивались с лошадей и лезли под проволочные заграждения.

Под проволокой погиб знаменщик 2 полка. Уже смертельно раненный, он продолжал ползти вперед; колючки разрывали его тело. Ключья знамени, окропленные кровью, остались на проволоке.

Котовцы потеряли двадцать семь бойцов. Был ранен в живот командир

2 полка Макаренко. Рядом с ним в этом бою сражалась и его жена Аня — донская казачка. Даже и после того, как она увидела, что ее муж ранен, Аня продолжала рубить белополяков.

Белополяки под Ольшанкой потеряли четыреста человек убитыми, столько же было взято в плен.

...Макаренко привезли в Таращу. Он тяжело страдал, но терпеливо переносил страдания. Даже прикосновение простыни вызывало у него мучительную боль.

— Скажите мне правду, — с трудом спросил он, — конец или еще есть надежда?

— В таких случаях один из тысячи выживает. Будем надеяться, что один из тысячи — это вы, — ответила врач Котовская.

Командиры и бойцы, узнав, что Макаренко умирает, пришли к нему в палатку и стали вокруг его кровати.

— Прощайте, друзья, — собрав силы, сказал раненый. — Я умираю, но вы будьте храбрыми до конца. А хорошо мы им всыпали...

Макаренко похоронили в Тараще.

*

Первая конная армия, зайдя в тыл противнику, на стыке 6 и 2 его армий, в районе Сквира — Казатин прорвала польский фронт. Вражеские войска, не выдержав удара, обратились в бегство.

В беседе с сотрудником «УкрРОСТА» о положении на Юго-Западном фронте товарищ Сталин говорил так:

«Рейд нашей конницы начался пятого июня. Утром этого дня, свернутая в кулак, красная конница ударила по второй польской армии, прорвала неприятельский фронт, рейдом прошла район Бердичева и утром седьмого июня заняла Житомир.

О подробностях занятия Житомира и захваченных трофеях уже сообщалось в печати, говорить об этом не буду, отмечу лишь кое-что характерное. Реввоенсовет Конной армии доносил штабу фронта: „Польская армия питает абсолютное пренебрежение к нашей коннице. Мы считаем своей обязанностью доказать полякам, что конницу надо уважать“. После же прорыва тов. Буденный пишет нам: „Паны научились уважать конницу; бегут, очищая перед нами дорогу, опрокидывая друг друга“»^[31].

Белополяки, отступая, старались разрушить все то, что не могли взять с собой. Горели здания, взрывались мосты... В Киеве белополяки перед

уходом взорвали электрическую станцию, водопровод и мост через Днепр. Они подожгли пакгаузы на товарной станции, мародерствовали, издевались над жителями. Но недолго продолжался панский разгул. Первая конная армия, под командованием Ворошилова и Буденного, гнала захватчиков вон из Советской страны.

Белопольские армии бежали, оставляя по дороге обозы, оружие, автомобили и ящики, наполненные ценностями.

Пилсудчики гибли под клинками буденновцев, сдавались в плен, разбегались по лесам, искали спасения в селах, но здесь они натыкались на украинских крестьян, вооруженных вилами и топорами.

Спасая свою жизнь, удирали на всех парах польские помещики. Плохо приходилось ясновельможным панам, когда они попадались в руки крестьян. Зато с каким воодушевлением в городах и селах Украины встречали приближение красной конницы!..

Высокомерные пилсудчики в начале войны пренебрежительно относились к «какому-то» Котовскому. Они считали, что у большевиков не может быть сильной, хорошо обученной кавалерии.

Смелыми рейдами Котовский выбивал белополяков из укрепленных районов. Сметая на своем пути белопольские заставы, котовцы 8 июня ворвались в Белую Церковь.

В то время, как котовцы мчались уже по улицам города, мальчишки-газетчики продавали газеты, в которых сообщалось, что большевик Котовский разбит и отступает.

Бригада Котовского участвовала в выполнении приказа, подписанного членом Реввоенсовета Республики товарищем Сталиным: «Решительным наступлением не позднее 10.VI овладеть районом Фастов — Корнин, кончастями в кратчайший срок перерезать шоссе Киев — Житомир»^[32].

Действуя на левом фланге фастовской группы, котовцы с боем захватили город Сквир.

10 июня эта группа войск овладела городом Фастов.

Котовцы перерезали шоссе Киев — Житомир и устремились дальше.

После расформирования фастовской группы кавалерийская бригада Котовского вошла в состав Первой конной армии, которая преследовала части 3 польской армии, избежавшие полного разгрома.

Кавбригада перерезала железнодорожные пути, останавливала поезда, вгрызалась в самую гущу отстухдаших в панике панских войск, преследуя противника, Котовский дорожил каждой секундой, считая, что самое главное — не дать противнику уйти. Он торопил своих людей: «А то пан удерет!».

Командир Первой конной Буденный и член Реввоенсовета Ворошилов в своем приказе 11 июня 1920 года по Первой конной армии поставили перед Котовским боевую задачу: «Вам же надлежит ликвидировать группу противника, засевшего в районе Васильков — Обухов...».

Выполнив эту задачу, Котовский повернул бригаду на запад, продолжая громить врага.

*

Преследуя белополяков, ведя ежедневные бои, котовцы подошли к местечку Любар, на реке Случ. Польские батальоны укрепились за рекой. Белополяки решили прекратить отступление. В Любаре расположилось больше тысячи польских стрелков и много артиллерии. Высокий берег Случа был весьма удобен для обороны.

24 июня Котовский пытался войти в Любар через мост, однако, белополяки, бросившись в контратаку, потеснили, котовцев и подожгли мост.

Комбриг доносил, что «сделанным налетом м. Любар захватить не удалось, так как противник прочно закрепился. Первый кавполк ворвался в конном строю в местечко, но был выбит противником, открывшим ураганный пулеметный и ружейный огонь. Потом спешил и в пешем строю выбивал противника, но не мог удержаться и вынужден был отступить. Второй кавполк действовал со стороны Гриневцы, переправился на другой берег реки, но по причине местности, не давшей возможности развернуться кавалерийскому строю, ввиду канав и трясин, вынужден был отступить».

Котовский решил более тщательно произвести разведку. Надо было выбрать удобный участок для прорыва, найти брод через Случ.

Комбриг был задумчив и сосредоточен. Командиры и ординарцы не беспокоили его расспросами. Вся бригада знала, что, когда их командир, сжимая кулаки, расхаживает по комнате, он обдумывает решение. Котовский был раздосадован неудачной атакой. Надо во что бы то ни стало немедленно разбить врага, пока тот еще не оправился.

По эскадронам раздавали штыки. Старые бойцы, сражавшиеся на фронтах империалистической войны, объясняли и показывали молодым приемы штыкового боя.

Котовский решил атаковать Любар в пешем строю.

Чуть засерел рассвет, как к Случу стали подтягиваться цепи котовцев.

Вскоре они ворвались в Любар, в его тесные и кривые улочки.

Несколько часов продолжался рукопашный бой. Зарозовело небо, поднялось солнце, а бой все продолжался. Красноармейцы выбивали из местечка ожесточенно сопротивлявшихся белополяков.

Эскадрон под командованием Нягу, в конном строю, бросился уничтожать противника, засевшего в глубоком овраге. Навстречу загрели выстрелы. Лошадь под Нягу споткнулась и упала на передние ноги. И когда Нягу, ругаясь по-молдавски, тащил коня на поводу, пуля попала ему в плечо и раздробила кость. Как раз в это время подоспел на помощь боец 1 кавалерийского полка Владимир Подлубный. Он заметил белополяка, выстрелившего в Нягу, погнался за ним и, догнав, зарубил клинком.

Подлубный вместе с Нягу участвовал в хотинском восстании; вместе с ним вступил в Красную Армию. Этот коренастый, суровый боец был словно создан для боя. Его обычно угрюмое круглое лицо оживлялось, когда начиналась атака.

И в этом бою Подлубный дрался с ожесточением, пока, сраженный пулей, не свалился с коня.

Выбив противника из Любара, котовцы продолжали наступление.

Котовский подъехал к тачанке, на которой лежал Нягу, уже знавший о смерти Подлубного.

— Меня только ранили, а Подлубный убит, — сказал Нягу комбригу.

— За Подлубного мы возьмем не одну сотню голов врагов революции, — ответил Котовский.

В этом бою навсегда выбыл из строя командир 1 полка Михаил Нягу, вскоре скончавшийся от тяжелых ран.

*

Бригада продвигалась, тесня белополяков к реке Горыни. Разведка донесла, что в местечке Грицев расположилась вражеская конница. Котовцы давно мечтали встретиться с кавалерией противника, чтобы пополнить свой конский состав, захватить седла.

На рассвете бригада подъехала к Грицеву. На пути протекала, маленькая речка с топкими, болотистыми берегами. Бойцы двигались осторожно, боясь завязнуть в трясине.

Котовский, ехавший во главе эскадрона 1 полка, бросился к небольшому мостику.

Поправив, как всегда перед боем, фуражку, он крикнул:

— Вперед!

Сбив вражеские пулеметы, установленные на мосту, котовцы выехали к дороге, ведущей на Грицев.

Уланы не ожидали нападения. Вскочив на неоседланных лошадей, они кинулись отступать. Эскадрон помчался в погоню. Котовский заметил, как прямо на него откуда-то со стороны с обнаженным клинком несется пилсудчик. Комбриг, приподнявшись на стремянах, повернул коня навстречу противнику. И вот они сошлись. Засверкали клинки. Пилсудчик оказался искусным фехтовальщиком: сжав зубы, он не только отражал удары Котовского, но и нападал сам. Несколько минут скрещивались клинки. Наконец, комбриг, сделав ложный выпад, ударил улана по лысой голове. Тот еще раз взмахнул саблей и замертво свалился с лошади.

В Грицеве осуществилась мечта котовцев: они забрали у врага откормленных и быстрых коней и много снаряжения.

Путь на Изяславль открыт!

Изяславль стоит на берегах реки Горыни, которая течет по холмистой волынской земле.

На одной стороне — старый город, на другой — новый. Здесь, над Горынюю сохранилась древняя крепость с бойницами, выдавшая немало войн.

Под самым Изяславлем Котовский собрал командиров и объяснил им обстановку. На холме, покрытом леском, установили два орудия. Котовский приказал комбату Просвирину выпустить сто пятьдесят снарядов.

— Пятьдесят по окопам, пятьдесят по городу и пятьдесят за город!

Спешившийся эскадрон, поддерживаемый артиллерийским огнем, перешел в наступление.

Котовцы заняли новую часть Изяславля. Белополяки же продолжали удерживать старый город.

Весь день продолжалась перестрелка. Котовский руководил артиллерийской стрельбой.

Вечером 30 июня старый Изяславль заняли наши пехотные части.

*

Белополякам не хотелось покидать Украину, ее золотые поля; они цеплялись за каждый рубеж. Но как ксендзы ни молили бога о счастье, оно не приходило. Захватчики отступали. Непобедимая красная конница не давала опомниться польским панам.

Бригада Котовского была хорошо известна противнику. Это котовцы, обнаружив даже небольшой кратковременный разрыв на стыках вражеских частей, устремлялись вперед и затем били противника с фланга и тыла. Это котовцы, используя местность и маскируясь, днем и ночью шли в обход и внезапно обрушивались на белополяков.

Рейды в глубину расположения противника Котовский проводил всегда очень искусно. Не получив военного образования, он черпал свои знания из практики каждого боя.

Котовский всегда уделял большое внимание разведке. Его не удовлетворяли сведения, которые он получал из разведотдела дивизии. У него были свои разведчики. Они переодевались в крестьянское платье или в синежупанную петлюровскую форму, уходили в тыл противника и повсюду устанавливали связь с наиболее надежными местными жителями.

Особенно отличался среди разведчиков бессарабец, коммунист Леонид Воронянский. Он возил с собой целый гардероб, в котором были и офицерская шинель, и гусарский ментик. Как ни в чем не бывало, рассказывал Воронянский по неприятельскому расположению, чаще всего разыгрывая роль петлюровского офицера. Во время одной из таких «экскурсий» он провалился, и его повели на допрос.

Воронянский не растерялся. Его вели мимо изгороди, к которой были привязаны лошади. Выбрав удобный момент, он бросился на одного из конвоиров и повалил его на землю. Воспользовавшись суматохой, он вскочил на лошадь, стоявшую без привязи, и понесся на ней. Следом за его лошадью, порвав поводья, помчались; другие. Началась бешеная гонка. Воронянский не только ускакал от врагов, но и привел с собой еще десятка два лошадей.

В первых боях 1918 года партизаны Котовского бросались на противника без предварительной разведки. Начальник оперативной части штаба, неутомимый Георгий Садакли, не раз говорил, тогда партизанам, что, устремляясь вперед на противника, следует не забывать о связи и действовать с учетом того, что происходит на флангах.

Георгий Садакли, юрист по образованию, призванный в царскую армию, попал в школу прапорщиков. Свои знания о Цицероне и римском праве он дополнил сведениями о том, как организовать разведку.

Комбриг ценил своего «ученого» штабиста, однако не раз «распекал» его за то, что тот, увлекшись разговором, иногда забывал вовремя послать донесения или опаздывал с составлением оперативной сводки.

Котовский сам был точен во всем и требовал того же от своих подчиненных.

Котовский, углубленный в свои мысли, часами просиживал над картой. Тогда никто не заходил к нему. Все знали, что в эти часы комбриг занимается, как он сам говорил, «математической психологией».

Котовский заранее намечал план боевых действий, распределял боевые задачи между полками, отмечал на картах рубежи, подсчитывал количество боеприпасов, наличие лошадей, вычислял крутизну скатов, преодолимых артиллерией. Но, изучая карту, он видел перед собой не только овраги, мосты и переправы. Прежде всего Котовский учитывал состояние противника, его интересовала не только численность вражеских войск, но и их настроение. Котовский требовал от разведчиков, чтобы они собирали об этом сведения у местных крестьян. Обдумывая боевой рейд, комбриг всегда заботился о том, чтобы ни один из раненых бойцов не остался в тылу врага. Он предусматривал все, вплоть до того, где должны находиться санитары.

Вот это тщательное продумывание плана боевых действий, с учетом сил и настроений людей, Котовский и называл «математической психологией».

Он никогда не ждал, пока соседние с ним части сообщат ему об обстановке. Он всегда заранее сам «беспокоил» их:

«Думаете ли Вы наступать сегодня, и если думаете, то сообщите, куда и как, дабы я мог действовать кавалерией на фланге и в обхват; когда, в каком часу будете начинать?»^[33] (22 мая 1922 года).

«Мне необходимо знать, когда, в каком направлении и в каком порядке будут наступать Ваши полки, чтобы координировать свои действия с Вашими»^[34].

Когда решение бывало готово, Котовский выходил из штаба и проверял свою бригаду, оглядывая каждого бойца. Ему достаточно было нескольких минут для того, чтобы одному задать вопрос, с другим обменяться понимающим взглядом, третьего похвалить или указать на какую-нибудь неисправность, а потом поговорить со всеми вместе.

Котовский и себя всегда подготавливал к бою. Это было заметно даже окружающим. Он реже улыбался, как-то иначе, глубже сидел в седле, прислушивался ко всему, зорко вглядывался во все мелочи.

Если противника нельзя было сокрушить стремительным ударом, Котовский пускался на хитрость. Тогда он первым делом вспоминал о «пешем эскадроне». В этом «эскадроне» сражались бойцы, у которых были убиты лошади. Они ждали случая, чтобы завладеть вражескими конями. Когда противник не хотел принять боя, наступало время и бойцам «пешего

эскадрона» показать себя. Они слезали с телег и приближались к вражеской охране, своим появлением дразня противника. Котовцы в это время издали следили за действиями пехотинцев. Легионеры, видя, что перед ними лишь кучка бойцов, бросались на них. Котовцы отступали, стараясь как можно дальше увлечь за собой «воинственных» панов. Временами они поворачивали обратно, неистово кричали «ура» и, когда видели, что погоня продолжается, снова бежали до тех пор, пока с флангов неожиданно не набрасывались на противника кавалеристы.

Часто бригада Котовского охраняла фланги других частей, по несколько суток сдерживая напор врага.

Все бойцы-котовцы считали себя большевиками. Бросаясь в бой, они знали, что сражаются за Советскую власть, за будущую счастливую жизнь, за дело великой коммунистической партии, партии Ленина — Сталина.

У пулеметных тачанок собирались коммунисты бригады. Коммунисты во всех эскадронах сколачивали вокруг себя бойцов; вовлекали в партию лучших из них.

С каждым днем росло число коммунистов в рядах котовцев.

Если ты коммунист, то бойцы тебя знают не только по речам, ты должен первым бросаться на врага, должен быть самым храбрым, самым непреклонным.

В перерывах между боями партийцы читали бойцам последние речи и статьи Ленина. На стоянках и на отдыхе они рассказывали местным крестьянам о том, кто такие большевики, за что они борются; говорили о задачах советской власти, о том, что рабочие и крестьяне Советской страны, взяв в свои руки власть, заводы и землю, никогда больше не отдадут их царям, помещикам и капиталистам.

Политработники бригады часто выступали перед конниками с докладами о международном положении, вели большую работу по ликвидации неграмотности бреди бойцов.

Буквари составлялись на месте, с учетом того, что больше всего интересовало тогда бойцов. Так буква «А» обозначала — Антанту, а под буквой «Б» стояло слово «буржуй» с изображением тучного капиталиста.

Политбойцы возили с собой небольшие библиотечки. Каждое утро, просыпаясь, бойцы находили у коновязей пачку свежих газет.

Среди политических работников кавалерийской бригады было много коммунистов — питерских рабочих, посланных партией на Юго-Западный фронт. В первых же боях они крепко сдружились с бессарабцами, начавшими свой боевой путь в красногвардейских отрядах Приднестровья.

Комиссаром первого полка был высокий, стройный тверяк Владимир

Чистяков, которого все в бригаде любили за его кристальную честность и отвагу. Чистяков поражал всех своим спокойствием, своей подтянутостью. Таким он был, когда в часы затишья настойчиво помогал бойцам ликвидировать неграмотность и сам разрисовывал самодельные буквари; таким он был, когда во время атаки бился рядом с горячим и вездесущим Михаилом Нягу.

Лучшими помощниками комиссара Чистякова в его полку были такие котовцы, как командир пулеметной команды, хотинец Слива, безудержно храбрый в бою и скромный; политрук эскадрона Семен Раппопорт, мастер сабельной рубки, открытый и приветливый человек, и другие коммунисты. Многие из них, еще совсем юные по годам, были уже суровыми солдатами, воодушевленными самыми высокими идеями борьбы за счастье трудового народа, за коммунизм. Дружно и горячо пели во время переходов любимую «Варшавянку»:

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут.
В бой роковой мы вступили с врагами.
Нас еще судьбы неизвестные ждут.

Котовский был командиром-большевиком, свято и точно выполняющим волю партии. В боях ковалась его страстная большевистская убежденность. Его раздражала неповоротливость некоторых работников тыла. Он верно угадывал трусов и болтунов, произносивших пышные речи, и относился к ним с нескрываемым презрением. Котовский был человечен с пленными и беспощаден к врагам и изменникам.

Он дрался за дело рабочего класса, и сознание этого укрепляло его силу.

Котовский работал по заданиям партии со дня Великой Октябрьской социалистической революции. Он был преданным солдатом революции. Каждый свой шаг, каждый поступок подчинял он интересам партии и родины.

Незадолго перед войной с белополяками, во время стоянки на станции Жмеринка, в нетопленном штабном вагоне, написал он короткое заявление на листке из полевой книжки с просьбой о приеме его в члены партии большевиков.

День вручения партийного билета был для Котовского великим днем. Он часто вспоминал потом, как, получая партийный билет, невольно

вытянулся во фронт.

*

Армия Пилсудского, опомнившись от удара, нанесенного ей буденновцами, и получив подкрепление, перешла в наступление.

Группа генерала Краевского стремилась ворваться в промежуток между Первой конной и 14 армиями, зайти в тыл и нанести удар буденновцам с юга. Пехотные части и кавалерийская бригада Котовского должны были преградить дорогу наступающему противнику, расстроить замыслы панских генералов.

Белополяки подошли к Грицеву, который так недавно и так позорно оставила их кавалерия.

В эти дни трудно было установить, где расположены части красных и куда движутся белополяки.

Вся местность вокруг была наводнена войсками. Заняв Изяславль и перейдя на левую сторону реки Горыни, вырвавшаяся вперед кавбригада неожиданно оказалась отрезанной от других частей Красной Армии. Разведка донесла, что кавбригада окружена вражескими войсками. Котовский двинул первый и второй полки по разным направлениям, взяв на себя командование первым полком.

Разведчики то и дело натыкались на неприятеля, который нередко принимал их за своих. Еще в Грицеве, когда котовцы захватили много вражеского снаряжения, бойцы переменили свои рваные шинели на польские. Эти шинели однажды ввели в заблуждение и командира батареи Просвирина.

Котовский приказал Просвирину обстрелять вражеские окопы за речкой; сам же с полком двинулся в обход.

Просвирин охрипшим голосом командовал:

— Первая! Вторая! Огонь!..

Пока батарея обстреливала окопы, Котовский с первым полком ушел вперед. Батарея пошла вдогонку, но свернула не в ту сторону, приняв издали польских солдат за спешившихся котовцев. Батарея во весь карьер ворвалась прямо в расположение врага. Белополяки открыли огонь. Артиллеристы бросились бежать, оставив орудия врагу.

Комбриг был взбешен. Выслушав донесение Просвирина, он накинулся на него и артиллеристов, которые никак не могли отдышаться после стремительного бега.

— Проморгали, проморгали! — кричал Котовский. — И видеть вас не хочу, пока не вернете орудия обратно!

Он стучал кулаками по повозке...

— Ну как я донесу о том, что потерял батарею?! Никогда этого не будет!

Котовский дорожил честью своей бригады. С каким злорадством встретят враги весть об этой его неудаче! И, действительно, в тот же день командир 18 польской пехотной дивизии доносил командованию о взятии двух орудий.

Котовский, сохранявший спокойствие в самые страшные минуты, на этот раз был невероятно взволнован. Он ругал командиров и требовал во что бы то ни стало добыть обратно батарею. Он даже перестал разговаривать с Просвириным. Всю ночь он не мог заснуть; ходил взад и вперед, ложился, вскакивал, — вот-вот, казалось, он один пойдет в сторону белополяков и клинком расчистит путь к своей батарее.

Как было не дорожить такой батареей! Она заставляла замолкать десятки неприятельских орудий! «Папаша» Просвирин умел, стреляя из двух орудий, достигать непрерывного огня. Его артиллеристы работали с исключительной быстротой и точностью.

Теперь уже Котовский не думал о том, как вырваться из окружения белополяков. Он не уйдет отсюда, пока не вернет батарею обратно.

— Котовцы — не зеваки! — кричал он.

Несколько раз кидались полки на белопольские части, и, наконец, у деревни Белопиль, во время сокрушительной атаки, Котовский не только захватил оставленные орудия, но забрал еще одно панское. Только после этого он успокоился и донес о случившемся.

— Нате, держите! — сказал Котовский, передавая смущенному Просвирину орудия.

В придачу Просвирин получил из захваченных трофеев пять подвод с сахаром. Он обменял сахар на кожу, мобилизовал шорников и в несколько дней привел батарею в порядок.

*

Пилсудчикам не удалось прорваться в тыл красным войскам и обрушиться на Первую конную, которая уже заняла Ровно и подходила к Острогу. Боясь окружения, части 6 белопольской дивизии поспешно отошли к реке Икве, чтобы хоть здесь преградить путь красным войскам,

продвигавшимся к Галиции.

12 июля кавалерийская бригада Котовского форсировала реку Икву у местечка Дунаев и пошла на Почаев, рейдом в тыл белополякам.

Разъезды выехали вперед и залегли у шоссе, ведущего на Кременец — Почаев. По обе стороны шоссе стояла высокая рожь, и в ней бойцы укрыли лошадей. Услыхав приближение автомобиля, разведчики выскочили на дорогу.

— Стой, ни с места!

Машина остановилась в нескольких шагах от них. В ней сидели три панских офицера и один генерал. Бойцы передали по цепи:

— Комбрига вперед!

Вскоре на шоссе появился Котовский. Стараясь соблюдать вежливость, он представился захваченным пленным:

— Я — Котовский.

— А, господин Котов, — растерянно бормотали пилсудчики. У генерала и офицеров забрали полевые сумки с картами и бумагами. Самих же пленных комбриг приказал отправить в штаб, где они могли сообщить важные сведения.

Кавбригада рысью пошла на Почаев.

По дороге к Почаеву длинными вереницами плелись богомольцы в Почаевскую лавру.

Узнав о приближении красных частей, солдаты почаевского гарнизона бросились бежать.

Жители же не испугались. Как всегда, были открыты лавки.

Эскадрон остановился у монастырской гостиницы. Бойцы привязывали коней к коновязям. Монахи засуетились. Им было заказано приготовить обед на несколько сот человек.

Из домов выходили на улицу жители. Группа взволнованных людей подбежала к Котовскому.

— А комендант убежал к австрийской границе, вот только что!

— Это — злодей, кровопийца!

— Поймать коменданта! — кричали в толпе. Котовский приказал снарядить погоню.

Вскоре красноармейцы привели пойманного коменданта. Это был холеный, франтоватый пан. О приближении красных он узнал в тот момент, когда парикмахер делал ему прическу. Комендант города держал жителей в страхе, отличался утонченной жестокостью и самодурством. Разыскивая большевиков, он врывался в квартиры, перевертывал там все вверх дном и забирал все, что ему приходилось по вкусу.

Почаевцы только и ждали случая, как бы отомстить палачу за все его издевательства. И вот теперь он стоял перед судом народа, у монастырской стены.

По требованию населения котовцы всенародно судили почаевского коменданта.

— Ура, большевики! — раздавались восторженные крики. Почаевцы первый раз видели перед собой бойцов Красной Армии, ее командиров.

Паны распускали гнусную клевету про Красную Армию. В Почаев же пришли дисциплинированные красные кавалеристы: они вежливо обращались с жителями, улыбались девушкам, почтительно раскланивались со стариками.

В Почаеве котовцы освободили пленных красноармейцев.

В тюрьме находилось также несколько местных жителей, заподозренных в сочувствии коммунистам. Котовский собрал местных коммунистов.

— Вы должны действовать так, чтобы все знали, что Красная Армия несет освобождение трудовому народу, — говорил им комбриг. — Нам сочувствует все трудовое население, и вы должны остаться здесь на революционном посту.

Котовский оставил в Почаеве литературу на русском, польском, украинском и еврейском языках.

В Почаеве на военном складе котовцы нашли много оружия, гранат. Белополяки оставили в этом городе и большой запас фуража. Часть его котовцы взяли с собой; остальное же раздали беднейшему населению.

Котовцы осмотрели лавру, пообедали в монастырской гостинице, накормили лошадей.

Всего несколько часов погостили котовцы в Почаеве. Заиграл трубач. Приказано было двинуться в обратный путь.

— Мы еще придем сюда! — говорил Котовский новым знакомым.

Он наклонялся со своего рыжего Орлика, то и дело отвечая на поклоны, и высоко поднятой рукой прощался с почаевцами.

Утром 13 июля кавбригада, не потеряв ни одного человека, подошла к местечку Катербург.

*

С Катербурга начались бои за подступы к Кременцу. Местность здесь пересекали отроги гор. Противник использовал их как хорошее

естественное прикрытие.

Горинка была занята польскими частями. Имея много орудий и пулеметов, поляки превратили эту небольшую деревню в неприступную крепость. Несколько раз кавбригада пыталась атаковать Горинку, но всякий раз, не выдержав огня, отступала. Противник переходил в контратаки.

Утром 16 июля котовцы снова пошли на Горинку; второй кавполк комбриг оставил на фланге, первый же повел сам. Вступив в пшеницу, конники наткнулись на проволочные заграждения. Легионеры открыли артиллерийский огонь. Пришлось спешиться. Бойцы длинными цепями перебежали вперед, к опушке леса, окопанной глубоким рвом, и залегали у ската.

Несколько раз котовцы бросались в атаку. Но стоило только приподняться, как белополяки открывали сильный пулеметный огонь. Двинуться вперед — верная гибель...

«Умирая — убивай», — учил Котовский бойцов. И в минуту, когда у многих бойцов ослабела воля к победе, когда растерялись самые храбрые, он принял решение: собственным примером воодушевить бойцов.

Дав шпоры коню, комбриг выехал на дорогу. Котовцы увидели своего командира. Над головой его сверкал обнаженный клинок. В нескольких шагах за комбригом следовали на конях штаб-трубач и коновод Васька. Все трое ехали легкой рысью.

Белополяки сразу заметили Котовского. По дороге застрочил пулемет. Через несколько секунд огонь прекратился.

Котовский, не останавливаясь, объезжал цепь. Начальник штаба кричал ему вдогонку:

— Товарищ комбриг! Укройтесь за деревом!

— Подымайся в атаку! Вперед! — бросал бойцам Котовский. Огонь усилился. Совсем рядом, на дороге, разорвался снаряд.

Недолет. Не опуская руки, не наклоня головы, мчался Котовский. Снова разорвался снаряд, — перелет. А за ним — третий... И вдруг бойцы увидели, что Орлик мчится без всадника.

— Убит! — пронеслось по цепи. Иногда прошли секунды первого отделения, раздалось «ура». Один за другим вскакивали бойцы. Без команды, без командира бросились котовцы в штыковую атаку.

Несколько человек подбежало к месту, где разорвался снаряд. Они увидели Котовского. Упираясь ладонями в землю, он силился приподняться.

— Комбриг жив! Жив! — кричали друг другу котовцы. Теперь никакой огонь не мог удержать их.

Котовский поднялся, глубоко вдохнул в себя воздух и крикнул:

— Батарею сюда!

Он искал глазами Орлика. Раненый конь крутился на месте.

Вдруг Котовский побледнел, привел рукой по лицу и снова свалился на землю. Четверо коноводов подняли его и понесли на тачанку.

В нескольких шагах от места, где упал Котовский, стонал его коновод Васька.

В бою под Горинкой котовцы дрались особенно ожесточенно. Они мстили за своего любимого командира.

С фланга выскочил 2 полк. Далеко за Горинку преследовали котовцы противника. Враги бросали пулеметы и орудия, сдавались в плен, падали на колени и кричали: — Пане, не стреляйте!

...В местечке Катербург, где стоял штаб бригады, Ольга Петровна, как всегда, ждала исхода боя, готовясь немедленно оказать помощь раненым. Вот уже прибыли первые раненые, вынесенные санитарями из-под огня.

Как ни тяжело был ранен боец, а всегда во время перевязки рассказывал «мамаше» подробности боя, сообщал о том, что комбриг жив и невредим и о том, как его самого ранило.

На этот раз раненые молчали. Ольга Петровна сразу поняла: что-то случилось. И только один боец сказал как бы про себя: — А как там наш комбриг бедный, сильно его контузило... Ольга Петровна впрыснула раненому морфий, чтобы успокоить боль. Несколько секунд она была в оцепенении, а потом быстро собрала медикаменты и на фаэтоне выехала вперед, по дороге к деревне Горинка.

С вечера тучи обложили небо. Как только стемнело, разразилась гроза. Казалось, что бой еще продолжается. Изредка молнии вспышками освещали дорогу.

Ольга Петровна остановила первую подводку, которая ехала со стороны Горинки к Катербургу. Она зажгла пучок соломы и на телеге увидела Ваську-коновода, своего старого приятеля. Еще вчера она заставила его остричь волосы и выстирала ему гимнастерку... Коновод узнал «мамашу».

— Куда ранен? Сейчас перевяжу тебя.

— Не надо. Поспешите... Товарищ Котовский, должно, ранен, его перевязать надо. А я все равно помру: в живот... Передайте командиру привет!

Ездовой светил, а Котовская перевязывала стонавшего Ваську.

Здесь же, на дороге, она встретила штаб-трубача. Он сидел на своем Бельчике, держа на поводу Орлика. Орлик шел медленно, низко опустив шею, израненную осколками.

Штаб-трубач ничего не мог ответить на расспросы Ольги Петровны.

Скоро показалась и тачанка, на которой лежал Котовский. В его голове не умолкал шум... Ему трудно было дышать. Горела грудь.

Григорий Иванович не узнал жену. В бреду он то вскакивал на повозке, размахивая кулаками, то хрипел и хватался за грудь.

Всю ночь он метался, звал жену, сидевшую рядом. Приходя в себя, он говорил Ольге Петровне:

— Я знал, что ты будешь со мной.

Утром Котовского в сопровождении жены отправили в тыл для лечения. Он очень тяжело переносил контузию.

Командование настаивало на том, чтобы как можно скорее доставить его в Одессу, к морю.

Котовскому было выдано удостоверение в том, «что он в славном бою под деревней Горинкой (в районе г. Кременца) тяжело контужен и направляется в тыл для лечения. Все гражданские и военные учреждения благоволят оказывать всемерное содействие для скорейшего восстановления здоровья выведенного из строя славного командира и возвращения его в дивизию».

Комбрига доставили в Проскуров, где железнодорожники снарядили специальный паровоз с прицепным вагоном.

*

Поезд уносил героического комбрига и его подругу в глубокий тыл, в Одессу, к морскому простору, который так любил Котовский.

Первый раз Ольга Петровна, врач бригады, покидала фронт. Это она организовала лазарет бригады и перевязочные пункты. В полуразрушенных бараках, в оставленных вагонах устраивала она операционную, палаты, кухню; добывала для бойцов подушки и матрацы. Ей, как никому, доверяли раненые и больные котовцы. Своей ласковой речью она словно успокаивала боль. Ольга Петровна приготавливала лекарства, прописывала процедуры, ставила компрессы, кормила тяжело больных и раненых, превращаясь то в сиделку, то в кухарку, а то и в лектора объясняла бойцам, как устроена земля, почему зимой падает снег; рассказывала о планетах, о писателях и о революционерах. Когда надо было, она сама делала опаснейшие операции, но как только представлялась возможность, разыскивала среди местных жителей бывших земских врачей-специалистов и вела их в свой лазарет. Раненые бойцы всегда настаивали, чтобы при

операциях присутствовала Котовская. Каждый котовец чувствовал на себе заботу Ольги Петровны.

Днем и ночью, совершая тяжелые переходы, часто попадая под обстрел на передовой линии фронта, Ольга Петровна появлялась всюду, где нужно было оказать помощь.

Котовцы были уверены, что «мамаша» выходит их комбрига. В Одессе уже ждали прибытия раненого Котовского. Весь перрон был заполнен встречающими. Но, учитывая тяжелое состояние комбрига, было решено не утомлять его встречей. Его вынесли из вагона, когда встречавшие уже разошлись, оставив для него букеты живых цветов.

Котовский жил в Одессе в особняке на Французском бульваре. Всеми своими мыслями больной комбриг был на фронте, на галицийских полях, где его бригада продолжала наступление.

Когда спала высокая температура и прошли боли в области живота, Григорий Иванович с палочкой в руке стал выходить из особняка. Ему хотелось обойти весь город, показать жене места, связанные с его пребыванием в подполье. Но непривычная слабость гнала его обратно в постель. Когда же ему становилось чуть лучше, его снова тянуло на одесские улицы, и он, прихрамывая, долго бродил, восхищаясь листьями катальп и тенью платанов.

Котовский решил, что нигде он так быстро не выздоровеет, как на Днестре, и без долгих сборов выехал в Тирасполь. Здесь хотел он закончить свое лечение и вынужденный отдых.

В Тирасполе Котовский часто ходил на берег Днестра, к могиле любимого им комиссара — большевика Христофорова. Отсюда он часами смотрел вдаль, на Бессарабию.

Однажды он решил искупаться в Днестре. Войдя в воду, он долго растирал грудь, радостно плескался и нырял, словно верил, что днестровская вода поможет ему преодолеть последствия контузии.

Он так увлекся купанием, что не заметил, как на той стороне переполошились агенты сигуранцы, то и дело наводившие на него свои бинокли. Из кордона выбежала стража.

В дни пребывания Котовского в Тирасполе, в городе состоялся уездный съезд комитетов незаможных селян.

Приднестровские бедняки пригласили Котовского побывать на съезде, помочь им советом, как лучше провести землеустройство, а также и в других делах. Они избрали его почетным председателем съезда.

Несколько дней продолжалась борьба за овладение Кременцом.

— Мы еще вернемся, — говорил недавно Котовский, когда бригада

покидала Почаев.

Теперь бригада снова шла на Почаев. Временно командовал ею командир 1 полка.

Белополяки, отступавшие от Кременца, у Ново-Почаева перешли в наступление.

...23 июля 1920 года. Жаркий летний день сверкает над спокойной рекой Горынью и быстрой Иквой, притаившейся в камышах.

Среди холмов и пригорков возвышается Божья гора. Ее склоны обросли густым терновником, орешником и молодыми дубками. Здесь теснили белополяки котовцев со всех сторон. На Божьей горе расположили они батареи, пулеметы, минометы. Белополяки были уверены, что у подножья горы целиком погибнет ненавистная им красная бригада.

Котовцы мужественно шли на врага, на его орудия, извергавшие огонь. Один шел, а другой, рядом, падал, полз вперед на животе, раздирая лицо и руки о колючие ветви. Трусами лучших бойцов устилала подножье Божьей горы котовцы, пробивая брешь в рядах пилсудчиков. Когда же после четырехчасового боя кавалеристы вырвались из кольца, то тут же, вместе с подошедшей пехотой, вновь повернули на Божью гору.

В разгаре боя из садов соседней деревни вылетела 11 кавалерийская дивизия буденновцев. Она подспела вовремя. Измученные долгим боем, котовцы, увидев буденновцев, забыли об усталости и бросились в новую атаку.

Белополяки выскакивали из окопов, кидали гранаты; не умолкал артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь, гудела земля.

Пехотинцы лезли на гору, обрывали проволоку, скатывались назад и снова поднимались к вершине. Вниз летели камни. Но вот красноармейцы достигли вершины горы. Белополяки обезумели. Они бежали, оставляя обозы, батареи.

Немало красных бойцов легло у Божьей горы, но белополяков — гораздо больше. Вся земля, все канавы и дороги от Божьей горы к Почаеву были устланы трупами зарубленных.

Вот они, уже знакомые стены Почаевской лавры, и дорога, которую с обеих сторон охраняют тополя! Вот она, река Горынь, омывающая волнистые берега Галиции! Кони котовцев скачут по галицийской равнине.

Вечером 24 июля кавалерийская бригада Котовского вступила в пределы Галиции, с упорными боями пробиваясь в глубь Западной Украины. Бойцы проходили по Галиции и всюду видели следы недавних разрушений. Эту землю взрывали германские «чемоданы», здесь происходили ожесточенные бои с немцами. Поля Галиции пересекались

далеко тянувшимися окопами. Жители сел, еще не опомнившиеся от боев империалистической войны, с боязнью встречали бойцов Красной Армии.

Бойцы знали, что к ним присматриваются из каждого окна. Всем своим поведением старались они рассеять страх населения.

Конники вели себя безупречно. Они смотрели на местных жителей не взором гордых завоевателей, а с приветливой улыбкой. Опровергая рассказы ксендзов и кулаков, они объясняли, что красные пришли сюда воевать только с помещиками и буржуазией, пытавшимися задушить и залить кровью молодую страну Советов.

Немало бедняков добровольно вступало в ряды Красной Армии. И от этого еще сильнее разгоралась злоба польских буржуазных националистов и контрреволюционеров.

В часы привалов, под тенью столетних дубов и каштанов, во время переходов и особенно в бою командиры и бойцы то и дело вспоминали своего комбрига.

Котовский любил спать на открытом воздухе в саду, положив под себя попону; то останется ночевать с пулеметчиками, то заночует у артиллеристов, а утром первым подыметесь и пойдет соломинкой будить тех, кто любит поспать подольше. Разбудит всех и поведет с собой на пруд делать гимнастику.

Котовский знал каждого бойца бригады: откуда он родом, кто его родные, как ведет он себя в бою. В боях росла привязанность бойцов к комбригу.

...В один из походов, когда нестерпимо палил зной и все изнемогали от томящей жажды, бойцы наткнулись на лужу воды. Котовский подошел к ней только после того, как все бойцы жадными глотками утолили жажду. Отдуваясь и вытирая голову, покрытую потом, он пил последние мутные остатки влаги.

Во время походов Котовский часто ехал в строю и подолгу рассказывал бойцам о каторге, о своих побегах, о том, как работал он грузчиком и кочегаром...

...Однажды нужно было перерезать провода на телеграфных столбах.

— А ну, кто полезет? — спросил Котовский.

Бойцы пробовали взобраться на столб, но каждый раз срывались. Котовский рассердился:

— Я в ваши годы, знаете, как лазил!

Он спрыгнул с коня, обхватил руками ствол и начал взбираться наверх.

— Товарищ комбриг! Столб не выдержит!

Но Котовский был уже наверху. Оборвав провода, он смотрел сверху

смеющимися глазами на бойцов.

Во время передышек, на досуге, Григорий Иванович любил возиться с детьми. Он набивал свои карманы сладостями и часто шел по улице, окруженный ребятишками, которым раздавал гостинцы.

В одном селе Котовский остановился в доме, где сразу же подружился с шустрым мальчуганом. Он возился с ним, высоко подбрасывал его, усаживал к себе на колени и раскачивал на носках. Мальчик так привязался к нему, что расплакался, когда «дядя» собрался уходить. В это время в хату вошел один из адъютантов и обратился к комбригу: — Товарищ Котовский!

Мать мальчика всплеснула руками. Она не знала, что этот военный, игравший с ее сынишкой, и есть Котовский. С изумлением смотрела она на него. А Котовский, держа ручонку ее сына в руке, важно прощался с ним.

— Боже мой! — заговорила женщина. — Ведь паны и нас и детей наших пугали, говорили, подождите, вот придет Котовский, всем задаст, со всеми расправится. И я своего мальчишку всегда страшила вами: «Не будешь слушаться — отдам тебя Котовскому», — говорила ему. А вот судьба свела, так ребенок от вас уходить не хочет. Я его пугала вами, а вы — вот какой!

Особенно любил Котовский подростков. Он заботился о них, как отец: одного мальчугана вся бригада называла «сынком Котовского».

...Как-то комбриг, проезжая через украинское село, обратил внимание на мальчугана-карлика. Мальчик оживленно что-то рассказывал окружающим его ребятам, Котовский подъехал ближе и прислушался. Он решил посмотреть, в каких условиях живет этот мальчик, поразивший его своей рассудительной речью. Подъехав к грязной хатенке, Котовский переступил порог и увидел неприкрытую, безысходную нищету. Мать карлика была вдовой. Она осталась одна с многочисленными детьми. За ее юбку держалась маленькая девочка, тоже карлица. Мать рассказывала Котовскому о Фоме — так звали мальчику-карлика. Трудно ей было прокормить детей. Фома присутствовал при этом разговоре; он смотрел исподлобья то на военного в красных штанах, то на мать.

— Ну, так отдайте нам Фому на воспитание! — попросил Котовский. Мать долго не соглашалась:

— Как же мне без сына-то!

Тогда Григорий Иванович стал уговаривать Фому, с удивлением прислушиваясь к его умным ответам:

— Наша бригада будет твоим домом. Я сделаю из тебя человека.

Котовский вывел Фому из хаты, осторожно сжимая в своей руке руку мальчика, словно боясь причинить ему боль. В этот же день он отправил

его к жене, в тыл бригады. Он писал жене: «Посылаю тебе „гиганта Фому“, о будущем которого нужно позаботиться. Я едва уговорил мать отдать этого героя нам, чтобы вырвать его из нужды и темноты деревенской. И вот нам, коммунистам, предстоит задача сделать из него гражданина республики. Ты его обмой, полечи и подкорми сначала, а уж потом будешь воспитывать и обучать. Он умница, развит, но забит и несчастен ужасно. Братва его в обозе, конечно, испортит, создав из него шута, а у него умная и чуткая душа».

Фома предстал перед Ольгой Петровной в громадных, сваливающихся с ног, разбитых сапогах; половину его лица прикрывал большой синий картуз. Фома был весь во вшах, тело его покрывала грязь.

В первый же вечер Ольга Петровна вымыла мальчика, постригла ему волосы, намазала мазью болячки. У Фомы пропало все его красноречие. Он неловко чувствовал себя в чистоте. Но скоро освоился.

Ольга Петровна сшила Фоме костюм. Лучший местечковый сапожник снял мерку и сшил ему сапоги. Котовская научила мальчика читать, и скоро вся бригада называла «сынка Котовского» по имени-отчеству — Фомой Федотовичем.

Тринадцатилетний мальчик жадно ловил каждое слово комбрига. Он припоминал эти слова, когда влезал на тачанку и обращался к жителям с речами о революции, о борьбе с панской Польшей...

Так Фома Федотович стал популярным оратором.

Особенно любил он толковать о земле. В каком бы селе ни останавливались бойцы, Фома собирал вокруг себя крестьян и беседовал с ними. Он был хорошим агитатором. Вначале люди смотрели на него с любопытством, а потом начинали толкать друг друга:

— Який маленький! На вид дитина, а як говорит гарно!

Фома научился читать газеты. В несколько недель изменился его внешний вид, исчезли старческие черты лица. Он осмелел, перестал стесняться Котовского, во время общего разговора вставлял свои замечания.

Не мог Фома не проникнуться и кавалерийским духом. Он любил спать на тачанке, и часто бывало так, что он просыпался во время боя, когда начинал стрелять пулемет. Высшим же наслаждением для Фомы было, когда кто-нибудь из бойцов сажал его на коня впереди себя и несся во весь опор. Фома крепко держался руками за гриву и приговаривал: — А ну швидче, швидче!

Фома мечтал подрасти хотя бы на вершок. Но эта его мечта так и не осуществилась.

Котовский выполнил свое обещание: он сделал из Фомы гражданина советской республики. Фома Федотович здравствует и поныне. Он живет на Украине, работает, и его уважают, как умного и хорошего человека.

...Котовский, страстно любивший жизнь, кидался в бой, как пловец в поток. Сколько раз, казалось, достигала его смерть, но каждый раз он оставался невредимым. Он умел прямо смотреть в глаза смерти и был готов в любую минуту отдать свою жизнь революции.

В письмах жене Котовский писал иногда и о «мелочах житейских»: «Ты напрасно сшила мне из зеленого сукна блузу. Я хотел отдать сукно хорошему портному. Жаль хорошего сукна. Черная рубашка, которую ты мне прислала, не годится, так как воротник не сходится на целых полтора-два дюйма. Выстираешь синюю, которую я тебе выслал позавчера, шитую в Одессе, и пришли мне». «Сапоги высылаю назад. Обую их зимой. Очень тяжелы. Желтые уже рвутся, я их донашивать буду».

И в этих же письмах он писал: «Милая, дорогая, желанная Лелечка! Каждый раз, когда приходит летучка „оттуда“, где ты, моя родная, ненаглядная, душа моя переживает какой-то удивительно сложный и сильный по остроте своего переживания момент. Каждый раз хочу послать тебе на бумаге то, что у меня на душе, — мое чувство... Эх, да разве вместит весь мир мою любовь?!»^[35].

Это «оттуда» обычно находилось на расстоянии не больше десяти-пятнадцати километров, которые отделяли тыловой штаб бригады и обоз от передовой.

На листках из блокнота, на оберточной бумаге, которую Котовский исписывал то крупным, то мелким почерком, сообразуясь с размерами бумаги, сколько было горячих и нежных слов!

Котовский хотел жить и любить, и вся его громадная жажда жизни подчинялась основному стремлению — победить во что бы то ни стало, отдать себя целиком революции, пролетариату, который не может не победить! Это было глубокой верой Котовского; об этом говорил он, когда звал бойцов за собой в атаку; об этом он думал и; писал в приказах и в письмах. Это придавало целеустремленность всем его действиям и поступкам.

...Часто в перерывах между атаками и рейдами, во время походов, Котовский вместе со штаб-трубачом подъезжал к своему фаэтону, который следовал в обозе. Алеша-кучер пересаживался с козел на коня комбрига, штаб-трубач брал вожжи, и Котовский, доставая из кузова фаэтона корнет, отдыхал, наигрывая на нем мотивы, которые слышал на Нерчинских рудниках, на Волге, в Бессарабии, играл протяжные молдавские дойны.

В середине августа 1920 года Красная Армия, преодолевая болота, форсируя реки, выбивая противника из блиндажей и окопов, приближалась к Львову.

С севера наступала Первая конная армия, с юга двигалась группа войск золочевского направления, в которую входила бригада Котовского.

Вечером 19 августа кавалеристы остановились неподалеку от Львова. Августовская ночь укрыла тьмой стоявший под ударом наших войск город, его дома, бульвары и холмистые пригорки. В городе не зажигали огней, только было слышно, как лают собаки на окраинах.

Всего несколько километров отделяло конников от Львова.

Бойцы уже думали, что они будут кормить лошадей во Львове, уже мечтали, как они проедут по улицам этого древнего города. С каким же разочарованием и возмущением они узнали о приказе, который приостановил наступление!

Согласно приказу предателя Троцкого, Первую конную армию перебрасывали на Западный фронт, несмотря на то, что член Реввоенсовета Первой конной тов. Ворошилов в своей телеграмме от 21 августа 1920 года за № 177, оценивая создавшуюся обстановку, предупреждал командование, что снятие конной армии с Львовского фронта в момент, когда армия подошла вплотную к городу, приковав к себе до 7 дивизий противника, является крупнейшей ошибкой.

Враг народа, предатель Троцкий, в самые тяжелые и решающие дни шел против большевистской партии, против Ленина и Сталина.

«Что касается войск южного фронта, стоявших у ворот Львова и теснивших там поляков, то этим войскам „предреввоенсовета“ Троцкий воспретил взять Львов и приказал им перебросить конную армию, то есть главную силу южного фронта, далеко на северо-восток, будто бы на помощь западному фронту, хотя не трудно было понять, что взятие Львова было бы единственно возможной и лучшей помощью западному фронту. Но вывод конной армии из состава южного фронта и отход ее от Львова означали на деле отступление наших войск также и на южном фронте. Таким образом, вредительским приказом Троцкого было навязано войскам нашего южного фронта не понятное и ни на чем не основанное отступление, — на радость польским панам. Это была прямая помощь, но не нашему западному фронту, а польским панам и Антанте»^[36].

Если бы не преступный приказ Троцкого, Первая конная и другие красноармейские части выбили бы белополяков из древнего украинского города. Львов стал бы советским. Красная Армия, воодушевленная победой, нанесла бы тогда белополякам поражение за поражением. Миллионы украинцев и белоруссов не попали бы под панский гнет.

...Под Львовом котовцы расстались с Первой конной. Когда белополяки узнали о переброске Первой конной, они все свои силы направили против оставшихся частей Красной Армии, стремясь взять их в кольцо. Пехотинцы, в потрепанных шинелях, в разбитых по галицийским дорогам сапогах, вместе с котовцами должны были выдержать натиск вражеских дивизий и принять на себя всю тяжесть их удара.

Кавбригада прикрывала отступление стрелковых бригад. И когда, казалось, вот-вот сомкнется вражеское кольцо, котовцы поворачивали коней и бросались в атаку на противника. Даже во время отступления котовцы брали в плен сотни белопольских солдат, захватывали орудия и пулеметы.

Котовцы уходили, но это не было обессилевшее войско, растерявшее своих людей и способность сопротивляться; они отступали, отмечая свой путь так же, как и всегда, победами.

В последнем бою, под Милятином, погибли два друга — пулеметчики 2 кавполка, Фома и Август.

При отступлении Фома Сниковский всегда уходил последним. Он любил, замаскировавшись, выжидать приближения противника и открывать по нему стрельбу в упор. Этот пулеметчик не раз преграждал своим огнем дорогу польским частям.

Так было и на этот раз, когда на Фому Сниковского, скрытого в засаде, неожиданно налетели белополяки. Фома не растерялся и открыл по ним бешеный пулеметный огонь. Своей стрельбой он хотел предупредить полк, который в это время расположился на отдых, о приближении белополяков.

Смертельно раненный пулеметчик отстреливался до тех пор, пока не подоспели товарищи.

За несколько месяцев перед этим Сниковский вступил в коммунистическую партию. Ко времени своего ранения он был уже председателем партколлектива полка. Он знал, что в штабе бригады получена телеграмма о том, что завтра должен возвратиться Котовский. Вместе с другими пулеметчиками он, специально к приезду комбрига, отремонтировал пулеметные тачанки. И, умирая на руках друзей, он говорил о том, что хотел бы прожить еще несколько часов, чтобы дожидаться приезда комбрига.

27 августа Котовский вернулся и вступил в командование бригадой. Бойцы радостно встретили своего командира. Но комбриг был грустен и задумчив. Он отсутствовал всего шесть недель, а сколько за это время погибло его лучших бойцов! Ивана Резниченко разорвало снарядом, Будник скончался в лазарете, Кониеско погиб от пули...

На похоронах пулеметчиков Котовский произнес речь. Глядя на лица погибших бойцов, он говорил о том, что «каждая капля пролитой крови в будущем превратится в лучезарные звезды завоеваний пролетариата», и о том, что грядущие поколения будут помнить таких коммунистов, как Фома Сниковекий...

В этот день комбриг побывал во всех эскадронах. Он смотрел на бойцов, оставшихся невредимыми, и, когда замечал тех, кто не сразу попался ему на глаза, громко выражал свою радость: — Жив!

— Жив, товарищ комбриг!

Котовский благодарил бойцов за их героизм, проявленный в последних жестоких боях, за то, что без него они дрались так же, как и с ним.

В этих последних боях котовцы понесли большие потери. Но, вместо погибших и раненых, в строй вступали новые бойцы, все время прибывавшие в бригаду.

Где бы ни дралась бригада, а пополнение она, как и прежде, получала из Тирасполя, где не прекращало свою работу вербовочное бюро. Туда по-прежнему стекались перебежчики из Бессарабии, юноши из Приднестровья, мечтавшие сражаться под командованием Григория Котовского.

В сентябре 1920 года работу по формированию новых пополнений проводили в Тирасполе и представители Одесского губкома КП(б)У. Любопытна телеграмма, полученная тогда в Одессе из Тирасполя: «Результаты формирования ничтожны. Причина: пребывание верббюро Котовского, выкачавшее шестьсот сознательных добровольцев»^[37].

Котовский знакомился с новыми своими бойцами. Он проведаль и своего Орлика, который оставался на попечении ветеринара. До сих пор у коня не зажили многочисленные раны на шее и на ногах. Ольга Петровна сама взялась за его лечение, обмывала ему раны, делала перевязки. Комбриг стоял в стороне и утешал Орлика: — Терпи, Орлик, терпи.

В награду за выдержку Котовский протягивал Орлику сливы. Конь ел сливы, выплевывая косточки.

Красная Армия отступала, но и отступая, она яростно и сильно била польских панов.

Отступая, котовцы пополняли боевые запасы своей бригады. Они захватили у белополяков несколько батарей, пулеметов и немало снаряжения.

В одном из своих донесений Котовский писал: «Задержал пехоту... Повернув ее на противника, я пустил в обход слева кавалерию, открыл ураганный огонь с конной батареей, и через минуту противник повернул назад и начал в панике бежать, бросая снаряжение, обмундирование»^[38].

Вместе с котовцами стрелки бросались в штыковую атаку.

Во время отступления, в трудные моменты, в пехотных частях командиры пускались на хитрость. Они говорили бойцам, что им на помощь идет Котовский. И это вызывало подъем у бойцов. В самые тяжелые минуты, когда комбриг видел, что даже проверенные люди начинали нервничать, сам он, наоборот, становился еще более спокойным.

Однажды, во время отступления, когда враги наседали со всех сторон, Котовский в сарае, двери которого были открыты настежь, занимался утренней гимнастикой.

Через село в это время поспешно проходили отступавшие пехотинцы. Вслед за ними пронеслись вскачь и всадники.

Котовский же, как ни в чем не бывало, продолжал делать гимнастику. Один из командиров торопил его:

— Товарищ комбриг, гимнастику сделаете потом!

— Ничего, пусть подождут, — отвечал Котовский, продолжая размахивать гирями.

— Мы погибнем.

— Пока я не кончу, ничего не случится.

Одевшись, он вышел из сарая и спокойно пошел по селу, держа в одной руке обнаженную шашку, в другой — револьвер. Он пропустил мимо себя скачущий взвод, сел на подведенного коня и выехал на окраину села, где бригада уже была в сборе. Котовский поправил шапку на затылке, посмотрел с укором на торопивших его командиров и скомандовал: — А ну, братва, теперь за мной!

И повернул свою конницу против наступавшего противника. Быстро разогнав цепь вражеских пехотинцев, конница снова заняла то же село, и Котовский приказал бойцам, прежде всего, привести в порядок весь конский состав. Он сам следил за тем, как бойцы чистили лошадей.

Комбриг учил своих подчиненных выдержке, воспитывал их так, чтобы они не терялись в любой обстановке. Ведь не раз ему самому

приходилось выполнять то, что казалось невыполнимым. В дни отступления, когда приходилось вести особенно тяжелые, кровопролитные бои, кавалерийская бригада, в отрыве от других частей, один на один встречалась с многочисленными частями противника. И она пробивалась там, где казалось, что все пути уже были отрезаны.

Однажды кавалеристы должны были форсировать реку перед самым носом укрепившегося противника. Котовский старался не выдать своего волнения; он понимал, что многим придется погибнуть в этом бою. В бою пало много доблестных героев, но Котовскому удалось выбить противника из населенного пункта на противоположной стороне реки.

Красная Армия оставляла пределы Польши и, несмотря на свою неудачу под Варшавой, выходила победительницей из войны с белополяками, отстояв неприкосновенность родины.

Только предательство Троцкого помогло пилсудчикам избежать полного разгрома.

Империалистам не удалось руками польских панов задушить Советскую Россию. Красная Армия, ведя освободительную войну, сражалась тогда и с врагами трудовой Польши, с ее поработителями и предателями.

В сентябрьскую безлунную ночь котовцы вступили в подольскую лесостепь. Здесь пехотинцы и конники решительно повернулись и твердо стали лицом к фронту противника.

Пятого октября 1920 года кавалерийская бригада сосредоточилась в районе Хмельника, где начались упорные бои с противником, который хотел захватить район Винницы.

В то время, как в Риге велись дипломатические переговоры о мире, котовцы были настороже. Они отвоевывали каждый вершок, каждую пядь советской земли. Упорными боями они подкрепляли доводы советских дипломатов. В холодные октябрьские дни заканчивались последние бои. И вот настал день, когда с утра стало известно, что к двенадцати часам ночи война должна кончиться.

Многие считали тогда, что от того, на каких рубежах полночь застанет белополяков и советские части, будет зависеть будущая граница. А поэтому нужно во что бы то ни стало выбить противника из местечка Хмельник.

С небывалым ожесточением отстаивали в этот день котовцы землю своей родины. Пулеметчики и разведчики рвались вперед, прорывали вражеские цепи, открывали ураганный огонь. Санитарам трудно было уговорить раненых покинуть бой.

Только в полночь замолкли последние ружейные и пулеметные

очереди. Наступила лунная ночь. Сразу воцарилась тишина.

Командиры благодарили бойцов. Собирались эскадроны, и тишина ночи снова была потревожена, на этот раз уже красноармейской песней.

Глава шестая

КОНЕЦ ПЕТЛЮРЫ

20 октября 1920 года в Риге был подписан мирный договор с панской Польшей.

По течению Збруча и в лесной чаще Полесья устанавливались опознавательные знаки государственной границы.

А на юге советской страны продолжались бои с белогвардейскими частями барона Врангеля, вооруженного Антантой.

Красная Армия шла на штурм Перекопа и Чонгара. Под ураганным огнем бойцы переходили Сиваш.

В эти героические дни 1920 года бригада Котовского, отделенная сотнями верст от Крыма, выступала в новый поход.

На юго-западе Украины агенты Антанты поспешно сформировали из остатков разбитой белогвардейщины так называемую «третью армию Врангеля», которая совместно с петлюровцами должна была нанести новый военный удар советской стране.

Эту авантюру возглавлял заклятый враг украинского народа, буржуазный националист Петлюра, который уже не раз выполнял самые черные и провокационные задания иностранных интервентов.

По захваченным документам командование Красной Армии установило, что петлюровцы готовят общее наступление своих дивизий на фронте от Могилев-Подольска до Винницы, с главным направлением на важнейший железнодорожный узел — станцию Жмеринка. Петлюровцы хотели выйти в тыл и на фланги частей Красной Армии для того, чтобы поднять контрреволюционный мятеж, объединив вокруг себя многочисленные бандитские шайки, действовавшие на Украине.

Удар по Петлюре готовился заблаговременно и организованно. Во всех подразделениях проводились беседы о том, какую угрозу представляет Петлюра для трудящихся Украины. В эскадронах проходили митинги.

Партийная конференция бригады объявила «неделю ликвидации петлюровщины». Этот боевой лозунг никого не оставил равнодушным.

И на этот раз отдельная кавалерийская бригада под командованием Котовского должна была выступить в новый поход совместно со стрелковыми частями 45 дивизии.

В этом походе командование возложило на Котовского с его бойцами

самые трудные и ответственные задачи.

Скрытно и незаметно продвинулись части 14 армии навстречу врагу и заняли выгодное исходное положение.

В ненастное зимнее утро 10 ноября началась «неделя ликвидации петлюровщины».

Бригада сразу же перешла в наступление.

По сильно пересеченной местности, по дороге, испорченной дождем, в густом тумане, котовцы мчались вперед Вот и деревня Березовка, занятая противником. Петлюровцы открыли частый пулеметный, ружейный и артиллерийский огонь. Березовка была сильно укреплена. Атаковать ее в конном строю было нельзя. Котовский приказал 2 полку, который шел в голове колонны, спешиться и при поддержке конной батареи, выдвинутой на прямую наводку, выбить противника. Спешившиеся кавалеристы дружным ударом выбили петлюровцев из Березовки. 2 кавалерийский полк был снова посажен на коней. Наступление продолжалось.

Котовцы разбили «железную» дивизию Удовиченко, одну из надежнейших петлюровских частей; захватили около четырехсот человек пленных, шесть легких орудий, одиннадцать пулеметов, большой обоз и даже канцелярию. Лихой атакой они сбили и обратили в бегство петлюровских кавалеристов.

Наступление, предпринятое Красной Армией, расстроило все планы петлюровского командования.

В первый же день боев многие из насильно мобилизованных Петлюрой побросали оружие, разошлись по домам или перешли с оружием на сторону красных. Чтобы избежать разгрома и выиграть время, петлюровцы стали отходить.

Конники Котовского, утомленные дневными атаками, сделали привал в деревне Беяны.

Комбриг остановился в большом поповском доме. Здесь Котовский узнал, что в прошлую ночь в этом же доме, на широкой кровати, предоставленной сейчас ему, изволил почивать атаман Фролов, командовавший большим отрядом петлюровской кавалерии. Этот атаман только вчера говорил при всех, что он считает Котовского серьезным противником и мечтает помериться с ним силами.

Котовский и раньше слышал о Фролове — сыне известного царского генерала, окончившем до революции военную академию.

— Что ж! Если мы встретимся с ним лицом к лицу, буду рад тому, — сказал комбриг. — Я верю в своих орлов!

Утром бригада продолжала наступление. Разведка обнаружила

движение кавалерийских частей противника. Котовский решил вступить с ними в бой. В конном строю, с шашками наголо, котовцы атаковали деревню Бендичаны. Не выдержав удара, петлюровцы бежали из нее. Это была та самая хваленая кавалерия, которой командовал атаман Фролов.

Котовцы настигли вражеских конников за Бендичанами. Началась рубка. Ржали и храпели кони, сверкали клинки. Под копытами дрожала промерзшая земля. Протяжные кавалерийские команды и сигналы труб сливались со стонами раненых.

Фроловцы повернули коней. Среди других трофеев было захвачено их знамя. На черном полотне серебром была вышита крупная буква «Ф».

Одиннадцатого ноября Котовский разгромил значительную часть отряда Фролова.

Наступление продолжалось беспрерывно и 12 ноября. Но в этот день уже трудно было разобраться в обстановке и точно установить, где какая находится часть. Все перемешалось. Одни части противника отходили, другие же подтягивались и переходили в контратаки. То и дело происходили непредвиденные стычки.

В одном месте эскадрон котовцев натолкнулся на петлюровских конников, которые переправлялись через реку, прикрываясь белым флагом. Котовцы погнались за ними. Они застрелили лошадь одного петлюровца, но он успел вскочить на другого коня и умчался. Котовцы бросились к убитой лошади, сняли седло и открыли кобуру. По документам и монограммам оказалось, что удравшим всадником был не кто иной, как петлюровский полковник Юрко Тютюнник, командовавший петлюровской «гвардией». К Котовскому подъехал Просвирин:

— В тыл наступает конница, всадников шестьсот, а то и больше. Я едва успел снять батарею.

— Откуда наступает?

— Из деревни Татариска.

Котовский решил сам проверить, что это за конница. Он взял с собой несколько разведчиков, знаменщика со знаменем 2 полка и несколько командиров.

Еще издали котовцы увидели выстроившуюся у шоссе в боевом порядке конницу. Ее было не менее тысячи сабель.

Когда подъехали еще ближе, стало ясно, что это не свои.

Котовский понял, что в тыл его бригады вышла какая-то кавалерийская часть противника. Отступить было поздно.

Петлюровцы, заметив приближение всадников, выслали навстречу взвод, сабель в тридцать. Впереди несли сотник.

Петлюровцы приближались галопом. Не доезжая, сотник крикнул:

— Кто вы такие?

— Котовцы, — услышал он в ответ. — А вы кто?

— Мы — казаки Яковлева. Будете драться или сдаетесь?

— Сейчас подумаем, — ответил Котовский и шепнул одному из своих командиров: — Оставайтесь и ведите переговоры, пока я не подведу бригаду.

Командир сразу же понял, в чем дело, и крикнул петлюровцам:

— Вот сейчас пошлем человека к Котовскому с донесением, пусть он сам решит.

Котовский повернул коня и поскакал назад.

Его полки, построенные для боя в восточном направлении, не были готовы для встречи удара с запада. В таком положении еще никогда не бывали котовцы. Мнимыми переговорами о сдаче в плен необходимо было выиграть время.

— Вы нам бумагу составьте, чтобы мы знали, на каких условиях в плен сдаваться, — начали котовцы разговор с сотником.

Петлюровец потребовал, чтобы котовцы свернули свое красное знамя, развевавшееся на пике. Знаменщик начал медленно и аккуратно свертывать полотнище. Котовцы продолжали затягивать разговор с сотником. Им удалось убедить его в том, что он должен письменно изложить свои условия сдачи в плен, чтобы передать этот документ Котовскому.

Сотник достал из полевой сумки блокнот и начал писать. Котовцы же продолжали вести переговоры. Они задавали петлюровцу всевозможные вопросы и, чтобы не вызвать подозрений, даже не оглядывались по сторонам.

Время шло.

— А что, добродий, вы будете делать с нашими комиссарами и коммунистами?

— Комиссаров и коммунистов арестуем и будем судить. Зато командиров ваших не тронем, — глубокомысленно отвечал сотник.

— Вы так и запишите.

Пока сотник составлял условия, Котовский успел перестроить бригаду. Он вел ее за собой к месту, где велись переговоры. Сотник еще не закончил свое писание, как послышался конский топот. Он отшатнулся, когда увидел, как из-за бугра выскакивают всадники.

— Откуда это взялась ваша конница?

— А как же, ваша тоже давно стоит в боевом порядке.

— Но вы же хотели сдаться нам в плен?

— А вот сейчас посмотрим, кто кому сдастся.

Ошеломленный сотник круто повернул коня...

Кавалерийская бригада, под водительством Котовского, развернутым строем неслась на петлюровцев.

Батарея Просвирина открыла огонь по вражеской коннице. Первый же снаряд разорвался в самой гуще петлюровцев.

Гайдамаки не ожидали такого исхода переговоров. Несмотря на свое большое численное превосходство и на выгодную позицию, петлюровцы обратились в бегство. На мосту через речку у деревни Снитково началась давка. Мост не выдержал и провалился. Люди и лошади полетели в воду. Котовцы рубили направо и налево.

После этих боев Котовский писал жене: «...близится час, когда мы будем снова вместе. Судьба хочет, чтобы я сохранился и в этих жестоких последних боях, где я несколько раз был на волосок от гибели. Что же, может быть, моя безграничная любовь к тебе спасает, охраняет... Противник разгромлен по всему фронту блестяще. Бригада Котовского захватила у противника 11 орудий, до 60 пулеметов, 800 пленных, разгромила 8 киевскую дивизию, отдельную конную дивизию, значительную часть лучшей кавалерии кавотряда Фролова... Противник, после нанесенных ему страшных ударов, в панике разбегается и бежит дальше, бросая обозы, и части пехоты трех дивизий идут теперь без боя. Наша кавбригада двинула и двигает по фронту три пехотных дивизии. Когда мы были 12-го окружены, кругом отрезаны, и противник уже подъехал ко мне и предложил нам сдаться, — он в ответ на это был в бешеной схватке опрокинут, разбит и обращен в паническое бегство».

Котовцы безостановочно продвигались вперед, атакуя противника в конном и пешем строю, громили неприятельские отряды, захватывая трофеи и пленных. Они не давали петлюровцам перегруппироваться и сосредоточиться.

Своими быстрыми инициативными действиями Котовский свел на нет контрманевр 3 армии Врангеля, на которую Петлюра возлагал особые надежды. Во всех этих боях гибкостью своей тактики, напористостью, умением маневрировать Котовский неизмеримо превосходил противника. Этого успеха он достигал ценою огромного напряжения. Котовский никому не давал передышки. Несмотря на удачи, никто в бригаде не был опьянен ими. Бригада за несколько дней прошла сотни километров, а комбригу все было мало. Он распекал командиров за неповоротливость и медлительность, багровел, когда наталкивался на оплошности, и мрачнел при одной лишь мысли, что вдруг Петлюре удастся уйти от преследования.

16 ноября разведка донесла, что все боеспособные петлюровские части и основные силы 3 армии Врангеля стягиваются к Проскурову, где противник намерен оказать упорное сопротивление.

В ночь же с 17 на 18 ноября петлюровская кавалерия ударила во фланг советским частям и заняла крупный населенный пункт Деражня. Котовский считал, что единственное средство ликвидировать зарвавшегося противника в районе Деражня, — это нанести удар по его главным силам и тылам в Проскурове.

В три часа утра 18 ноября кавалерийская бригада форсированным маршем выступила на Проскуров.

Петлюровцы напрягали все свои силы, чтобы не допустить красных к Проскурову. Перед самым городом котовцы встретились с «белокрестиками» — отрядом, составленным из бывших офицеров-деникинцев и врангелевцев. Одетые в английское и французское обмундирование, они имели на рукавах и на верхах фуражек нашитые белые крестики. «Белокрестики» засели в деревне по дороге к Проскурову. Они обрушились на котовцев метким, сосредоточенным огнем. Среди них было немало умелых пулеметчиков, стрелявших до последнего патрона. Но котовцы обошли врага с тыла и выбили из деревни.

Бой продолжался в открытом поле. Белые офицеры дрались отчаянно. А когда поняли, что им все равно не миновать плена, многие из них кончили жизнь самоубийством.

Редко встречали котовцы такое ожесточенное сопротивление. Все поле было усеяно фуражками с белыми крестиками. Тут же валялись снесенные головы; целый эскадрон белогвардейцев лежал на взрытой гранатами земле. Лишь несколько человек удалось взять в плен.

Только к вечеру вошли котовцы в проскуровские хутора. Решили передохнуть и привязали лошадей к оголенным яблоням.

Разведчики же, под покровом ночи, отправились в город. Они разузнали, что в Проскурове расположился тыловой штаб есаула Яковлева, что городская тюрьма забита пленными красноармейцами и рабочими, а на путях станции стоит петлюровский бронепоезд «Запорожец».

Вместе со стрелочником котовцы разобрали железнодорожные рельсы, чтобы отрезать бронепоезду путь отхода.

...На рассвете продрогшие за ночь люди снова двинулись вперед. Хотелось спать, лица у всех были утомленные; кони шли понуро. Котовский объезжал эскадроны и отдавал приказания. Артиллеристам он приказал немедленно стать на позицию, открыть ураганный огонь по станции, после же обстрела станции перевести огонь на город.

Бригада выехала на позицию. Артиллеристы окопали орудия. Просвирин сделал наводку. Грохот разрывающихся снарядов разбудил Проскуров. В панике петлюровцы бросались друг на друга; издали город был похож на развороченный муравейник. Неслись подводы, метались лошади... Просвирин продолжал командовать. Он подгонял артиллеристов, требуя непрерывного огня.

Обстреляв город и станцию, Котовский решил перейти в атаку. Второй полк уже понесся на Проскуров. Перед тем, как покинуть командный пункт, комбриг приказал дать последний залп по городу. Он прислушался к стрельбе.

— Почему третье орудие не стреляет?

— Третье орудие заело. Сейчас, товарищ комбриг, досыплю гильзу.

Просвирин приказал досыпать порох. Он взмахнул белым платком. Раздался взрыв оглушительной силы. Батарея окуталась дымом. Наступила жуткая тишина. Орудия замолкли. Артиллеристы с почерневшими от дыма лицами бежали к Котовскому.

— Беда! Орудие разорвало, комбат ранен!

Котовский бросился к Просвирину. Тот лежал недалеко от разорвавшегося орудия и стонал. Комбриг наклонился над окровавленным комбатом, и слезы выступили на его глаза.

Артиллеристы бережно подняли Просвирину и осторожно понесли к тачанке.

Котовский приказал отвезти Просвирину в тыл — в Ладыжин, вызвать Ольгу Петровну и самых лучших врачей, сделать все, чтобы спасти старого воина.

Ординарец Черныш подвел к комбригу Орлика. Артиллеристы снимали орудия. Потрясенный помощник командира батареи долго стоял, не двигаясь с места, и смотрел вслед тачанке.

В последний раз Котовский увидел комбата через несколько дней, когда тот, уже мертвый, лежал на лафете. Гибель Просвирину глубоко потрясла Котовского.

...18 ноября котовцы ворвались в Проскуров. Они бросились, к тюрьме освободить политических заключенных. Из домов выбегали дети; на ступеньках крылец стояли люди и, встречая красноармейцев, плакали от радости.

На каждом шагу котовцы наталкивались на кровавые следы петлюровского разгула. Но всего лишь несколько часов пробыли котовцы в Проскурове.

Кавалерийская бригада, заняв Проскуров, оставила позади себя другие

части Красной Армии, участвовавшие в разгроме петлюровщины.

Комбриг не стал дожидаться подхода пехотных частей.

— Пехота прогуляется, а Петлюра уйдет. Сейчас нужен молниеносный удар, — говорил Котовский. Он решил самостоятельно, без всякой поддержки справа и слева, форсированным маршем идти на Волочиск.

Выход кавалерийской бригады к Проскурову заставил петлюровские части, действовавшие по тылам красных в районе Деражни, свернуться и спешно начать отход.

Переменным аллюром, проходя по шестьдесят-семьдесят километров в сутки, бригада Котовского направлялась к Збручу.

К Збручу бежали и петлюровские министры, сотники и всевозможные «белокрестики». Петлюровцы отходили по всему фронту к Волочиску, где они рассчитывали перейти государственную границу, чтобы спасти остатки своих сил.

В Волочиске уже шла эвакуация. Все железнодорожные пути и тупики были забиты эшелонами с продовольствием, обмундированием, снарядами и лошадьми. На дорогах сбились огромные обозы. Петлюровцы поспешно перебирались на правую сторону Збруча. За ними следовали подводы с награбленным добром: мехами, драгоценностями. Они понимали, что остались последние минуты, и всячески стремились оттянуть время, чтобы успеть перешить колею для вывода за Збруч эшелонов и бронепоездов.

В пяти километрах от города бригада наткнулась на сплошные проволочные заграждения, устроенные из ежей и рогаток. Конники спешили и принялись растаскивать рогатки. Петлюровские бронепоезда открыли по ним артиллерийский и пулеметный огонь.

Но это не могло остановить котовцев.

Под огнем прорвались красные конники через проволочные заграждения и ураганом понеслись вперед. Эскадроны устремились прямо к бронепоездам. В трехстах шагах от железнодорожного полотна Яков Продан, заменивший Просвирина, остановил батарею и открыл огонь по бронепоездам. Не прошло и нескольких минут, как раздался гул взрыва. Это Леонид Воронянский вместе со своими разведчиками обходным путем пробрался под самый Волочиск и взорвал полотно железной дороги, отрезав бронепоездам пути отхода.

У самого моста Петлюра пытался задержать котовцев, приближавшихся галопом. Он бросил им навстречу своих кавалеристов. Схватка была короткой. Объятые паникой, бандиты бежали сломя голову, сминая своих же.

Котовцы открыли огонь по переправлявшимся через Збруч. На местах

застряли обозы. Повозки наезжали друг на друга.

Пулеметчики 1 кавполка добрались до моста и начали выпускать одну ленту за другой по петлюровцам, не успевшим перебраться на тот берег.

Подъехав к Збручу, Котовский остановился. Дул легкий ветерок. Примораживало. Командир бригады долго смотрел в бинокль. Он видел, с каким ожесточением сражаются его бойцы, видел невероятное смятение врагов. Петлюровцы швыряли винтовки, шинели и синие жупаны, прыгали в ледяную воду, хватались за доски.

А на том берегу иностранные офицеры, военные атташе тоже смотрели в свои полевые бинокли. Они наблюдали агонию петлюровской армии, и им оставалось только пожимать плечами.

Знаменщик у самого моста на левом берегу Збруча водрузил алое знамя бригады. Осенний ветер развевал его золотистые кисти.

Трубачи сыграли сбор.

Погасла розовая полоска заката. У Волочиска, на берегу загорались костры. Полковые каптенармусы ходили по улицам, производя опись имущества, оставленного петлюровцами. Были взяты два бронепоезда, орудия, эшелоны со снарядами, сахаром и мукой и другие трофеи. Тут же на путях стоял «правительственный» поезд, брошенный Петлюрой и его штабом. В спальнях вагонов валялись раскрытые чемоданы, енотовые шубы петлюровских министров, полевые сумки.

Котовцы брали в плен укрывавшихся петлюровцев и подсчитывали колоссальные трофеи.

Квартиреры размещали бойцов на ночлег.

Крепким, богатырским сном победителей спали в эту ночь котовцы и их комбриг, отсыпаясь за всю неделю.

Дозоры несли охрану.

Так 22 ноября 1920 года у Збруча позорно закончился поход Петлюры. На долю кавалерийской бригады Котовского выпала основная роль в разгроме петлюровцев.

«Неделя ликвидации петлюровщины» была неделей новых замечательных побед Котовского. Он бурей ворвался в Волочиск и добил противника.

В этой блестяще проведенной операции Котовский с новой силой повторил то, что он уже осуществил в феврале того же года, когда глубоким таранным ударом нанес сокрушительный удар деникинцам. Как и под Тирасполем, Котовский, вырвавшись вперед к Проскурову и Волочиску, глубоко проник в тыл противника, захватил переправы и конечной атакой нанес ему смертельный удар.

Военные атташе иностранных государств недаром наводили свои бинокли, они не могли понять, как это немногочисленной кавалерийской бригаде удалось последовательно, одно за другим, разбить крупные соединения противника. Под командованием одного только есаула Яковлева было полторы тысячи сабель.

За разгром Петлюры Григорий Иванович Котовский был вторично награжден орденом Красного Знамени.

В приказе Реввоенсовета Республики № 209 по личному составу армии о награждении Котовского было сказано:

«Он лихим налетом захватил г. Волочиск и своими энергичными действиями в высшей степени способствовал достижению блестящих успехов в деле полного разгрома противника».

Глава седьмая

РАЗГРОМ КУЛАЦКИХ БАНД

В ноябре 1920 года Красная Армия освободила Крым. Барон Врангель бежал.

«Война иностранных интервентов и российских белогвардейцев против Советов окончилась победой Советов. Советская республика отстояла свою государственную независимость, свое свободное существование. Это был конец иностранной военной интервенции и гражданской войны. Это была историческая победа советской власти»^[39].

Один за другим провалились все три похода Антанты. Все главные враги советской страны были разгромлены. Дивизии. Красной Армии переходили на мирное положение. Однако остатки разбитых контрреволюционных войск — деникинцы, махновцы, петлюровцы все еще предпринимали всевозможные попытки для свержения советской власти. В своей борьбе бандиты опирались на кулаков. Атаманы и атаманчики, всевозможные главари бандитских шаяк, по-прежнему выполняли волю империалистов, все время получая директивы из-за рубежа.

В селах шла ожесточенная классовая борьба. Кулаки сопротивлялись каждому мероприятию советской власти. Свое бандитское оружие они в бешеной злобе направляли против тружеников деревни и города, бедняков и рабочих.

На правобережной Украине орудовали банды, терроризировавшие мирное население. В этих бандах объединялись монархисты, грабители, эсеры, дезертиры и кулаки. Они разрушали железнодорожное полотно, пускали под откос поезда, делали налеты на волисполкомы, на станции, на сахарные заводы; нарушали связь, срывали заготовку хлеба и дров; зверски расправлялись с захваченными коммунистами, красноармейцами и продармейцами, которые изымали излишки хлеба у кулаков. Они выкалывали своим жертвам глаза, отрезали языки и уши, а, замучив, вырезали на груди красноармейскую звезду.

После разгрома войск Петлюры кавалерийская бригада Котовского была отведена в район Умани, где уже несколько месяцев терроризировала население объединенная шайка Грызло, Цветковского и Гуляй-Гуленко.

Бандиты обнаглели. Они готовились к наступлению на Умань. У них была своя конница, пулеметчики и до тысячи пехотинцев. 19 декабря

бандиты перешли в наступление на кавалерийскую бригаду. Одна атака следовала за другой.

Котовский сперва только отражал их артиллерийским огнем. Он изматывал банду, чтобы потом нанести ей сокрушительный удар. При очередной атаке он подпустил бандитов на близкое расстояние и вдруг ударил по ним в упор из пулеметов. Бандиты дрогнули и начали откатываться, и тогда с двух сторон налетела на них красная конница и началась рубка...

Только в плен было взято 500 человек. Недавние «вояки» проклинали своих атаманов и горько плакали, прося котовцев о прощении.

Бой кончился митингом, на котором выступили политработники бригады. Среди пленников были и те, кого обманом втянули в банду. После проверки многих распустили по домам, снабдив их агитационной литературой. Злостных же бандитов не щадили.

Гулай-Гуленко, забравшись на чердак, долго отстреливался. Последнюю пулю он пустил в себя.

А Грызло вытащили из колодца.

27 декабря бригада Котовского вошла в состав 17 кавалерийской дивизии. Котовский был назначен командиром этой дивизии.

Новый, 1921 год, котовцы встретили в новом походе.

Махно, преследуемый частями Первой конной армии, перейдя Днепр, появился в районе Умани.

Кулаки снабжали бандитов-махновцев лошадьми, фуражом, оружием и продовольствием.

Котовский помнил, как в 1918 году в Екатеринославе, когда он лежал больной, Махно кричал ему над ухом о силе анархии, и теперь комдив хотел ответить наглому атаману полным голосом всех своих орудий и пулеметов.

Этот бандит и изменник, выдвинутый кулачеством на борьбу с пролетарской диктатурой, был глубоко ненавистен Котовскому.

Махно уклонялся от боя. За день его конница проходила больше ста километров. Махно не боялся загонять лошадей; у изворотливого «батьки» всюду были свои агенты среди кулаков. Его банды то совершали дерзкие набеги, громили обозы и склады, то рассеивались.

Десять дней гнались котовцы по снежным полям Украины за махновскими бандами. Были пройдены Канев, Лубны, Ромодан, Лохвица, Ромны, Сумы — больше 500 километров. Изнуренные кони падали с ног. А тут еще наступила гололедица.

Махно успел уйти от преследования.

Как досадовал Котовский! Но он не переставал надеяться, что ему представится случай уничтожить махновскую банду.

На случай возможного появления Махно Котовский 4 марта 1921 года отдал специальный приказ по 17 кавалерийской дивизии о приведении ее в полную боевую готовность.

Котовский требовал подковать и перековать весь конский состав, обязывал привести в порядок все походные кухни. Командиры должны были готовить кавалеристов к боевым действиям:

«Комбригам и комполков немедленно ввести в программу ежедневных строевых занятий сомкнутый строй при атаках против конницы, проделывая это наглядно, каждым эскадронам и полком отдельно, приучая людей и лошадей идти совершенно сомкнутым строем на большом аллюре.

Комбригам и комполков разъяснить в беседах низшему комсоставу и всем бойцам полков значение сомкнутого строя при конных атаках и против кавалерии противника, когда противник опрокидывается и разбивается не свалкой, а штыком. Это дает потом возможность быстро добить и уничтожить противника»^[40].

Котовцам не пришлось больше встретиться с Махно. Летом 1921 года другие части Красной Армии, под руководством М. В. Фрунзе, уничтожили махновские банды. Сам же «батько» Махно, оставив свои тачанки на берегу Днестра, удрал в Румынию.

Непривычно было старым бойцам в зимние месяцы 1921 года долго находиться на одном месте.

Началась мирная жизнь. В полках организовались кружки, библиотеки, оркестры; красноармейцы занимались в школах ликбеза. Теперь в бригаде уже не признавали «крестиков» вместо подписей и печатей, поставленных пальцем. Котовский приказал выдавать хлеб под расписку, поэтому бойцам пришлось вначале хоть каракулями, но с усердием выводить свои фамилии. С этого началось обучение.

Весной 1921 года котовцы впрягли своих коней в плуги и сеялки. Бойцы помогали селянам-незаможникам.

Весной был прочитан приказ о демобилизации красноармейцев, родившихся в 1894–1896 годах.

Бойцы отыскивали старые адреса, вспоминали профессии, утраченные за годы фронтов; шли разговоры о новом житье-бытье...

В эти же дни был получен приказ о переброске котовцев в Тамбовскую губернию на ликвидацию банд Антонова.

Отдельная кавалерийская бригада вышла из состава 17 кав. дивизии.

Приказ о переброске бригады сразу уничтожил демобилизационные

настроения.

Еще не все банды стерты с советской земли, рано еще мечтать о домашнем тепле — Котовский готовится к новому рейду!

«Домой — но только после уничтожения Антонова!», — под этим лозунгом шли приготовления к отправке.

Котовский собрал своих старых бойцов. Он прочитал им приказ о демобилизации. И в ответ с разных сторон раздалось на русском, молдавском, украинском языках:

— От демобилизации отказываемся до тех пор, пока не разгромим Антонова!

24 апреля 1921 года котовцы погрузили в вагоны коней, орудия: и тачанки. Бригада в полном составе отправилась в глубь России.

*

В августе 1920 года белогвардейцы и эсеры — агентура империализма — организовали в Тамбовской губернии кулацкий контрреволюционный мятеж против советской власти. Во главе мятежников был поставлен эсер Антонов, бывший начальник уездной милиции.

Под руководством белогвардейцев и эсеров создавалась многотысячная армия. Антоновцы готовились захватить красный Тамбов и двинуться дальше, к Москве. Кулацкие банды, устраивая налеты на поселки, убивали советских работников, коммунистов, активистов, разоряли богатый хлебный край.

...1 мая 1921 года отдельная кавалерийская бригада Котовского выгрузилась на станции Моршанск.

В то время, как части Красной Армии начали наступление, антоновцы в селах и лесах праздновали пасху. Надо было заставить бандитов принять открытый бой.

Котовцы сразу же приступили к выполнению боевой задачи. В первом же бою было захвачено много лошадей, пулеметов и пленных.

Бандиты пытались прикрыть свое бегство огнем пулемета, установленного на колокольне. Батарея котовцев быстро сбила колокольню.

Котовцы очищали уезды Тамбовщины от бандитов. 7 мая котовцами был разбит так называемый «шестнадцатый повстанческий полк» и захвачен его штаб.

17 мая бригада Котовского окружила банду в пятьсот человек. Антоновцы не ожидали встречи с котовцами и не оказали организованного

сопротивления. В бою была уничтожена почти вся банда, котовцы же потеряли одну лошадь.

23 мая сводный отряд котовцев, в составе трех эскадронов 1 кавполка и двух эскадронов 2 кавполка, уничтожил одну из основных банд мятежников, которой командовал Селянский — видный антоновский атаман.

Изо дня в день котовцы наносили бандитам сокрушительные удары. Рушились планы и надежды эсеров на кулацкую армию, которая должна была привести их к власти. Антонов решил перегруппировать остатки своих полков, уцелевших от разгрома. Он хотел пополнить поредевшие ряды своего войска кулаками и дезертирами в соседних губерниях.

Избегая встречи с Красной Армией, антоновцы быстро отступали. Пользуясь отнятыми у крестьян подводами, они делали в сутки переходы по сто — сто пятьдесят километров.

Больше двух недель кавалерийская бригада Котовского, совместно с другими частями Красной Армии, неотступно преследовала части контрреволюционных мятежников.

Погоня продолжалась и за границами Тамбовской губернии — по пензенским землям и Нижне-Волжскому краю. Здесь население было особенно враждебно настроено к бандитам-антоновцам... Это было время поволжской засухи 1921 года. Люди и кони изнемогали от жажды. После одного большого перехода котовцы сделали привал в селе, расположенном в долине реки Сердоми. Но недолго продолжался отдых. 2 июня стало известно, что антоновцы только что прошли село Бакуры, где расстреляли коммунистов, в том числе одного командира Конной армии, проводившего в селе свой отпуск. — По коням! Через бугры и овраги котовцы понеслись наперерез банде. С другой стороны антоновцев настигал автоброневой отряд. У антоновцев не было иного выхода, как повернуть на котовцев и принять бой. Бандитов было гораздо больше, чем красных. Уже раздавались их торжествующие крики, как вдруг заговорила батарея котовцев. Конница ринулась в атаку сомкнутым строем. Котовский на золотистом Орлике летел впереди 1 полка. С фланга банду охватывал второй полк.

Красные кавалеристы шли в атаку под музыку бригадного духового оркестра, расположенного на огневой позиции батареи.

Бандиты сбились в кучу, не зная, куда деваться. Видя, что пришел конец, они бросились к реке; некоторые из них отстреливались, прикрывая переправу.

Антонову, контуженному в голову, удалось бежать.

Бой под Бакурами был решающим. Правда, Антонов успел с небольшой группой бандитов вернуться в тамбовские леса, но основные силы его были разгромлены.

Котовцы возвращались в Тамбовскую губернию добивать остатки антоновских банд.

Ольга Петровна готовилась стать матерью.

Еще в Умани, перед отправкой бригады в центр России, Котовский предлагал жене поехать в Одессу и там, в спокойной обстановке, ожидать его возвращения. Ольга Петровна отказалась. Она пожелала быть рядом с мужем, в бригаде.

Роды наступили преждевременно. Как раз в это время штаб бригады направлялся в Тамбов. Бойцы помогли своей «мамаше» устроиться в вагоне. Это был тяжелый путь. Машинист поезда оказался антоновцем. В эшелоне было много лошадей. Чтобы закачать и вывести их из строя, он начал дергать вагоны. Пришлось остановить поезд. Машинисту пригрозили расстрелом и заставили его вести состав осторожней.

Поздно ночью бойцы привезли Ольгу Петровну в тамбовскую железнодорожную больницу. Там в это время дежурил молодой врач-глазник.

Ольга Петровна, истекавшая кровью, лежала на носилках. Ослабевшим голосом она объясняла бойцам и врачу, какие надо принять меры. Роды были очень тяжелые. Ольга Петровна родила двух девочек-близнецов. Жизнь роженицы была в опасности. Всю ночь бойцы дежурили у окон железнодорожной больницы. Штаб вызвал Котовского по телефону.

На рассвете прибыл Котовский. Он уже знал о том, что стал отцом двух дочерей. Весь день он провел у постели жены. Жена, протянула ему ослабевшую руку. Она не могла кормить своих близнецов: у нее не появлялось молоко. Работники штаба, ординарцы искали кормилицу и не нашли. Ничто не могло спасти девочек. Они умерли одна за другой, еще не имея имен.

Котовский прикоснулся губами к холодным лобикам мертвых младенцев. Он сжал кулаки и долго молчал... Потом подошел к жене и шепотом успокаивал ее, просил не отчаиваться, собрать последние силы и перенести горе. В эту ночь паровоз увез комбрига обратно. Он спешил выполнить новое боевое задание.

Антоновские банды в основном были разгромлены. Упорствовали только отдельные отряды, оставшиеся от кулацкой армии. Тамбовским кулакам не удалось настроить трудящееся крестьянство против советской власти. В тамбовские села проникла весть о решениях X съезда партии об отмене продразверстки. В селах армейские большевики создавали ревкомы.

На митингах и в беседах коммунисты разъясняли крестьянам значение перехода от продразверстки к продналогу; беднякам раздавали коней, захваченных у бандитов.

Крестьянские массы, поняв, что кулацкий мятеж несет им только разорение, все больше и больше проникались ненавистью к эсеровским головорезам.

Бандиты разбежались, прятались в погребах и овинах; многие же из бывших антоновцев добровольно сдавались красным.

Только самые ожесточенные враги советской власти отказались сложить оружие и пытались еще продолжать борьбу.

Так еще оставались не уничтоженными 14 и 16 бандитские полки, которыми командовал сподвижник Антонова — атаман Матюхин.

Полки Матюхина скрывались в лесах, в двадцати пяти — тридцати километрах от Тамбова. Здесь они знали самые глухие тропинки и каждое дупло. Они стремились продержаться как можно дольше, так как надеялись на поддержку с Кубани и Дона.

Распространялись слухи о том, что белоказаки под командой войскового старшины Фролова идут на соединение с полками Матюхина.

16 июля 1921 года Котовскому было приказано уничтожить банду Матюхина.

Как заставить банду выйти из леса? Невозможно же окружить и прочесать цепями простирающийся на сотни километров лес!

Котовский решил, что для победы над Матюхиным нужны особые действия, особый подход. В его голове быстро созрел план действий.

Котовский послал секретное донесение в штаб армии: «Выступаю на рассвете в секретную операцию, подробности которой из соображений конспирации не решаюсь передавать по телеграфу. Прошу дать распоряжение всем частям, оцепляющим тамбовский лес, чтобы они в течение недели не предпринимали никаких активных действий и пропустили к лесу белую казачью банду атамана Фролова, которая пройдет к ним с тыла. Кроме того, прошу с завтрашнего дня ежедневно по всем частям, расположенным на линии железной дороги, утром и вечером в течение часа производить стрельбу холостыми зарядами из орудий, пулеметов и винтовок. Если все это будет исполнено, банда Матюхина

будет уничтожена через пять дней».

Было решено, что в течение пяти дней бригада Котовского не будет упоминаться в оперативных сводках; на пять дней она бесследно исчезнет. Запрещено было посылать сводки и донесения, так как агенты антоновцев проникали и на телеграф, и на железную дорогу.

Котовскому передали недавно пойманного эсера Эктова. Эктов был послан Антоновым на подпольное контрреволюционное совещание. Но по дороге он был задержан. Эктов, в прошлом штабс-капитан царской армии, одно время был начальником штаба антоновских войск. Этот человек с круглой окладистой бородой и с вкрадчивыми, вежливыми манерами был одним из ярых вдохновителей бандитов.

Антоновцы не знали, что Эктов попал в плен.

Под усиленным надзором и охраной Эктов был перевезен в полевой штаб кавалерийской бригады. Он должен был беспрекословно выполнять все, что потребует от него Котовский. Через Эктова удалось установить связь с антоновцами. Под диктовку Котовского Эктов писал письмо Матюхину:

«Мы, кубанцы и донцы, разгромленные на юге Красной Армией, прорвались и ищем тебя для того, чтобы совместно действовать против советской власти. Укажи место, где мы встретимся. Эктов с нами».

Это письмо за подписью «Фролова» и Эктова было послано в лес Матюхину. Вскоре пришел ответ. Договорились, что встреча произойдет у села Дмитровское-Кобылянка, куда «Фролов» через несколько дней должен привести свои отряды.

В назначенный час Котовский вывел бригаду в поле. Из этого района были заранее удалены другие красноармейские части, чтобы зря не спугнуть бандитов.

Отъехав несколько верст от села, комбриг обратился к бойцам:

— Товарищи, революция поставила перед нами новую задачу — мы должны перехитрить врага и взять его разом. На время мы будем не красноармейцы, а повстанцы с Дона и Кубани, казаки. Я вам не Котовский, а атаман Фролов. Командиры и комиссары полков — есаулы. При входе в избы осеняйте себя большим крестом.

Никогда еще Котовский не принимал такого отчаянно смелого, решительного плана, но он привык побеждать, рассчитывая на преданность и героизм каждого своего бойца.

Бойцы 1 полка, переименованного в «донской», из околышей фуражек нашили себе красные лампасы, а бойцы 2 «кубанского» полка надели бараньи шапки и папахи.

Спрятали котовцы красноармейские звездочки. Винтовки надели по-казацки, через правое плечо, и с гиканьем двинулись они в сторону дремучих лесов.

По пути был разыгран театральный «бой», изображавший прорыв кубанско-донской кавалерии Фролова. Гремела артиллерия. Галопом неслись всадники.

Так кавалерийская бригада в полном составе вступила в село Кобылянка.

Эскадроны, переименованные в сотни, расквартировались по всему селу. «Казаки» горланили «яблочко», ругали «советы», грозились отрубить головы всем «красным». Каждый при этом должен был быть чрезвычайно осторожным и выдержанным, чтобы случайным словом не обмолвиться и не выдать себя.

Штаб бригады расположился в избе одного кулака. Через него Котовский узнал, что хотя Матюхин и поверил в подлинность подписи атамана и Эктова в письме, но все же решил соблюдать осторожность. Он направил своих посланцев к Фролову, чтобы они на месте проверили, что представляет собой кубанско-донской отряд.

Прибывшие бандиты внимательно ко всему приглядывались; они не скрывали своего восторга перед всем виденным. Им нравились и кони, которые были в теле, и тачанки с исправными пулеметами, и бравый вид казаков. Желая расположить к себе фроловцев, они рассказывали, захлебываясь от восторга, о том, как расправляются с пленными красноармейцами, хвалились тем, что их командир Матюхин жесток, никого не щадит. Каждого красноармейца, попавшего к ним в плен, ждет мучительная смерть.

Один из бандитов, Сашка, хвастался тем, что они недавно поймали разведку какого-то Котовского, и так как красные разведчики ничего не выдали, они всех их порубили.

— Хорошо живую лозу рубить, нечего на них патроны тратить, — говорил Сашка.

Котовцы с трудом сдерживались, слушая бандитов. Они только и ждали, когда можно будет расплатиться за все разом — за кровавые дела и злобные речи своих смертельных врагов.

День прошел в томительном ожидании. От Матюхина не было никаких вестей. Из соседнего леса сообщили, что Матюхин был там этой ночью, но вскоре уехал в неизвестном направлении.

«Фролов» приказал впускать в село кого угодно, выпускать же только тех, кто знает пароль.

За целый день только один мальчуган вышел из села. Ему была обещана большая награда, если удастся вручить Матюхину в собственные руки письмо «Фролова» и Эктова.

Антоновцы постоянно устанавливали связь между собой посредством деревенских мальчишек. Через них передавались все приказы и распоряжения. Спустя несколько часов мальчишка вернулся обратно ни с чем.

Никто из его родственников в соседнем селе не знал направления, в котором скрылись матюхинцы.

В письме «Фролов» и Эктов писали Ивану Матюхину о том, что нельзя затягивать выполнение принятого решения. Согласно директивам ЦК партии эсеров, имеющимся у атамана Фролова, они должны встретиться как можно скорей. Встреча должна состояться в поле, так как казаки не могут тащить пулеметы и тачанки через рвы.

«Войсковой старшина Фролов» вызвал «есаула» Захарова (комиссара 2 кавполка) и «казака» Симонова (кишиневца, командира взвода того же полка). Он приказал им разыскать Матюхина и вручить ему письмо во что бы то ни стало. Нужно было решительно повлиять на атамана, который боялся расстаться с лесной берлогой, где он чувствовал себя в безопасности.

Захаров и Симонов вместе с сыном мельника Васькой отправились в лес. Долго бродили они по лесным чащобам, пока натолкнулись на заставу. Васька протяжно засвистел. На свист появился человек.

— Веди нас, есаулы приехали, — объявил ему Васька. Их повели в штаб.

Матюхин сидел, окруженный своими командирами, за длинным столом, заставленным бутылками с самогоном. Матюхин был выше всех собравшихся в избе. Он брал грибы из миски огромными лапищами и ел, капая маслом на густую черную бороду.

«Есаул» Захаров поклонился ему. Он протянул письмо от «Фролова». Атаман долго вертел его в руках, потом передал сидевшему рядом адъютанту. Письмо пошло по рукам. Бандиты обступили Захарова, расспрашивали его о численности людей и коней фроловского отряда, о его вооружении!

— Ваше благородие, вы можете подвести нас под удар красных. Мы, казаки, знаем, что время не терпит. Если вы будете долго раздумывать, то полковник Фролов выступит самостоятельно, — говорил «есаул» Захаров атаману Матюхину.

Бандиты поверили, что перед ними свои. Матюхин встал из-за стола и

крикнул:

— Едем!

Через несколько минут матюхинцы тронулись в путь. Впереди — штабные, за ними группы, по двадцать — тридцать всадников. Бандиты догоняли своих главарей, пока, наконец, банда не вытянулась по дороге к Кобылянке. Не доезжая нескольких верст до села, Матюхин поднял руку. Он объявил Захарову и Симонову, что дальше не поедет.

— Пусть атаман Фролов вместе с Эктовым явится для личных переговоров не более как с тремя всадниками и без оружия.

«Есаул» Захаров остался вместе с Матюхиным, Симонов же поскакал передать «Фролову» решение осторожного атамана.

В доме мельника на лавках спали утомленные ожиданием «есаулы» и «сотники». Сам же «войсковой старшина Фролов» растянулся на столе, подложив под голову синюю венгерку, окаймленную черным барашком.

Симонов вскочил в избу и, забыв о своем новом чине, крикнул по-молдавски:

— Вин! (Едут!).

Котовский не раздумывал. Надо ехать! Он знал, что стоит Эктову хоть одним движением глаз или двумя словами обменяться с Матюхиным, как весь тщательно разработанный план будет провален.

— Выдаст или не выдаст эсер?

Котовский медленно застегивал пуговицы венгерки. Он говорил бледному, дрожащему Эктову:

— Вы дали мне слово быть преданным до конца. Ваша семья, как вы знаете, находится сейчас в Тамбове под арестом. В случае нашей победы я вам обещаю, что она будет немедленно освобождена. Во время нашей поездки вы все время должны быть рядом со мной, с правой стороны; я все время должен чувствовать ваши стремена, чтобы знать, что вы никуда от меня не отлучаетесь. Иначе вас ждет немедленная смерть. Я на этот шаг иду сознательно и начатое дело доведу до конца, хотя бы ценой своей жизни.

Эктов заверил комбрига, что тот может на него положиться.

Эктову выдали его «вооружение» — защитную кобуру с вложенной туда рукояткой нагана; в ножнах же болтался обрубок шашки, на нем держался тщательно начищенный эфес.

Котовский сел на Орлика.

Стояла тихая, светлая ночь. Кони шли рядом. У Котовского в (кармане венгерки — наган. Всадники ехали молча. Они подъехали к поляне, где их ждал Матюхин.

Эктов, подъезжая к Матюхину, крикнул издалека:

— Иван Сергеевич! Перед тобой атаман Фролов, Григорий Иванович!

— Здорово, Павел Тимофеевич, — поздоровался с ним Матюхин, смотревший в упор на приближавшегося «Фролова».

Атаманы пожали друг другу руки и поцеловались под одобрительный гул окружающих. «Фролов» круто повернул коня и тронул повод, увлекая разговором Матюхина за собой. Он упрекал его в том, что потеряно дорогое время на пустые переговоры.

Матюхин последовал за «Фроловым», успев только обернуться и крикнуть своим: «Трогай!».

Атаманы выровняли коней, и отряд двинулся к Кобылянке. Слева от Котовского — Матюхин, справа — Эктов. Сзади же весь командный состав матюхинской банды. Котовский только раз взглянул на Эктова и сразу понял его: Эктов взволнован, он борется сам с собой. Вот-вот он выдаст Котовского, разоблачит красных. Тогда смерть.

Случилось так, что бандиты, обступившие Эктова, отстранили его от «Фролова». Они накинулись на него с расспросами.

Котовский не знал, выдал ли его эсер или сдержал свое слово.

Опасность была велика. Котовский сознавал это, но внешне он ничем не выдавал себя и держался, как подобает казачьему атаману.

При въезде в село раздался окрик:

— Стой, кто идет?

— Курск!

— Отзыв?

— Корсунь.

Колонна всадников тянулась в село. Банда Матюхина по своей численности намного превосходила котовцев. Матюхин сразу же спросил, как поставлена охрана села.

— К нам, Иван Сергеевич, и муха не пролетит, а не то что красные пролезут, — успокоил его «войсковой старшина».

Матюхин, пораженный выправкой лихих станичников, заискивающе спрашивал у «Фролова»:

— Откуда такое обмундирование?!

— У нас все самое лучшее, советское, — усмехнулся «Фролов». — По дороге два цейхгауза захватили. Ну, и у тебя — смотри, какие обрезы и плащи у хлопцев.

— Гужом прямо из Кирсанова получили. У нас там свои люди сидят, — рассказывал Матюхин. Он стыдился теперь своей; недавней неверчивости.

Квартирьеры «Фролова» разводили бандитов по домам. Каждый «фроловец» подхватил под руки матюхинца.

Котовцы привыкли рубить своих заклятых врагов. Теперь же они вынуждены были идти с ними под руку.

Матюхинцы были довольны. Слишком уж засиделись они в своих берлогах в лесу!

«Фролов» без промедления пригласил главарей банды на совещание.

Котовский тщательно продумал план этого совещания, стараясь предусмотреть все случайности. На этот раз «местность» боя была ограничена стенами избы на окраине села. И здесь Котовский проявил свою тактическую сноровку. «Фроловцы», гостеприимно встречая входивших бандитов, уступали им свои места «под образами», а сами располагались ближе к двери.

В избе было прибрано. У иконостаса мирно помигивала лампадка. Стол был уставлен блюдами с обильной едой и бутылками самогона. Местные кулаки не поскупились на угощение.

Все расступились, когда в избу, нагибаясь, вошел Матюхин... Он грузно опустился на лавку, сев напротив «Фролова».

В накуренной избе собралось двадцать антоновских командиров, восемь «фроловцев».

Для участия в заключительной сцене «маскарада» Котовский выбрал самых надежных и испытанных своих командиров.

Рядом с «Фроловым» сидел Эктов, открывший совещание.

С затаенным дыханием и горящими глазами слушали бандиты речи «докладчиков с мест». Роль представителя Махно с успехом исполнял один из командиров. После этого была зачитана трескучая инструкция «всероссийского штаба повстанческих отрядов». Все это придумал Котовский.

Бандиты шумно выражали свое одобрение выступавшим ораторам и одновременно с усердием хлебали борщ.

«Есаулы» и антоновские командиры поднимали тосты за «батька» Махно, за Матюхина, Фролова, Антонова.

«Фроловцы» подливали самогон в стаканы своих новых «друзей», допытываясь, между прочим, о том, где находится и что делает сам Антонов, сами же то и дело посматривали на своего командира.

У бандитов от выпитого самогона быстро развязались языки. Они стали указывать явки и места, откуда получали оружие, снаряжение и фураж. Оказалось, что у них были свои люди на военных складах в Тамбове. Все эти сведения «фроловцы» наматывали себе на ус.

Матюхин то и дело прикладывался к штофу. Выпив, он вытирал свои губы рукавом сатиновой рубашки. Стуча кулаком по столу, Матюхин говорил, что его повсюду хорошо знают, что за ним пойдет вся Тамбовская губерния, что он создаст новую армию в десять тысяч человек. Он не говорил, а рычал.

— Нужно как можно скорей уничтожить коммунию! — закончил Матюхин.

Совещание в избе продолжалось несколько часов. «Фролов» и Матюхин даже успели поспорить о том, кто из них будет главарем, когда они выступят в поход на Тамбов и Москву.

Пока командиры пировали в избе, эскадроны котовцев скрыто окружили Кобылянку. Отход в лес был прегражден пулеметами. Все было наготове.

Перед самым рассветом «Фролов» вдруг приподнялся и, опершись руками о стол, посмотрел в упор на Матюхина. Потом он вынул из кармана наган и стукнул им об стол.

Матюхин невольно привстал, ожидая, что скажет на этот раз «войсковой старшина».

— Довольно ломать комедию! Перестрелять эту сволочь! Я — Котовский!

Матюхин отшатнулся, втянул голову в плечи, точно приготовился к прыжку.

Котовский нажал спуск нагана. Курок щелкнул в тишине, — осечка. Еще раз — осечка. Опять — осечка.

Котовцы при первых же словах своего командира направили на бандитов винтовки и маузеры. Ужас и отчаяние исказили лица врагов. Раздался оглушительный залп. Казалось, не выдержат стены. Задрезжали стекла в окнах, керосиновая лампа потухла. В темноте сверкали только вспышки выстрелов.

Один из бандитов — эсер, так называемый «комиссар» Матюхина, залез под стол и выстрелил в сторону Котовского. Пуля пробила Котовскому правое плечо, но и раненый, он продолжал стрелять уже не из нагана, а из маузера.

Во время суматохи Матюхин вышиб головой раму окна и выпрыгнул на улицу. Но и там ему не удалось спастись.

Когда в избе началась стрельба, котовцы сразу же обнажили оружие. Бандитов били наповал. Борьба началась в избе, где собрались главари отряда Матюхина; она продолжалась по всему селу, на улицах, в конюшнях и в амбарах.

На дворах и на улицах шла рукопашная схватка. Тех, кто сопротивлялся, расстреливали. Многие антоновцы, расквартированные по селу, спали в полном боевом снаряжении. Когда началась стрельба, они спросонья выскакивали на улицу и не могли понять, в чем дело. На неоседланных конях, в панике носились они по селу.

Всюду раздавалась ожесточенная винтовочная и пулеметная стрельба. Бандитами никто не командовал. Котовцы находили их в печах, на сеновалах, в бороздах на огороде и обезоруживали.

Рассветало. Все стены избы, в которой только что был закончен «боевой спектакль», были пробиты пулями.

Котовский последним вышел из избы. Сдерживая стон, он сказал подбежавшим к нему:

— Ничего. Все в порядке. А это пустяки. — Он показал на правое плечо. — Как это я не проверил новенький наган, полученный из Тамбова? Ведь и это дело антоновцев. Недаром они к складам примазались. До всех доберемся.

Котовский стоял, опершись на телегу; из раны сочилась кровь, а он продолжал командовать; послал разведчиков обыскивать камыши и речку, приказал устроить несколько облав, арестовать тех из кулаков, которые хвастались перед «фроловцами» своими преступлениями против советской власти.

Котовский увидел испуганного и дрожащего Эктова. Он подозвал его и сказал:

— Ваша семья будет освобождена, а я буду просить, чтобы вас помиловали.

Не прошло и часа после первого выстрела, как все смолкло. Полки Матюхина были Изрублены, рассеяны и деморализованы. Банда была уничтожена. Уцелевшие же бандиты сами сдавались на милость котовцам, приходили с оружием и лошадьми.

Сколько выдержки и дисциплины потребовалось для того, чтобы уничтожить эту самую крупную, отборную кулацкую банду! Ни один из бойцов-котовцев не растерялся и не выдал тайны, ни один из них не допустил неловкости или неосторожности.

Тщательно, с учетом всех возможностей, был разработан этот поразительно смелый план. Для Котовского он был не случайным. Еще в дореволюционные годы, борясь с помещиками и царскими слугами, он не раз прибегал к умелой маскировке. Обогащенный опытом гражданской войны, Григорий Иванович дерзко применил маскировку в масштабе целой воинской части.

За эту выдающуюся, небывалую операцию Котовский был награжден высокой наградой — золотым клинком. На эфесе клинка сиял боевой орден Красного Знамени.

В приказе Реввоенсовета Республики об этом говорилось так: «Награждается почетным революционным оружием: командир-отдельной кавалерийской бригады товарищ Котовский Григорий Иванович за личное руководство выдающейся по смелости операцией у деревни Дмитровское (Кобылянка), в результате которой были уничтожены главари крупных шаяк, а сами шайки в значительной мере изрублены, рассеяны и совершенно деморализованы. Товарищ Котовский, будучи ранен, тем не менее не оставил руководства вверенными ему частями, благодаря чему операция была закончена столь успешно»^[41].

Раненого Котовского привезли в Тамбов. Ольга Петровна, бледная и слабая, вышла навстречу мужу.

— Ну вот, хорошо, что только ранили, а не убили, — говорил он, обнимая жену здоровой рукой.

Это была их первая встреча после ночи, в которую умерли девочки-близнецы.

Рана оказалась серьезной. Грозил опасность потери руки. Котовскому наложили гипсовую повязку, и в тот же день он выехал в Москву, чтобы там продолжать лечение.

В Москве его поместили в военный госпиталь.

Котовский выписался из госпиталя, когда лечение еще не было закончено. Он спешил в бригаду, которая должна была вернуться на Украину, рану же решил долечивать на ходу. Когда был снят гипс, оказалось, что он не мог свободно владеть правой рукой. Котовскому посоветовали: для того, чтобы не было укорочения руки, подвесить к локтю тяжелую гирю.

Преодолевая мучительную боль, Котовский долгое время не расставался с гирей и настойчиво разрабатывал плечевой сустав. В первых числах августа он вернулся в расположение бригады. Бойцы восторженно встретили любимого командира.

Коммунисты бригады выбрали Котовского делегатом на партийную конференцию частей Тамбовского округа.

Комбриг появился за столом президиума с подвязанной рукой. Он высоко поднимал здоровую руку в ответ на рукоплескания и сам приветствовал коммунистов: пулеметчиков, политруков, пехотинцев, кавалеристов.

Котовский говорил о задачах момента, о том, что армейские

коммунисты должны помочь коммунистам, работающим в деревне, правильно и точно проводить политику партии.

Еще несколько недель кавалерийская бригада оставалась в Тамбовской губернии.

Красноармейцы помогали крестьянам в сельскохозяйственных работах. В эти дни жители тамбовских сел и деревень ближе познакомились с «бессарабскими казаками».

По вечерам голосистые частушки чередовались с протяжными дойнами, привезенными котовцами с берегов Днестра.

Котовский любил собирать вокруг себя крестьян. Иногда за полночь затягивалась его беседа со стариками. Он толковал с ними о прошлом и о революции и удивлял их знанием жизни и их сокровенных крестьянских дум.

Котовский умел всех втягивать в оживленный разговор. В своих беседах он рассказывал крестьянам о будущей жизни советского государства. Он расспрашивал бедняков и вдов о хозяйстве, узнавал, чем может помочь им его бригада, и не только расспрашивал, а при первой же возможности и помогал, выделяя бойцов и лошадей то вспахать, то скосить, то привезти хлеб или топливо.

Тем жителям, у которых Антонов забрал тягло, котовцы раздавали трофейных лошадей.

Так же, как и на Украине, к Котовскому со всех сторон тянулись люди. Никому из честных людей не отказывал он в защите и помощи. Когда же наталкивался на несправедливость, на равнодушие к судьбе человека, то отыскивал виновников и не успокаивался до тех пор, пока сам не убеждался, что приняты все меры.

Как-то Котовского разыскала немолодая женщина, приехавшая из Москвы в распоряжение бригады после того, как получила извещение о гибели сына. Сын ее, молодой командир взвода, вскоре же по прибытии с курсов красных командиров, был убит в бою. Мать поведала Котовскому о том, что она, дед и все родные хотят знать, при каких обстоятельствах пал в бою их мальчик и где находится его могила.

Котовский с участием отнесся к просьбе. Он вызвал начальника штаба и приказал ему срочно разузнать обо всем, что интересовало эту женщину.

Ночью Котовский составил подробную реляцию о подвиге погибшего. Он пренебрег своим отдыхом, зная, что семья будет с гордостью и любовью хранить этот документ. Но сделано было еще не все, что требовалось. К сожалению, никто точно не мог сообщить, где был похоронен этот командир взвода. Котовский долго ходил по комнате, обдумывая, что же он

скажет матери. И он решил повести ее к одной из братских могил.

Когда утром женщина пришла к Котовскому, он повел ее на могилу, поддерживая под руку. Григорий Иванович словно видел перед собой матерей всех тех красных воинов, чьи могилы остались в одесских степях, в лесах Подолии и здесь, на Тамбовщине.

— Наши герои достойны больших почестей. Память о погибших борцах нужна живым. Каждая капля пролитой крови за коммунизм должна быть лучезарна в веках, — не раз говорил Котовский.

17 августа 1921 года кавалерийская бригада грузилась на станции Уварове, покидая Тамбовскую губернию, на полях и в лесах которой котовцы еще раз прославили свое оружие.

Путь лежал на юг, на Украину!

*

Снова мелькали станции... На Украине стояли теплые, залитые солнцем, сентябрьские дни. В теплушках были широко раскрыты двери. Бойцы сидели на полу у дверей, пели песни и голосистые тамбовские частушки... Вот уже проехали Днепр; мелькнули золотые купола Киево-Печерской лавры... Куда же повернет железный конь, по какой знакомой «украинской дорожке», уложенной шпалами, поедут они дальше?

Белая Церковь. Котовцы выводили по настилам лошадей; старые кавалеристы покачивали головами: исхудали их кони на Тамбовщине!

Отсюда походным порядком кавалерийская бригада отправлялась в Таращанский уезд на зимние квартиры. Бригада приводила в порядок свое хозяйство: кавалеристы пополняли конский состав, проверяли запасы фуража, занялись ремонтом повозок.

Много работы выпало на долю красноармейцев в эту осень. Коммунисты мобилизовали все силы, чтобы помочь правильно провести на селе первую сельскохозяйственную кампанию; эскадроны охраняли пристанционные ссыпные пункты; красноармейцы работали на лесозаготовках.

После возвращения с тамбовского фронта кавалерийская бригада вошла в состав 9 Крымской дивизии. Начдивом был назначен Котовский. Особое значение придавал он тогда трехнедельнику по заготовке топлива. Это был еще один «рейд» бригады в лес. Паровозные топки требовали топлива; топливо нужно было и сахарным заводам, трубы которых уже задымили над Украиной. Но так и не пришлось котовцам довести до конца

топливный трехнедельник.

2 ноября 1921 года из-за рубежа на советскую территорию была переброшена крупная диверсионная банда Тютюнника, сформированная из интернированных в свое время петлюровцев.

При Тютюннике находились петлюровские министры и всевозможные советники. Банда была подготовлена агентами империалистов. По их замыслам, Тютюнник должен был выполнить то, что не удалось его предшественникам: поднять восстание и двинуться на Киев. К Тютюннику могли примкнуть различные шайки, еще действовавшие на Украине.

«Генерал-хорунжий» Юрко Тютюнник, старый мастер погромов и грабежей, рассчитывал на поддержку кулачества.

Как только бандиты перешли государственную границу и вторглись в пределы Киевской губернии, они начали производить налеты на узловые станции, рвать пути, взрывать депо, уничтожать мосты.

Михаил Васильевич Фрунзе, командовавший всеми вооруженными силами Украины и Крыма, вызвал Котовского к прямому проводу и приказал ему расправиться с Тютюнником. Котовский с жаром взялся за выполнение нового боевого приказа.

За несколько часов котовцы собрались в новый рейд. Начался непрерывный марш по унылым осенним дорогам. 9 кавалерийская дивизия выступила в рейд на Тютюнника в составе трех кавалерийских бригад. В числе их была и отдельная бригада Котовского.

Пока 9 дивизия продвигалась вперед, Тютюнник продолжал производить налеты одновременно в разных местах для того, чтобы растянуть и распылить части Красной Армии, преследовавшие его банду. Тютюнниковские конники совершили налет на город Коростень, ограбили жителей, а потом снова скрылись, уклоняясь от встречи с красноармейскими частями.

Тютюннику не удалось поднять восстание, на которое он рассчитывал. Население враждебно относилось к этим непрошеным гостям из-за рубежа.

8 первые дни похода 9 дивизии лили дожди; потом подул сильный ветер и пошел мокрый снег. К вечеру холодало, и вымокшие бойцы замерзали. Не успевали просушить одежду, как снова трогались в путь. Шли мокрые и продрогшие. Во время коротких привалов вбегали в хаты, протягивали руки к печкам, отогревались, снимали с себя одежду; сушили войлочные потники, чтобы сохранить здоровыми спины лошадей.

9 ноября ударил сильный мороз. Снег посыпал хлопьями. Поля покрылись белой пеленой. Разыгралась вьюга. Ледяной ветер бил в лицо.

Людей и лошадей заметало снегом. Обледнели винтовки. Бойцы, стараясь согреться, подбирали под себя полы изношенных шинелей. С трудом держали поводья в замерзших руках. Но никто не жаловался, не ныл и не отставал.

Голодные и прозябшие конники не слезали с седел; у многих на теле появились нарывы. В сутки спали не более двух часов и думали только о том, когда же, наконец, достигнут тютюнныхцев.

Бойцы вытаскивали из сугробов патронные двуколки и тачанки; часто, спешившись, тащили на себе орудия. Тачанки пришлось отправить в тыл, пулеметы же пристроили на зимние повозки.

По заметенным дорогам, совершая за сутки переходы в шестьдесят — шестьдесят пять километров, 9 кавалерийская дивизия приближалась к районам, где рыскал Тютюнный.

Котовский приказал 2 бригаде войти в соприкосновение с противником и гнать его на 3 бригаду, которая должна была нанести главный удар. Но Тютюнный все время ускользал, и долгое время разведчики не могли его нащупать.

Наконец, от 2 бригады были получены сведения, что она уже обнаружила банду и гонится за ней по пятам. 13 ноября в 3 бригаду прибыл комдив. Как обрадовались кавалеристы, когда узнали, что Котовский будет с ними в бою!

— Он им покажет! — говорили старые рубаки, лихо заламывая своя фуражки.

Командир дивизии очень много внимания уделял разведке, посылая в нее лучших людей. Он был необычайно насторожен и тщательно изучал обстановку.

Если Тютюнный уклонялся от боя, то задача Котовского состояла в том, чтобы поставить противника в безвыходное положение, навязать ему бой.

17 ноября передовые разъезды донесли, что банда лесной дорогой ушла на деревню Минки.

План Котовского осуществился. 2 бригада подвела Тютюнного под удар 3 бригады.

Не доезжая одного километра до деревни, красные конники услышали выстрелы. И как они им обрадовались! Противник обнаружен!

Прибежавшие селяне сообщили, что бандиты сделали привал в их селе, забрали розвальни, скот, а сейчас уже построились в колонну у церкви.

— Пулеметы вперед, готовиться к бою! — скомандовал Котовский.

Шагом тронулись друг за другом всадники. Недалеко от церкви пулеметы открыли огонь. В это время колонна бандитов двинулась к деревне Звиздаль, выставив сильный пехотный заслон. Кавалерии и пулеметам трудно было развернуться на узкой улице. Котовский показал направление через двор одной хаты в поле и сам на Орлике перескочил через высокий плетень.

Котовский решил взять противника в обход. Один полк повел он сам; другой же послал преследовать банду параллельно, отрезая ее от леса.

Всадникам, которых вел Котовский, надо было перебраться вброд через уже начавшую замерзать речку: ее болотистые берега простреливались сильным пулеметным огнем противника.

Котовский, заметив замешательство среди бойцов, вылетел вперед, а за ним и весь полк бросился через речку.

Всадники летели карьером, оглашая местность воинственными возгласами.

В то же время и с другой стороны загремело мощное «ура». Это другой полк ударил во фланг бандитам.

Развернутой подковообразной лавой обхватывали котовцы врагов.

Бой был коротким, но упорным. Бандиты рассчитывали спастись под прикрытием пулеметного огня, но котовцы-смельчаки ринулись на вражеские пулеметы.

Как вихрь, кидался на бандитов помощник командира полка коммунист Панасенко. Он был ранен, но продолжал драться. Его гнедой конь был убит наповал, и сам Панасенко, смертельно раненный, рухнул наземь. Умирая, он показывал рукой на вражеские пулеметы.

Подоспевшие с другой стороны кавалеристы зарубили петлюровских пулеметчиков.

Котовцы разгромили тютюниковскую банду, оставив на мерзлой земле сотни трупов, забрав пятьсот семьдесят пленных.

Первыми сдались петлюровские министры финансов и внутренних дел.

Сам Тютюник позорно бежал. За ним погнались, но атаману удалось ускакать...

Были захвачены сейфы, заполненные всевозможными донесениями и перепиской с иностранными государствами, ящики с петлюровскими денежными знаками и огромное количество медикаментов. Тютюник оставил на поле боя свои самые секретные документы: тайные явки, списки агентов, топографические карты и подробно разработанные планы, которым не удалось осуществиться.

Всех пленных отправили в местечко Базар, где они должны были, как диверсанты, предстать перед судом Военного Трибунала.

На митинг, по случаю победы над бандитами, пришли сотни людей из окрестных сел поблагодарить бойцов за то, что так быстро и умело расправились они с отъявленными врагами советской власти.

На митинге выступил Котовский. Обращаясь к жителям, он сказал:

— Трудовые массы украинских крестьян, доверившие защиту советских границ Красной Армии, могут спокойно продолжать мирную работу.

В Базаре же состоялись похороны шести котовцев, погибших во время ликвидации Тютюнника.

Посредине площади был поставлен памятник в форме красноармейской звезды.

Михаил Васильевич Фрунзе внимательно следил за ходом всей операции. Он прибыл к месту боев на станцию Тетерев и после ликвидации Тютюнника вызвал к себе командира 9 кавалерийской дивизии.

Котовский вошел и вытянулся, подготовившись отдать рапорт командующему. Фрунзе перебил его, горячо поздравил и, обращаясь ко всем присутствующим командирам, сказал:

— Теперь вы видите, как нужно уничтожать врага. Учитесь это делать у Котовского.

В годы гражданской войны котовцы прошли путь от Черного до Балтийского моря, от галицийских до тамбовских лесов.

В бригаде Котовского никогда не было больше четырехсот-пятисот сабель; враги же считали, что Котовский командует целой армией.

Котовцев ценили партия и республика. На почетном революционном знамени, полученном бригадой за выдающиеся боевые революционные заслуги, сиял орден Красного Знамени.

Эта небольшая часть Красной Армии получила во время гражданской войны больше четырехсот орденов Красного Знамени! За одну только тамбовскую операцию котовцы получили сто восемьдесят шесть орденов Красного Знамени и много ценных подарков.

Котовцы сражались, руководимые непобедимой партией Ленина — Сталина. Они били белую армию, гнали белополяков, расправлялись с диверсионными бандами. Не раз котовцы сражались там, где Красная Армия выполняла стратегические планы, разработанные товарищем Сталиным.

Сталин руководил фронтом, простиравшимся на сотни верст; он был связан с каждой точкой этого фронта, он знал, куда надо послать

подкрепление, где нехватает оружия и продовольствия.

В своих планах товарищ Сталин ставил почетные и ответственные задачи перед организованной им Первой конной армией, перед красными кавалеристами.

Приказы, которые подписывал в Харькове, в Синельникове, в Кременчуге и в других пунктах член Реввоенсовета товарищ Сталин, вдохновляли красных командиров и бойцов на мужество и героизм в битвах за Советскую власть, за счастье трудящихся. Сталинские мысли, сталинская несокрушимая воля к победе над врагом торжествовали и в боевых действиях кавалерийской бригады Котовского, в ее рейдах и ударах.

Никогда котовцев не покидали мужество и вера в победу. В боях рождались боевые традиции котовцев: «Есть задачи трудные, но непосильных нет», «Всегда вперед, к победе», «Спрашивай, где противник, а сколько его — узнаешь, когда разобьешь».

Когда пехотные части, сражаясь с более многочисленным врагом, ослабевали, одно появление котовцев вселяло в них уверенность. Красноармейцы знали: котовцы — крепкая поддержка, они не подведут.

Писатель Николай Островский сражался рядовым бойцом в бригаде Котовского. Он всегда с волнением и любовью вспоминал своего командира: «...Сомкнутые кавалерийские ряды. Семьсот человек замерли. Даже кони послушны команде и смирны. Командир бригады, искушенный в боях человек, которого трудно чем-нибудь удивить, читает слова приказа, такие, казалось бы, простые. Но сердце вздрагивает радостно и призывно от слов: „За мужественное поведение и находчивость, проявленные в бою, объявить благодарность...“. Затем неповторимое знакомое имя. Рука до боли сжимает поводья. Такие слова зовут вперед...»^[42]

Котовцы жили дружной семьей, их роднило общее дело революции. У всех была одна и та же цель, и поэтому каждый готов был отдать свою жизнь за товарища. Революционная честность и отвага, беззаветная преданность социалистической родине — вот в каком духе воспитывались бойцы славной бригады.

Бессарабские и украинские бедняки шли в бой с именем Ленина на устах.

На всех фронтах котовцы показали образец твердой дисциплины. До сих пор с любовью вспоминают во многих украинских селах, в местечках и тамбовских деревнях «бессарабских казаков», защищавших население от бандитов, насильников и диверсантов.

Летом 1921 года инспекция кавалерии впервые проверяла отдельную бригаду Котовского.

Инспектирующие, отметив некоторые недочеты и нужды бригады, не могли не оценить моральные качества этой части. Они писали: «Совместная ратная славная служба, руководимая комбригом Котовским и политсоставом, спаяла в одно целое сознательно воспитанных бойцов. Масса верит в несокрушимость соввласти, любит и уважает товарища Котовского... В моральном отношении бригада стоит высоко...»^[43]

Священная преданность великим идеям большевистской партии и смертельная ненависть к врагам революции превращали бригаду Котовского в непобедимую, грозную, авангардную часть.

Со страстью и настойчивостью пламенного коммуниста проводил Котовский в жизнь решения партии.

Григорий Котовский был замечательным, талантливейшим сыном своего народа, выдвинутым революцией. Партия воспитала в нем опытного военного организатора и полководца.

С огромным мастерством водил он свою кавалерию, которая одинаково храбро дралась и в конном и в пешем строю.

Мастер внезапных и сокрушительных ударов, Котовский был одновременно заботливым и расчетливым хозяином своей части. Он держал бригаду в образцовом порядке, вникая во все мелочи ее быта.

Отвагу котовцев прославляют народные песни.

И эту отвагу воплощал, прежде всего, сам Григорий Котовский. Он был отважнейшим и храбрейшим воином своей бригады. Какую редкую силу воли и выдержку проявлял этот человек, переживший царскую каторгу и весь гнет капиталистического строя!

Котовский не терялся в минуты величайших опасностей. Он был словно создан для того, чтобы преодолевать все препятствия и воодушевлять других. Командир, он жил суровой жизнью солдата, был простым в общении, открытым и (скромным человеком. Котовский был грозой врагов советской страны, но никогда не подчеркивал своих заслуг, зато всегда с восхищением говорил о героях своей бригады.

Победы были его наградой. Жертвы и кровь бойцов — его горем.

Всегда готовый к боям, он мечтал о будущей мирной жизни, которую надо завоевать и защитить.

— Нужно так наносить удары, чтобы контрреволюция не могла снова возродиться, — говорил Котовский.

Как-то Котовский, заполняя анкету «відповідальних робітників УССР» на вопрос «Які губернії УССР добре знаєте: а) практично, б) теоретично», ответил: «Всі українські губернії знаю практично і теоретично».

«Чи маєте орден Червоного Прапору, з якого часу та за що?» —

спрашивала анкета. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, Котовскому не хватало графы. Он написал: «За операцию против Деникина — первый орден, за операцию против Петлюры — второй орден, почетное огнестрельное оружие за уничтожение банды Тютюнника (почетное революционное оружие, по желанию Котовского, было заменено третьим орденом Красного Знамени. — В.Ш.) и золотое оружие с орденом Красного Знамени за уничтожение банд Антонова в Тамбовской губернии».

С тремя орденами Красного Знамени на груди и с орденом на золотом клинке закончил Котовский гражданскую войну.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
КОМАНДИР КОРПУСА

Глава первая НОВЫЙ ФРОНТ

31 октября 1922 года, согласно решения Реввоенсовета Республики, командующий войсками Украины и Крыма М. В. Фрунзе подписал приказ о формировании нового кавалерийского корпуса.

Командиром корпуса был назначен Григорий Иванович Котовский.

В новый 2 кавалерийский корпус вошли 9 Крымская кавалерийская дивизия и 3 Бессарабская дивизия, развернутая из частей бывшей отдельной кавалерийской бригады Котовского.

Перед тем, как принять новое ответственное назначение, Котовский долго беседовал с Михаилом Васильевичем Фрунзе. Он заверил командующего вооруженными силами Украины и Крыма, что все свои силы отдаст делу создания образцового кавалерийского корпуса.

Еще задолго до того, как Котовский стал во главе крупнейшего кавалерийского соединения, он усиленно работал над тем, чтобы как можно лучше наладить военную подготовку и быт вверенных ему частей.

Советская республика, разоренная войной, только еще приступала к восстановлению хозяйства.

«Покончив с войной, Советская страна стала переходить на рельсы мирного хозяйственного строительства. Необходимо было залечить раны, нанесенные войной. Необходимо было восстановить разрушенное народное хозяйство, привести в порядок промышленность, транспорт, сельское хозяйство. Но переход на мирное строительство пришлось проделать в чрезвычайно трудной обстановке. Победа в гражданской войне далась нелегко. Страна была разорена четырехлетней империалистической

войной и трехлетней войной с интервенцией»^[44].

Советской стране тогда трудно было снабжать армию всем необходимым.

Так же, как при организации в январские дни 1920 года кавалерийской бригады, Котовский и сейчас взялся за карандаш. Он часами вычислял, сколько понадобится седел, конского снаряжения, учебных пособий; сколько надо запасти фуража. Нужно было разрешить множество вопросов, из тысячи мелочей выделить главное и одновременно не пренебрегать мелочами.

Части корпуса размещались в Бердичеве, Гайсине, Тульчине, штаб корпуса — в Умани.

Котовский все время находился в поездках. Он знал Подольскую лесостепь, города и местечки Винницчины не хуже родной Бессарабии. Здесь ему тоже были хорошо известны лесные тропы и далекие селения. Нужно было на месте изыскивать средства, находить помещения, налаживать пути подвоза.

В Бердичеве, на Лысой горе, Котовский решил в кратчайший срок восстановить старые казармы. Собственных кровельщиков и штукатуров не хватало. Командование обратилось за помощью к местному населению. На субботниках по строительству и ремонту казарм работали сотни людей.

Как-то, проезжая по Бердичеву, Котовский увидел, как красноармейцы разбирали высокую трубу разрушенного и брошенного кирпичного завода. Трубу разбирали на кирпичи, которые срочно понадобились для кладки печей. Комкор приказал прекратить разборку. По его распоряжению были приняты меры для восстановления кирпичного завода, и вскоре корпус имел свой кирпич.

К казармам, на Лысую гору, была проведена узкоколейка протяженностью в несколько километров.

Котовский следил за размещением частей, чертил планы конюшен, проверял систему вентиляции, испытывал качество брусьев, трапедий и других гимнастических снарядов.

Он упорно работал над тем, чтобы создать благоприятные материальные условия для успешного проведения боевой подготовки.

В боевой обстановке Котовский нередко собирал свою «походную академию», — т. е. созывал своих командиров и вместе с ними разбирали только что закончившуюся операцию, с тем, чтобы извлечь уроки и обобщить опыт. И он не раз сетовал на то, что ему, так же, как и большинству его товарищей, не удалось в свое время поработать над военной книгой, над военной теорией.

Встречаясь с командирами, прибывшими на фронт из Москвы, из военных академий, Котовский буквально набрасывался на них, требуя, чтобы они как можно больше рассказывали ему из того, что знали сами.

Теперь же, когда отгремели бои, Котовского уже не могла удовлетворить «походная академия».

В корпусе организуются повторные курсы для командного и начальствующего состава, школа для младших командиров. Котовский стремится к тому, чтобы люди, получившие огромный боевой опыт, вооружились и теоретическими знаниями.

Учились и командиры эскадронов, и командиры взводов, старшины и помкомвзводов, начальники штабов и работники службы тыла.

Для разработки военно-теоретических проблем Котовский организовал военно-научное общество корпуса. Он пригласил из Москвы, из Харькова и Киева лучших преподавателей военных дисциплин.

Котовский считал, что в военном деле не должно быть места дилетантам.

— Военное искусство требует конкретных знаний и постоянного совершенствования, — говорил он.

В Умани проживал давно ушедший в отставку бывший профессор академии генерального штаба, полковник Ухач-Угарович. С того момента, как в Умани начал свою работу штаб кавалерийского корпуса, этот человек преклонных лет забыл о том, что он поселился здесь доживать свою старость.

Ежедневно в штабе корпуса Ухач-Угарович проводил занятия с командирами.

Котовский засыпал Высшие академические курсы запросами и письмами. Для занятий с подчиненными ему командирами он получал специально из Москвы соответствующие карты. Отправляя своих командиров учиться в Петроград и Москву, Котовский с каждого брал обещание подробно писать ему о своих занятиях. Живя в Умани, он решал военно-тактические задачи, которые получали слушатели Высших академических курсов и Высших стрелково-тактических курсов «Выстрел».

Котовский учился сам и требовал того же от других командиров. Тем же, кто не хотел учиться, кто только кичился своими прежними заслугами, он говорил:

— Вы, может быть, в десять раз храбрее меня, но я вас выгоню вон из корпуса.

И он не бросал слов на ветер.

Котовский считал своим долгом лично обучать и красноармейцев. Молодые кавалеристы первого года службы привыкли к тому, что на занятиях часто присутствовал командир корпуса. Они знали, что он всегда выслушает, объяснит и поможет.

Вот в манеже закапризничала лошадь, остановилась у препятствия и ни с места. Молодой боец краснеет. Он смущен — ведь перед ним сам командир корпуса, а тут такой конфуз. Котовский же словно и не заметил смущения молодого конника. Он вскочил в седло и поскакал, а потом подробно объяснил бойцу все его ошибки.

На плацу командир корпуса лично показывал молодым конникам, как нужно рубить лозу, вырабатывая чистый и точный сабельный удар.

Если надо было, Котовский еще и еще раз показывал и не уходил до тех пор, пока не добивался, чтобы боец усвоил все то, что от него требуется. Занимаясь с одним, он учил всех; он объяснял командирам, как лучше обучать одиночного бойца.

Бывая в частях, Котовский часто посещал политические занятия. Он любил слушать ответы красноармейцев; с особым восхищением слушал тех, кто отвечал не по книжному, а говорил о событиях революции, о борьбе с классовыми врагами просто, по-своему, вкладывая душу в каждое слово.

Котовский радовался, когда политические занятия проводились содержательно и живо. Он тогда говорил сопровождавшим его:

— Хорошо! И этим оружием успешно овладевают бойцы! Осматривая конюшни, Котовский бывал строг и даже придиричив. Он делал это методически, не спеша: внимательно осмотрит стойло, кормушки, надавит ногой на половицы, возьмет коня за холку или вытащит платок снежной белизны и начнет проверять, тщательно ли чистят коней его кавалеристы.

Котовский часто беседовал с ветеринарами и постоянно читал литературу по ветеринарии. Он требовал от командиров, чтобы они внимательно следили за рационом лошадей.

Когда однажды в конюшнях начали заболеть и чахнуть лошади, Котовский лишился покоя. Были подозрения на сап. По существовавшим правилам, каждую лошадь, заболевшую сапом, должны были немедленно пристрелить. Для Котовского это было большим горем. Он заперся в своем кабинете, разложив перед собой все имевшиеся в его распоряжении книги по ветеринарии. После многих часов, проведенных за книгами, он запретил пристреливать лошадей, подозреваемых в заражении сапом. Корпусные ветеринары запротестовали и заявили, что снимают с себя ответственность.

Котовский же распорядился всех заболевших лошадей свести в

отдельное помещение и выводить их ежедневно на солнце.

Из Москвы приехала специальная комиссия, которая должна была разрешить спор командира корпуса с ветеринарами и проверить состояние конского состава. Комиссия не обнаружила признаков сапа.

Котовский торжествовал. Прошло несколько недель. Изолированные лошади не только выжили, но и окрепли.

Часто командир корпуса приезжал ночью. Подняв кавалеристов по тревоге, он оставался в расположении части до отбоя. Чего только ни успевал он сделать за это время! Всех рас опросит, все рассмотрит, все проверит — до каждого ремешка.

Котовский присутствовал на утренней зарядке красноармейцев, показывал им свой комплекс физических упражнений. Он требовал, чтобы по утрам все мылись холодной водой до пояса, а зимой растирали себя снегом. Он всегда подчеркивал необходимость ежедневной тренировки и постоянной закалки организма.

— Я каждый день всю свою жизнь занимался гимнастикой, и это мне пригодилось. А в будущей войне нам нужно быть особенно сильными. Занимайтесь физкультурой, — говорил Котовский.

Во всех казармах корпуса были оборудованы просторные гимнастические залы. А однажды, по указанию комкора, в казармы было доставлено большое количество сорокаведерных бочек и кадушек, которые предназначались для купания бойцов в холодной воде в осеннее и зимнее время. Котовский считал, что если такую процедуру заканчивать бегом, она укрепит организм человека.

— Пусть даже один заболит, но зато десятки и сотни станут выносливыми и закаленными, — говорил Котовский.

С первых весенних дней он начинал купаться в реке. Сохранились снимки: Котовский купается в Буге во время ледохода. Он влез на льдину и делает на ней, как на ковре, гимнастику. Вместе с ним купаются командиры и бойцы.

Огромное внимание уделял комкор развитию конного спорта. Он хотел, чтобы каждый гарнизон имел свой ипподром. Между частями часто устраивались конные соревнования.

Каждый полк должен был иметь свой оркестр. Свою страсть к духовым оркестрам Григорий Иванович сохранил с юношеских лет. Во время походов гражданской войны он не раз лично обучал бойцов игре на корнете, трубе, валторне. И теперь он часто собирал у себя военных музыкантов, присутствовал на репетициях, давал советы при выборе репертуара.

С каждым днем росли потребности корпуса. Для того, чтобы одеть бойцов в новую форму, надо было достать тысячи метров добротного сукна. А сколько нужно было кожи, постельных принадлежностей, кухонь, наглядных пособий, повозок!..

Страна же тогда не могла дать Красной Армии всего того, чем богаты мы сегодня.

Как раз в эти годы развертывалась потребительская кооперация, которая должна была помочь преодолеть хозяйственную разруху и наладить торговлю. В воинских частях тоже создавались военно-потребительские общества.

Котовский горячо взялся за это дело. Он внимательно изучал статьи и речи Владимира Ильича Ленина о кооперации. Он разрабатывал в деталях различные планы, изыскивая хозяйственные ресурсы, обдумывал, какое мероприятие могло бы дать дополнительные средства на благоустройство казарм, на покупку седел, на оборудование стрелковых тиров и гимнастических залов.

Котовский вспомнил, что он по профессии агроном. Он помогал многим сельскохозяйственным коллективам и коммунаам, которые организовались тогда на Украине, и был избран почетным членом некоторых из них. Особенно следил он за развитием агрошкол. С его помощью была организована уманская агрошкола.

— Нам нужны свои, молодые, пролетарские агрономы, — говорил он.

2 кавалерийский корпус шефствовал над многими агрошколами Уманщины. К Котовскому обращались, когда нужно было достать посевной материал, культиваторы, преподавателей. Посещая агрошколы, Григорий Иванович собирал вокруг себя будущих агрономов, он рассказывал им о Кокорозенах, ходил вместе с ними по опытным полям.

Командир корпуса становился одновременно и хозяйственником. Его заботили и восстановление сахарного завода, и вопросы питания, и организация конных заводов, и борьба с зарвавшимися хозяйчиками и нэпманами.

Старые командиры-котовцы начинали даже ревновать его к кооператорам и снабженцам.

Корпус испытывал острую нужду в коже. Отряды из демобилизованных красноармейцев на территории Таращанского и Радомысльского уездов ловили собак. В течение нескольких месяцев были заготовлены тысячи собачьих шкур. В это время другие демобилизованные бойцы добывали дубильную кору. В Радомысле Котовский организовал пуск корпусного кожевенного завода. Через несколько месяцев завод стал

выпускать всевозможные сорта кож, лайку и хром.

Первая годовщина работы кожевенного завода корпуса отмечалась, как торжественное событие. Котовский сам составил приветственный адрес рабочим завода:

«Дорогие товарищи, рабочие и служащие завода! — писал Котовский. — Мы, командование и правление Общества, от лица командиров, комиссаров, красноармейцев и членов военно-потребительского общества, в день годовщины перехода завода из рук вечных врагов рабочего класса капиталистов-хозяйчиков в руки Красной Армии, поздравляем вас с этим великим торжественным днем, днем первых побед рабочего класса под управлением и защитой ваших братьев красных кавалеристов имени Совнаркома Украинской ССР.

Год усиленного совместного труда дал заводу те достигнутые победы, которые вы сами в этот торжественный день будете констатировать. Впереди еще много трудностей, путь покрыт шероховатостями, но мы уверены в вашем классовом сознании пролетариев-кожевенников, которые будут на трудном пути достижения полного процветания завода нести так же высоко багровое знамя Коммунистической революции, как и ваши братья, красные кавалеристы, в дни суровых боевых рубок с различными полчищами) белогвардейских капиталистических банд, возглавляемых наймитами, золотопогонными генералами, атаманами и батьками. Мы уверены, что в ваших сердцах будет гореть то же желание, что и у кавалеристов, которые за свою лихую работу и верность рабочим и крестьянам и их власти носят имя кавалеристов Совнаркома УССР, и что наши традиции „Только вперед к победам“ будут и вашими традициями. Да здравствуют именинники сегодняшнего дня, герои труда — кожевенники завода 2 Кавкорпуса!

Да здравствует единение Рабочего и Красноармейца в борьбе за победу на хозяйственном фронте!».

В Перегоновке, под Уманью, корпус арендовал разрушенный сахарный завод.

Пока слесари и механики восстанавливали оборудование, Котовский устанавливал сенооборот заводского совхоза, одобренный уездными и губернскими агрономами.

Григорий Иванович принес к себе домой свекловичные семена, обзавелся баночками и начал определять всхожесть семян. Он наладил переписку с семеноводческими хозяйствами. Весной составил план посевной кампании и сам сутками находился на полях.

Котовский мечтал о том дне, когда зазвучит заводская сирена и

начнется производство сахара.

В день пуска заводу было присвоено имя Карла Маркса.

Как радовался Котовский, когда узнал, что в Москве, на совещании сахарников, созванном ВСНХ, выступал Феликс Эдмундович Дзержинский и ставил в пример другим сахарный завод, имени Карла Маркса в Перегоновке, который в первый же сезон добился снижения себестоимости сахара.

В каждом хозяйственном мероприятии Котовского интересовала не только материальная сторона, но и политическая. Когда он узнал, что агроном сахарного завода заключил договоры на контрактацию свёклы только с кулаками, он был взбешен. Он потребовал, чтобы договоры с кулаками были немедленно расторгнуты. Сам выехал на село, провел несколько собраний и, от имени сахарного завода, заключил договоры на контрактацию свеклы с бедняками и середняками.

Торговцы продавали мясо по неимоверно вздутым ценам. Котовский предложил магазинам военно-потребительской кооперации продавать мясо даже с убытком, лишь бы сбить рыночные цены на мясо и сделать его доступным для трудящихся.

Вскоре вся торговля мясом в Умани и других городах, где были расположены части корпуса, перешла в руки военно-потребительской кооперации. Цены на мясо были значительно снижены.

Котовский организовал заготовку мяса в глубинных пунктах Украины для доставки в центральные губернии, рабочим Орехово-Зуева, Иваново-Вознесенска, Вязников. Котовский руководил ходом заготовок, он требовал, чтобы скот не забивался без разбора.

— Мы — не частники и хищнически скот забивать не будем, — говорил Котовский.

Он направлял молочный скот в губернии, пострадавшие после голодного 1921 года; следил за тем, как продвигаются эшелоны.

В борьбе с нэпманами он добился серьезного успеха. Борьба за снижение цен на мясо была одобрена Киевским Губкомом партии. Население с охотой и благодарностью покупало мясо в магазинах военно-потребительской кооперации 2 корпуса, или, как тогда говорили на Украине, в «лавках Котовского».

Рабочие-текстильщики посылали кавалеристам добротную мануфактуру на простыни и на белье. Это была настоящая взаимопомощь.

Во время одной из своих поездок в Москву Котовский посетил трест Моссушно. Он предложил собирать на утиль старые шинели и обмундирование, которое хранилось на всевозможных складах еще со

времен империалистической войны. Он подписал договор с Моссукуно, и через некоторое время на суконные фабрики прибыло много вагонов с ценнейшим утилем. Взамен Котовский получил для красноармейцев необходимое количество нового, добротного сукна.

Все свои хозяйственные мероприятия комкорпуса ставил на обсуждение специально созываемого им экономического совещания. К каждому такому совещанию Котовский долго готовился.

На этих совещаниях намечался план будущих работ, отчитывались директора корпусных заводов; обсуждалось, с какими товарами выступить на Нижегородской ярмарке, где корпус имел свой павильон.

Котовский требовал от своих людей экономии и соблюдения законности; он прививал военным хозяйственникам вкус к борьбе за качество, за рентабельность, умение побеждать не только кулацкий бандитизм, но и цепких и изворотливых нэпманов.

Слова Ленина о том, что «из России нэповской будет Россия социалистическая», глубоко запали в сознание Котовского и за осуществление этих слов он боролся как государственный деятель.

По инициативе и докладу Котовского, одобренному Михаилом Васильевичем Фрунзе, был организован Цувоенпромхоз, который на базе заброшенных и разрушенных помещичьих имений создавал на Украине крупные военные совхозы, сыгравшие большую роль в деле снабжения Красной Армии продовольствием.

Котовский был председателем ревизионной комиссии Цувоенпромхоза, где он проводил огромную работу как организатор и агроном.

В самый короткий срок Котовский поставил на ноги молодой корпус.

...Осенью 1923 года 2 кавалерийский корпус принял участие в больших маневрах в районе Винницы.

Полки и дивизии корпуса проезжали по тем степям и дорогам, по которым еще не так давно Котовский водил своих боевых орлов.

Славу ветеранов-котовцев теперь разделяли и молодые их товарищи-бойцы.

Добрым словом, добрым взглядом встречала Украина корпус имени Совнаркома Украины!

Посредники и командиры других частей, участвовавших в маневрах, были поражены внешним видом конников Котовского. На всех — новые гимнастерки, галифе, новые сапоги. Все блестит: и голенища и козырьки фуражек, седла — из новой кожи.

— Как это удалось вам все раздобыть, все подобрать? —

расспрашивали Григория Ивановича.

Маневры, на которых должны были «сразиться» два кавалерийских корпуса, для Котовского были большой тактической задачей.

Котовскому удалось опередить «противника», создав ложную обстановку. И когда разведчики «противника» донесли об этой обстановке своему командованию, Котовский ночью, скрыто, поднял свой корпус и, совершив ночную переправу через Буг, обошел «противника» и ударил его по тылам.

Все это было произведено с такой внезапностью, что «противник» не успел и опомниться.

Во время ночной переправы через Буг Котовский стоял на берегу. Вдруг он увидел, как одну тачанку подхватило водой и понесло. Командир корпуса кинулся в воду, перерезал построики и этим спас и людей, и коней.

По окончании маневров в Виннице был устроен парад.

Котовский, не отрываясь, смотрел на проходившие части. На кавалеристах были новые гимнастерки темно-синего цвета. У корпуса была своя форма. Бойцы 9 Крымской дивизии имели на фуражках желтый околыш и синий верх. Бойцы 3 Бессарабской — желтый околыш и красный верх. Брюки у кавалеристов 3 Бессарабской были сшиты из ярко-красного сукна.

Котовский смотрел на своих конников и мысленно видел их несущимися на врага. Он не удержался от восклицания:

— Эх, если бы встали Няга, Макаренко и Просвирин! Если бы наши старые бойцы, погибшие в боях, увидели этот парад!..

Котовский был взволнован.

Свои мысли о традициях Красной Армии Котовский выразил в «Моем завете», написанном им к трехлетнему юбилею 45 дивизии:

«На пороге четвертого года существования дивизии мне, как старому бойцу и непосредственному организатору ее частей, хочется призвать вас, молодых бойцов, свято относиться к тем традициям, за которые немало храбрейших из нас осталось на поле брани. Умирая, они завещали нам довести до конца начатое ими дело».

«Все традиции, созданные и пронесенные через пламя гражданской войны, должны быть сохранены молодыми бойцами ко дню последней и решительной схватки с капиталом. Прошлые победы — лучший показатель силы наших традиций, и я верю, что в предстоящей схватке победа будет за нами»^[45].

На маневрах, во время учебных занятий, на заседаниях Военно-научного общества Котовский всегда призывал командиров стремиться

приближать военное обучение к реальной боевой обстановке. Он горячо спорил с теми, кто утверждал, что конница уже отжила свой век.

На совещании кавалерийских начальников, созванном в Москве 6 апреля 1925 года, Котовский убежденно и страстно излагал свои взгляды на роль конницы. При этом он исходил не только из опыта последних войн, но и из состояния и развития военной техники. Он ратовал за конницу, сильно оснащенную, вооруженную и поддерживаемую всеми видами современной военной техники. Он считал, что коннице должны быть приданы бронеотряды. Он говорил об усилении огневой мощи конных частей, об оснащении конницы пулеметами и артиллерией.

За годы гражданской войны Котовскому приходилось командовать и стрелковыми, и кавалерийскими частями. Будучи командиром стрелковой бригады, он огромное внимание уделял действиям своей небольшой кавалерийской группы; командуя же кавалерийской бригадой, Котовский имел свой «пеший эскадрон». Особенно ценил Котовский бойцов, которые одинаково умело дрались и в конном, и в пешем строю. Поэтому; он считал, что и в будущей войне, при маневренных действиях, сильная, хорошо вооруженная конница сможет наносить врагам сокрушительные удары.

Совершенствуя свои военные знания, Котовский мыслил очень широко. Он понимал, что военное искусство Советской Армии должно опираться на последние достижения науки и техники. Стараясь определить характер будущих военных столкновений, он внимательно следил за международным положением.

*

«Все мое внимание, всю энергию, все силы отдаю на то, чтобы создать образцовую боевую единицу, и каждый свой шаг в своей работе строжайшим образом согласовываю с железной логикой необходимости того или иного момента, который имеет актуальное значение для создания железной единицы, необходимой для защиты Республики», — писал Котовский в феврале 1924 года Михаилу Васильевичу Фрунзе.

Всеми своими мыслями, планами и сомнениями Котовский делился со своим любимым другом и начальником Михаилом Васильевичем Фрунзе. Фрунзе был его подлинным партийным учителем.

Котовский часто встречался с Фрунзе в Харькове, в частях корпуса и в Москве. Каждая встреча с этим выдающимся пролетарским

революционером, бесстрашным большевиком, крупным военным теоретиком и мыслителем была для него огромным событием.

Котовский видел в лице Фрунзе преданнейшего ученика Ленина и Сталина, образованнейшего марксиста. Общение с Фрунзе обогащало его. Фрунзе же ценил Котовского за его боевой опыт, любил за темперамент и кипучую энергию.

13 октября 1923 года М. В. Фрунзе писал Сергею Мироновичу Кирову в связи с поездкой Котовского в Баку: «Тов. Котовский в смысле политическом и деловом пользуется абсолютным доверием и авторитетом у командования»^[46].

Между Фрунзе и Котовским возникла большая, хорошая дружба.

Когда Котовский приезжал по служебным делам в Харьков, все штабные командиры знали, что Фрунзе будет все время с ним. После деловых разговоров Фрунзе вел Котовского к себе домой, он любил слушать его рассказы о Бессарабии, о Приднестровье, о молдаванах. Этот край всегда привлекал Михаила Васильевича, так как сам он был по происхождению молдаванином, и отец его был уроженцем Тираспольского уезда.

Фрунзе любил слушать, как Котовский проникновенно напевал протяжные молдавские песни.

С затаенной болью говорил Котовский о Бессарабии, о том, как тяжело ему было в январские дни 1918 года потерять обретенную родину. И мечтал, что как только Бессарабия станет советской (а в этом он никогда не сомневался), он покажет Михаилу Васильевичу ее сады, ее холмистую степь, ее людей.

Фрунзе любил слушать рассказы Котовского так же, как Котовский прислушивался к каждому слову Михаила Васильевича. Они вспоминали далекие годы. В разное время им пришлось сидеть в одной и той же камере Николаевского централа. В то время, как Котовский в далекой Бессарабии мстил помещикам и богачам, Михаил Васильевич Фрунзе уже был большевиком, членом Центрального Комитета партии, боевым руководителем рабочих дружин и организатором знаменитой стачки иваново-вознесенских и шуйских ткачей.

Котовский и Фрунзе вспоминали о том, как тот и другой были приговорены царским правительством к смертной казни через повешение... Котовский не скрывал своего восхищения перед Фрунзе, как перед человеком, полководцем и большевиком.

Похвала Фрунзе была для него высшей наградой. Он воодушевлялся, когда Фрунзе одобрял его начинания и краснел, когда Михаил Васильевич

отечески подтрунивал над его чрезмерным увлечением хозяйственной деятельностью. Фрунзе нравились размах и горячность, с которыми Котовский брался за каждое порученное ему дело, его непримиримость к врагам, его любовь к стальной дисциплине.

Когда злейшие враги народа, троцкистско-бухаринские отщепенцы, пытались расколоть единство партии и повернуть страну на гибельный путь восстановления капитализма, Котовский проявил всю свою преданность партии, всю свою любовь к отечеству.

При первой же встрече в 1921 году Троцкий произвел на Котовского отталкивающее впечатление. По предложению Троцкого, Котовскому было приказано тогда оставить свою бригаду, не возвращаться на Украину и принять командование дивизией, расположенной в глубине страны.

Только благодаря вмешательству и настойчивости М. В. Фрунзе Котовский был возвращен на Украину.

— Это не революционер, а демагог, — говорил еще тогда Котовский о Троцком.

Котовский был в отъезде, когда узнал, что троцкисты, проникшие в части корпуса, пытаются открыть там дискуссию. Он сразу же понял, какую опасность представляет эта свора изменников и предателей. Он поспешно вернулся в штаб и добился, того, что из всех частей корпуса были немедленно удалены все сторонники и приверженцы Иудушки-Троцкого.

На всех партийных собраниях Котовский громил и разоблачал троцкистов. Он яростно выступал против этих злобных врагов народа на партийной конференции в Киеве, отстаивая генеральную линию партии.

— Это враги, настоящие недобитые враги. Сколько вреда они приносят нам! — возмущался Котовский. — Я этих гадов не подпущу к корпусу и на пушечный выстрел. Корпус должен быть монолитным.

В мирной обстановке Котовский жил так же напряженно, как в боевые годы. Он боролся с разрухой, с явными и тайными врагами советской власти, с кулацкими бандитами, с нэпманами, с троцкистско-бухаринскими мерзавцами. Он готовил вверенный ему корпус к будущим боям, и в этой деятельности рос как руководитель, который превыше всего ставит интересы партии и государства.

— У нас есть Красная Армия, которая, кроме своей техники, настоящей и реальной, кроме своего вооружения, имеет еще сильнейшее в мире оружие. Это оружие — ленинизм, — говорил комкор в одной из своих речей.

Сам Котовский стремился мастерски владеть этим оружием. Он писал:

«Сейчас упорно работаю над своим марксистским самообразованием».

На вопрос анкеты о партийной работе, Котовский ответил: «Как командир-коммунист одновременно с военной и хозяйственной работой веду и политическую, всей своей работой претворяя в жизнь заветы Ильича»^[47].

Долго и тщательно готовился он к докладам, с которыми часто выступал перед красноармейцами, студентами, незаможниками, на партийных собраниях, конференциях и митингах. Его блокноты полны записями, свидетельствующими о том, с какой внимательностью следил Котовский за международным положением.

Вся жизнь, все дела, поступки и мысли Котовского пронизаны высокой партийностью.

Заканчивая свою автобиографию «Правда моей жизни», он писал: «В Котовском пролетарская коммунистическая революция и коммунистическая партия имеют одного из самых преданнейших, готовых за ее идеи и задачи погибнуть каждую минуту; а мировая буржуазия имеет в лице Котовского смертельного, беспощадного врага, который каждую минуту готов к последнему решительному с ней бою».

Глава вторая С НАРОДОМ

Штаб 2 кавалерийского корпуса имени Совнаркома УССР помещался в городе Умани.

Котовский жил на окраине города, в Пролетарском переулке. Он занимал небольшой особняк, принадлежавший раньше уездному воинскому начальнику. Когда этот дом был отведен Котовскому, он застал в нем вдову царского генерала, разбитую параличом. Командир настоял, чтобы эту старуху оставили в доме, — пусть в покое доживает свой век.

В большой светлой, обклеенной серебристо-серыми обоями комнате Котовский устроил свой домашний рабочий кабинет. На одной из стен висела огромная карта Европейской России.

Рабочий день командира корпуса начинался, обычно, летом в пять часов утра, зимой — в шесть.

В кабинете, за ширмой, стояла большая эмалированная ванна и кувшин. Среднее окно в кабинете, у письменного стола, не замазывалось на зиму. Котовский делал гимнастику при открытом окне, а потом обливал себя водой и докрасна растирал грудь мохнатым полотенцем.

Командир корпуса старался уплотнить свой рабочий день, но как бы он ни был занят, он никогда не забывал физкультуру. Вот распорядок дня, которого он старался придерживаться:

Подъем 5 ч.

Гимнастика и тренировка 6 ч. 30 м.

Завтрак — до 7 ч.

Занятия — до 10 ч.

Тренировка 10 ч. 30 м.

Занятия — до 13 ч. 30 м.

Тренировка 14 ч.

Занятия 15 ч. 30 м.

Тренировка 16 ч.

Обед 17 ч.

Занятия 21 ч.

Гимнастика и тренировка 22 ч. 30 м.

Сон с 23 часов.

Шагая по кабинету, Котовский часто останавливался у окна, выходящего в сад, и смотрел вдаль.

За деревьями виднелись поля и полотно железной дороги. Он любил провожать взглядом удалявшийся поезд.

В одном из своих дневников он оставил запись: «Сила уединения очень важна». Уединение нужно было ему для того, чтобы собраться с мыслями. Замкнутость была чужда ему с первых шагов его сознательной жизни.

Он жил в Умани, а его «линия фронта» охватывала сотни верст — молдавские села, в которых строились новые кирпичные здания школ-семилеток, Ободовскую коммуны и Бердичев, Тульчин и Бершадь...

На письменном столе, покрытом темно-зеленым сукном, стояла гипсовая фигура В. И. Ленина во весь рост и черный бюст К. Маркса.

Садясь утром за письменный стол, Котовский старался заранее распланировать начинавшийся день. Он заносил на листок блокнота вопросы, которые должен был разрешить за день.

Вот одна из таких записей: «Проверить ход контрактации свеклы». «В президиуме Горсовета поставить вопрос о восстановлении кирпичного завода в городе». «Расследовать жалобу крестьянина на неправильные действия сельсовета». «Об агрономической школе»...

Котовский недолго оставался в одиночестве. В городе знали, что его легче всего застать дома в утренние часы.

К нему приходили агрономы, работники Уманского горсовета, инженеры и: ветеринары. Все они с любовью и гордостью говорили о нем: «Наш Котовский».

Григорий Иванович всех внимательно выслушивал. Никого не отпускал он от себя неудовлетворенным или недоумевающим... Если же в чем отказывал, то всегда объяснял причину.

К Котовскому обращались, как к командиру корпуса, как к представителю советской власти — члену ЦИКа СССР и ВУЦИКа, как к другу и советнику. Люди тянулись к нему; с первой же встречи он располагал к себе, ему доверяли, его любили.

В мелочах и в крупном он проявлял большую чуткость к людям.

Григорий Иванович принимал живейшее участие в общественной жизни Умани. Он интересовался благоустройством города, мечтал электрифицировать всю Уманщину, учил торговать уманских кооператоров.

По инициативе Котовского в городе был выстроен образцовый стадион и ряд гимнастических залов.

Однажды на этом стадионе выступили приехавшие в Умань борцы-профессионалы. Григорий Иванович не выдержал и вступил с одним из борцов в единоборство. Эта встреча принесла ему победу. Уже тогда все в

городе называли этот стадион «Стадионом Котовского».

Командир корпуса часто собирал местных физкультурников и давал им методические указания. Не оставлял он в покое и ответственных партийных и советских работников. Не раз, бывало, шел он рано утром по улицам, стучал в окна и будил многих городских работников. Он звал их за собой и заставлял вместе с командирами делать утреннюю зарядку.

Бывали дни, когда сотни людей на открытом воздухе делали вместе с Котовским утреннюю зарядку.

В городе знали, что если долгое время по утрам не раздастся характерный, настойчивый стук в окна, — значит командира корпуса нет в Умани.

После занятий в штабе Котовский возвращался домой. Он часто приводил с собой самых разных людей: студентов, рабфаковцев, стариков и беспризорных.

...Наступало время обеда. Это был самый оживленный час в семье Котовского. За столом собирались командиры, приехавшие в Умань из дивизий в командировку, ординарцы и так называемые «переселенцы» — старые бойцы, приехавшие по разным делам к Котовскому. Ели из тарелок, котелков, мисок; посуды обычно не хватало.

Какие только разговоры и диспуты ни разгорались во время обеда!

Григорий Иванович ел свою любимую мамалыгу, борщ с перцем, пампушки с чесноком и беседовал со всеми одновременно, всех вовлекая в разговор.

После обеда он обычно возился с сыном. Котовский удивлялся способностям своего мальчугана, который уже в два года знал азбуку и запоминал названия частей локомотива и других механических игрушек, которые отец привозил ему из Москвы, Харькова, Киева...

О рождении сына Григорий Иванович узнал, когда был в Москве. Он смущенно принимал поздравления, а сам все думал: «Какой же у меня сын?». Он рвался поскорее домой — в Умань. Из Киева до Умани из-за снежных заносов не ходили поезда.

Котовский выехал на дрезине.

И вот он тихо вошел в свою квартиру, словно боясь кого-нибудь разбудить. Ольга Петровна протянула ему сына. Котовский бережно взял мальчика. Он долго вглядывался в черты ребенка.

— Какое же дать ему имя? — спросил он жену.

Котовский задумался. Он долго шагал взад и вперед по комнате, подходил к окну, смотрел на видневшееся полотно железной дороги и на далекое поле, заметенное снегом.

Наконец, остановился и сказал:

— Назовем его Григорием. Если какому-нибудь бандиту удастся прикончить меня, — пусть не радуется, будет второй Григорий Котовский. Ты сумеешь его воспитать.

С этого дня стало в семье два Григория — Гриша большой и Гришутка маленький.

В личном быту Котовский был удивительно скромн.

Котовский сурово отзывался о тех, кто слишком много энергии уделял устройству своих личных удобств.

— Если жить только для себя, так вообще не стоит жить, — говорил он.

На партийных собраниях и в личных беседах Котовский всегда подчеркивал, что коммунисты во всем должны быть примером для беспартийных и для подрастающей смены.

«Он ведет образ жизни настоящего коммуниста», — это было высшей похвалой в его устах.

По вечерам Котовский много часов проводил за книгами и оперативными картами.

Каждый раз, приезжая из Москвы и Харькова, он привозил с собой чемоданы, набитые книгами. Его знали все московские букинисты. Он часами ходил у Лубянской стены, где в те годы шла торговля книгами в развалку, и подбирал литературу по всевозможным отраслям знания, собирал все то, что относилось к механизации сельского хозяйства, к сахароварению, к ветеринарии. Вместительная этажерка в его кабинете была заполнена политической и военной литературой.

Как-то на фронте Котовский выступил перед красноармейцами с докладом о Парижской Коммуне. Тогда у него под руками был только листок из отрывного календаря с самыми краткими сведениями. Теперь же он конспектировал сочинения Ленина и Сталина, подбирал литературу о Парижской Коммуне, изучал «Капитал» Карла Маркса; с увлечением читал речи Жореса...

Алексей Максимович Горький был любимым писателем Котовского. Котовский любил романы Виктора Гюго и зачитывался Жюль Верном. Всем своим друзьям он советовал прочитать «Аэлиту» Алексея Толстого, а в Московском Художественном театре обязательно посмотреть «Смерть Пазухина». Из актеров он особенно любил за великолепный талант и за жизнерадостность Степана Кузнецова, который одинаково блестяще исполнял роль Хлестакова и городничего.

Мысли, возникавшие во время чтения, Котовский заносил в записные

книжки. Выписки из книг о коневодстве и по истории кавалерии чередуются в них с пословицами, записями своих мыслей и наблюдений над людьми; наряду с агрономическими заметками о севообороте и сельскохозяйственных машинах, в записных книжках Котовского немало и таких пометок: «Хотеть — значит мочь». «Настойчивость к намеченной цели». «Никогда не думай о двух вещах сразу».

Котовский предъявлял к самому себе самые строгие требования. Он считал, что над своим характером человек должен работать всю жизнь. Григорий Иванович не стеснялся открыто признавать свои ошибки. Однажды, получив неправильную информацию, он, в присутствии других, сердито распек командиров 3 Бессарабской дивизии. Когда же узнал, что был введен в заблуждение и что командиры не виноваты, он не мог успокоиться до тех пор, пока срочно не вызвал к себе всех присутствовавших во время этого разговора и публично не извинился перед теми, в отношении кого был несправедлив.

Каждый свой шаг, каждый свой поступок Котовский расценивал с точки зрения того, как его действия отвечают тем высоким требованиям, которые предъявляет партия каждому своему члену.

В годы гражданской войны Котовский мечтал о днях мирной жизни. Еще в 1920 году он писал жене: «Мысль о тебе, и мне снова становится хорошо и тепло на душе. Сердце начинает радостно биться. Ведь мы будем с тобой еще счастливы сильно, сильно, моя любимая, родная».

Это счастье наступило. Григорий Иванович ценил в жене друга и товарища. Глядя вместе с Ольгой Петровной на своего первенца, он говорил: «Ты поможешь мне воспитать из него достойного, настоящего коммуниста».

Отдавая себя целиком созданию образцового боеспособного корпуса, Котовский всю свою деятельность рассматривал как подготовку к грядущим жестоким боям.

*

Каждое утро в адрес Котовского приходили десятки писем. Ему писали демобилизованные красноармейцы, знакомые и незнакомые люди. Они называли его дорогим отцом.

«Дорогой наш товарищ командир! Я юношей оторван от родной семьи. Николай кровавый угнал меня на ту кровавую

бойню, которая была затеяна для наживы капитала, но из этой войны мне удалось выйти живым. Не бросая оружия, я вступил в ряды Красной Армии. Это было в 1918 году, это было в тяжелую эпоху, когда наша революция была на краю гибели, когда на нас надвигались темные тучи, когда вихри враждебные веяли над нами. И тогда я поклялся держать крепко в руках оружие, с которым я недавно расстался, то есть 14 января сего года. Когда мы покончили войну с нашими врагами, стали сокращать нас — старых бойцов. Не знаю, чем заняться в этой жизни. Возьмите служить меня обратно или дайте наставление... Пишу Вам, своему командиру и от Вас надеюсь получить помощь.

*Демобилизованный красноармеец пульэскадрона
Малахов Ф. В.».*

«Дорогой тов. Котовский! Покорнейше благодарю за то, что Вы меня не забываете и послали десять рублей. Я их получил и благодарю Вас за этот подарок. Я сейчас нахожусь в больнице, лечу свои раны. У меня открылись два ранения, хотели вытащить пулю с левой стороны живота, но еще не вынули... Я пишу Вам, лежа на койке, и только думаю о Вас... Я поступил в Ваш отряд еще около станций Новосавицкой и Кучурганы в 1918 году. Уже сколько лет я из дому. Мирной жизни не видел, все время был на позиции, а сейчас демобилизовался... Товарищ Котовский, жду Вашего приказа — что мне делать дальше?

Иван Колистратович Осипов».

«Здравствуйте, дорогой отец наш, Григорий Иванович!

Вы читаете письмо от Забудько, Николая Ивановича. Я бывший Командир вверенного Вам корпуса. От швали, которую мы разбили, остались только рожки да ножки. Товарищ начальник! Вы сами знаете, что я был у Вас примером. Я был у Вас комвзводом. Возьмите меня обратно к себе, чтобы научиться быть таким артиллеристом, как был наш погибший папаша Просвирина... Хочу умереть около Вас за трудящийся народ и вернуться в корпус. А пока до свидания. Желаю Вам всего хорошего. Поклон мамаше — Ольге Петровне».

После демобилизации бойцам-бессарабцам некуда было возвращаться, их дома остались на правой стороне Днестра. У большинства из них не было никакой специальности. Многие бойцы, как всегда в трудные минуты, обращались к командиру корпуса, как к родному отцу. Они разыскивали штаб или квартиру Котовского, приходили к «мамаше» Ольге Петровне и оставались здесь жить. Нередко квартира напоминала лагерь, особенно, когда перед сном бойцы раскладывали свои шинели на столах и на полу. Если несколько лет назад Котовский звал людей в бой, то теперь он советовал им учиться и работать на хозяйственном фронте. Одних он устраивал в военизированную охрану, других направлял на учебу, большинство же посылал в сельскохозяйственные коллективы бороться за новую социалистическую жизнь на селе.

Вскоре Котовский стал получать и письма, в которых бойцы уже делились с ним своими успехами:

«Дорогой наш папаша, командир славного красного 2 кавкорпуса! Посылаем Вам искреннюю благодарность от Ваших бывших бойцов. Когда мы были в красноармейских рядах под Вашим командованием, мы всегда знали, что разобьем всех врагов молодой республики, а теперь, после нашей демобилизации, мы уверены в том, что мы создадим примерный сельскохозяйственный коллектив. Мы видим, как наш славный красный генерал оценил наш труд и помог нам и нашим семьям. Шлем привет всему славному корпусу и сообщаем Вам о ходе нашей работы: постройки привели на должную высоту, земля обсеяна, сад в полном хозяйственном порядке, все лошади, переданные нам корпусом, доставлены благополучно. Да здравствует наш славный кавкорпус со своим командиром красным генералом Котовским! Да будет страшен он всем врагам революции!

*Коллектив „Красный бессарабец“, село Людвиковка,
Черновицкий район, Могилев-Подольского округа».*

...Еще на фронте, в галицийских лесах, мечтали бойцы построить на берегу Днестра коммуны, чтобы в ней было много света, и этот свет был виден в Бессарабии.

Обозревая местность с верхушки сосны, какой-нибудь наблюдатель мечтательно говорил:

— Вот здесь, в такой местности, организовать бы коммуны... С мыслью о коммуне вели многие котовцы последние бои, преследуя банду Тютюнника.

Пришло время, и Котовский решил организовать коммуны из демобилизованных красноармейцев корпуса.

— Создадим крупное, социалистическое хозяйство, оно будет образцовым — пусть крестьяне берут пример, — говорил он и, вспомнив о мечте бойцов, полушутливо добавлял:

— Поставим огромный столб, зажжем мощную электролампу. Напишем огнями вывеску такую, чтобы в самую темную ночь могли прочитать на том берегу Днестра: «Бессарабская коммуна».

О проекте организации коммуны Котовский докладывал командующему Украинским Военным Округом товарищу Фрунзе.

Организовать коммуны, но как и с чего начать? Для начала решили открыть в селе Ободовка конный завод. На складах в Киеве выбрали плуги для нового хозяйства.

Старые коноводы — котовцы Гаманюк и Максимов отправились в Ободовку выращивать жеребят. Скоро вслед за ними приехали туда и другие, привезя с собой небольшую, но ценную бумагу:

«Инициативной группе по организации сельхозкоммуны. Идя навстречу устройству быта демобилизованных красноармейцев, в частности уроженцев Бессарабии, командование 2 Кавалерийского корпуса настоящим передает в Ваше распоряжение корпусные совхозы — Ободовку и Верховку для организации в таковых образцовой сельскохозяйственной коммуны.

Передавая указанные совхозы, командование корпуса уверено в том, что члены организации коммуны — старые бойцы 2 Кавалерийского корпуса, ветераны гражданской войны — на новом фронте коллективного сельскохозяйственного труда явятся живым примером для окружающего населения и будут проводниками среди него всех культурных начинаний рабоче-крестьянской власти.

Командир корпуса Котовский»^[48].

В Ободовку ехали котовцы — будущие коммунары. Подъезжая, они увидели огромный замок. Пан Сабанский выстроил его на горе.

Все недвижимое имущество магната Сабанского переходило к коммуне. Котовцы заняли разрушенный замок.

Нужно пахать под зябь. В коммуне только двадцать две лошади. Не хватает и плугов. Денег нет. По распоряжению Котовского, полковые лошади, негодные к боевой службе, были переданы коммуне. Лошади тянули плуги; люди в постолах и босиком целыми днями ходили за ними, забывая об усталости. В один из таких дней в коммуну приехал Котовский вместе с командиром и комиссаром 9 Крымской дивизии и корпусным ветеринарным врачом.

Весть о том, что приехал Григорий Иванович, дошла до работавших в поле. Коммунары по очереди отрывались от плуга, чтобы поговорить с командиром. Гаманюк суетился, желая как можно лучше принять первых гостей коммуны.

— Ну вот, коммуну организовали. Пусть знают на том берегу Днестра, как бессарабцы строят свое хозяйство. Если нельзя коней напоить в Пруту, так покажем свою силу на наших полях, — говорил Котовский.

После того, как командиры осмотрели хозяйство, коммунары пригласили их к столу.

Котовский сидел в углу. Он был одет в форму 9 дивизии. Котовский хотел показать командирам 9 дивизии, с какими бойцами сражался он на фронте, какие люди вышли из его родной 3 Бессарабской дивизии.

Чорба спел молдавскую песню — дойну. Вышел пастух, перед ним белые овцы на зеленом просторе. Счастлив пастух, ни о чем не думает. Но разбрелись овцы. Растерял пастух стадо... Но потом прибегают овцы и опять поднимается песня на крыльях... Поздно ночью командир корпуса выехал на машине в Умань... Через несколько месяцев коммуна праздновала открытие электростанции. Приехали представители 3 Бессарабской дивизии и делегаты от сельсоветов.

Как только стемнело, был включен рубильник. Вспыхнул свет. Большая лампа на столбе посередине двора вспыхнула ярким светом. Зажглись лампочки и в постройках.

На собрании коммунаров были оглашены приветственные телеграммы от председателя Реввоенсовета Республики товарища Фрунзе и командира 2 кавалерийского корпуса имени Совнаркома Украины товарища Котовского.

Весной 1924 года Котовский телеграфировал в коммуну, чтобы ее представители выехали на станцию Крыжополь к одесскому поезду. Во время короткой остановки он встретился с коммунарами и предложил им поехать вместе с ним.

В Одессе Котовский и коммунары долго осматривали на складе

тракторы, выбирали, какие из них купить для коммуны. Было решено приобрести пять машин.

— Такое хозяйство должно иметь не пять, а, по крайней мере, двадцать пять тракторов, — говорил Котовский. — Только тогда будет настоящий эффект, когда мы станем тракторами обрабатывать и землю окружающих селян.

Вскоре в Ободовку прибыли тракторы.

Котовец Максимов, первый из коммунаров, стал трактористом... Еще на фронте он узнал, что существуют тракторы. Наступая на Львов, бойцы наткнулись на какую-то машину, обрадовались, к сразу разнеслась весть: «Захвачен танк!». А «танк» оказался простым сломанным трактором. Максимов заинтересовался незнакомой машиной и разобрал ее.

Теперь он сидел на тракторе. Его новый «конь» гудел и трещал.

По степи шел необычный для Ободовки гул.

Всю весну ободовские селяне напряженно следили за всходами посевов. Зазеленели поля коммуны. И летом только и шли разговоры, что «зелення коммуны густі и свжі, швидко в рост пішли».

Котовский присылал в Ободовку демобилизованных бойцов, и они становились коммунарами.

Коммуну разыскивали демобилизованные котовцы и красноармейцы из других дивизий; приходили в Ободовку и перебежчики с той стороны Днестра.

Котовский постоянно интересовался жизнью и работой коммуны. Он сам разрабатывал всевозможные агрикультурные мероприятия, которые считал необходимым ввести в коммуне, давал советы коммунарам скорее наладить производство сыров, сажать виноградники, выпускать плодово-ягодные вина, варить повидло.

...К 1925 году сельскохозяйственная Бессарабская коммуна стала одной из лучших на Украине. В гости к коммунарам-котовцам приезжали экскурсанты из других сел. Они осматривали обширное хозяйство коммуны: конюшни, молодые сады, молочную ферму, инкубаторы. Всеобщее внимание обращали на себя шагавшие по двору: верблюды. Эти верблюды, доставленные из Африки англичанами для Деникина, таскали когда-то орудия белогвардейцев. Потом они были захвачены красными конниками и стали возить за собой орудия, которые били по белогвардейцам.

В Ободовке же на верблюдах развозили корм свиньям.

«Дорогие товарищи! Очень рад слышать о ваших успехах, — писал Котовский в июне 1925 года в своем письме коммунарам-бессарабцам. —

Рад, что вы оправдали все ожидания и перешагнули за них. Ваша коммуна приковывает внимание нашего Союза, и это должно быть стимулом для всей коммуны по пути к образцу. Будьте сильны и здоровы в своем движении вперед. Жму руку всем героям и героиням — образцовым коммунарам. Всегда душой с Вами. Ваш Г. Котовский».

*

Командир корпуса подолгу не засиживался в Умани.

Одно время Котовский был председателем комиссии по размещению воинских частей на территории правобережной Украины. С особенной охотой посещал он места, которые хорошо знал по недавним боям, и никогда не упускал случая побывать на Днестре, где подолгу, в задумчивом молчании, смотрел на бессарабский берег, такой близкий и одновременно далекий.

Однажды он увидел помещика, в белом кителе, с палочкой прогуливавшегося по берегу. Тут же, на берегу, работали на помещика батраки.

Днестр разделял два мира. Там, в украденной империалистами Бессарабии, румынские помещики продолжали глумиться над бесправными бедняками. Не раз перебежчики, спасавшиеся на советском берегу Днестра от преследования оккупантов, заявляли пограничникам, что просят их направить к Котовскому. Еще когда они готовились к переходу через демаркацию, близкие говорили им в напутствие:

Там, за Днестром, наши братья. Там; Советы, там счастье! Там наш заступник Котовский! Расскажите ему, как мучают, как истязают нас насильники. Пусть он придет и отомстит за нас.

Котовский внимательно расспрашивал перебежчиков. Он непрестанно следил за жизнью на том берегу Днестра, за освободительной борьбой, которая не прекращалась там со дня захвата Бессарабии. Он знал, какую колоссальную работу проводила в Бессарабии, в подполье, румынская коммунистическая партия. Он всегда верил, что доживет до той счастливой минуты, когда его родная Бессарабия снова будет воссоединена с Советским Союзом.

На первом всесоюзном съезде бессарабцев в Москве 9 апреля 1925 года Котовский выступил с большой пламенной речью. Съезд приветствовал его появление долгой овацией. Заканчивая свою речь, Котовский воскликнул:

— Да здравствует, товарищи, наша красная родная Бессарабия!

Всю свою жизнь боролся Григорий Котовский за свободу и счастье народа Бессарабии. Как страдал он за судьбу родного края, за братьев и сестер, живших в кабале! Он любил песни Бессарабии, изобилие ее садов, легенды ее народа. Он глубоко верил, что придет время, и Бессарабия станет советской.

Беседуя с бессарабцами, Котовский неоднократно высказывал мысль о необходимости создания на левом берегу Днестра Советской Молдавской Республики. Пусть на рубеже двух миров засияют огни социалистической Молдавии!

В январские дни 1924 года Котовский, как делегат II Съезда Советов, был в Москве. Вместе со всей страной и трудящимися всего мира он тяжело переживал скорбную весть о смерти Ленина. Потрясенный горем, стоял он в одной из смен почетного караула у его гроба.

26 января на траурном заседании II Всесоюзного съезда Советов Котовский слышал, как продолжатель дела Ленина, великий Сталин, в своей речи давал от имени партии великую клятву:

«Товарищ Ленин неустанно говорил нам о необходимости добровольного союза народов нашей страны; о необходимости братского их сотрудничества в рамках Союза Республик. Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам укреплять и расширять Союз Республик. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы выполним с честью и эту твою заповедь!..»

Именно в эти скорбные дни Котовский решил поставить перед партией и правительством вопрос о создании в Приднестровье Автономной Советской Социалистической Молдавской Республики. Котовский поговорил об этом с Михаилом Васильевичем Фрунзе. Фрунзе обещал всячески поддержать его и посоветовал ему обратиться в ЦК партии и в правительство с докладной запиской.

Инициатива Котовского, поддержанная другими бессарабцами, была одобрена. Подготовительную работу по организации будущей Молдавской республики было поручено провести Котовскому. Из состава политработников корпуса он должен был создать комиссию для точного выявления количества молдаван, проживающих на советской стороне Днестра, а также подготовить предварительные материалы для определения границ Автономной Молдавской Республики в составе Советской Украины.

Во всех селах Приднестровья молдаване радостно встречали представителей Второго кавалерийского корпуса. Собранные этими представителями материалы легли в основу организационной работы по

созданию республики.

В молдавских селах проходили митинги.

На этих митингах принимались телеграммы, направлявшиеся в Харьков и в Москву. Молдавский народ выражал горячее стремление строить свою Социалистическую Республику.

В те дни, когда на советской стороне Днестра проходили митинги и манифестации, и молдаване на родном языке свободно выражали свои думы и чаяния, на правой стороне Днестра, на юге Бессарабии, с новой силой вспыхнуло восстание против оккупантов. Восставший народ провозгласил Советскую Республику.

Татарбунарским восстанием руководили бессарабские коммунисты. Были провозглашены лозунги: «Да здравствует Молдавская Советская Социалистическая Республика!», «Да здравствует Советская Бессарабия!».

Власти боярской Румынии бросили крупные силы на подавление революционно-освободительного восстания. Они открыли по восставшим огонь из морской дальнобойной артиллерии. Снова кнут и плетка засвистели в Бессарабии.

Татарбунарское восстание было подавлено с невиданной жестокостью. Но никакая жестокая расправа не могла подавить революционной борьбы бессарабцев за свое освобождение.

Днестр никогда не был глухой стеной, и весть о том, что на советской стороне Днестра создается Автономная Молдавская Республика, всколыхнула молдаван, стонавших под игом румынских помещиков и жандармов.

12 октября 1924 года в составе Украинской ССР была образована Молдавская АССР. Поздравляя своих земляков, Котовский говорил: «Это маяк, показывающий бессарабскому народу путь к освобождению от румынских помещиков».

В эти дни он только и говорил о будущем Советской Молдавии. Он мечтал о том, как на берегу Днестра вырастут светлые и просторные здания, заработают консервные заводы; днестровская вода пойдет по каналам в приднестровские степи.

Даря свою фотографию одному из командиров, Котовский написал под снимком: «На память об образовании Молдавской Автономной ССР, как первом этапе к освобождению рабочих и селян Бессарабии, стонущих от режима румынских бояр»^[49].

Котовский не переставал думать о том, какую бы помощь оказать молодой республике. Он направил на работу в Молдавию наиболее толковых и преданных людей, заботился о подготовке квалифицированных

партийных и советских кадров для Молдавии, посылал демобилизованных из корпуса молдаван учиться в Москву и Ленинград. Большая группа котовцев была принята в Коммунистический университет трудящихся Запада.

Котовский решил передать средства, собранные военной кооперацией корпуса, на укрепление материальной базы Молдавской республики. Он писал об этом своим друзьям в Бессарабскую коммуну: «Кооперацию передал Молдавской Республике. Конечно, мы пошли на жертву, чтобы создать материальную базу для нашей молодой республики».

На первой всемолдавской партийной конференции Котовский был избран членом Молдавского областного партийного Комитета КП(б)У.

Большевикам Молдавии предстояла колоссальная работа. С первых же шагов существования республики были намечены широкие планы: надо было побороть засуху и повысить урожай, осушить болота и плавни, выстроить на берегу Днестра водонасосные станции; по каналам искусственного орошения пустить днестровские воды в сухую степь... Надо было создать свою промышленность, выстроить электростанции, электрифицировать, приднестровские села, превратить республику в сплошной сад. Надо было создать свою культуру, свой театр, свои учебные заведения.

Временно столицей Автономной Молдавской Республики стал небольшой городок Балта. Котовский считал, что столицу республики следует перенести в Тирасполь, на самый берег Днестра, чтобы огни этой столицы были видны в Кишиневе, в будущей столице Молдавской Советской Республики.

Котовский выехал на 1 съезд трудящихся Молдавии. Жители Балты тепло встречали славного комкора.

На 1 съезде трудящихся Молдавии выступили и представители Бессарабии, которым удалось нелегально приехать в страну Советов. В их числе была женщина, приговоренная оккупантами к двадцати годам каторги за участие в революционном движении. Эта делегатка, недавно бежавшая из румынской тюрьмы, горячо приветствовала Григория Котовского. Она говорила о том, как хорошо помнят его на правом берегу Днестра. Тюремную башню, в которой он когда-то сидел, продолжают называть «башней Котовского». В ней томятся люди, осужденные за борьбу против оккупантов.

Весь съезд приветствовал Котовского как преданнейшего сына Молдавии, вся жизнь которого была целиком отдана советскому народу.

Глава третья

СЛАВА КОТОВСКОГО

За всю свою кипучую жизнь Котовский не знал отдыха.

Врачи настаивали, чтобы командир корпуса начал лечиться.

14 ноября 1924 года врачи и близкие взяли от Котовского «подписку» в том, что с 15 ноября он начинает «систематическое лечение до полного выздоровления, без всякого перерыва».

Но и на этот раз Котовский не использовал предоставленного ему отпуска. Он начал лечиться, выполняя предписанные процедуры, но через несколько дней опять с головой погрузился в свои повседневные дела — выезды в поле, совещания, хлопоты по хозяйству. «Систематическое лечение» прерывалось.

Наконец, летом 1925 года Григорий Иванович решил по-настоящему отдохнуть. Он отказался от курортного лечения и вместе с семьей выехал под Одессу, в Чебанку, в совхоз Цувоенпромхоза, где ему был предоставлен небольшой одноэтажный флигелек, обвитый плющом. Здесь можно было вдоволь насладиться морем и тишиной.

Котовский никак не мог привыкнуть к безмятежной жизни дачника. Он писал из Чебанки в корпус: «Отдых морально удовлетворяет мало. Не могу привыкнуть к бездельничанью». Рано утром он появлялся на пустынном берегу и кидался в море. Он любил купаться в волнах. Раскрасневшийся, выходил на берег и долго стоял, подставляя грудь теплему бризу.

Во время отдыха Григорий Иванович также старался придерживаться определенного распорядка дня. До четырех часов он сидел у раскрытого окна за книгами. Он читал «Капитал» Карла Маркса. Обдумывал сценарий о пережитом, о днях гражданской войны. Этим сценарием Котовский хотел увековечить память погибших героев кавалерийской бригады.

После обеда он с увлечением играл в крокет. Вначале ему мешала его огромная сила, но вскоре он в совершенстве овладел игрой, точно соразмеряя каждый удар.

Он часто бродил по окрестностям Чебанки, где завел дружбу с рыбаками. В этом селе уже десятилетиями жили поселенцы из Бессарабии. Их предками были чабаны, гонявшие скот из-за Днестра в Одессу. В Чебанке звучала молдавская речь. Часто по вечерам собирал Котовский вокруг себя селян и распевал с ними любимые молдавские песни.

На отдыхе у Григория Ивановича завязалась крепкая дружба с пионерами, раскинувшими свой лагерь в Лузановке. Несколько раз Котовский ездил к ним в гости. А пионеры приезжали к нему в Чебанку. Они пришли строем, под барабанную дробь. Пионеры постановили избрать Котовского почетным пионером. Они принесли с собой красный галстук, который тут же повязали Григорию Ивановичу. Все смеялись над тем, что галстук оказался явно не по размерам могучей шеи Котовского.

Котовский пошел провожать своих гостей. Он шел с ними по берегу моря, загорелый, широкоплечий, в сандалиях, в штатских брюках и в белой чесучевой косоворотке с расстегнутым воротом. Вечерами Котовский наслаждался морем; он любил смотреть на зажигавшиеся вдали огни Одессы. Отдых кончался. Котовский чувствовал неиссякаемый запас энергии и бодрости; посвежевший и загорелый, он производил впечатление необыкновенного здоровяка. Григорий Иванович был поглощен думами о предстоящих делах, готовился к поездке в Москву, к Народному Комиссару Михаилу Васильевичу Фрунзе, много говорил о том, какой размах нужно придать добровольному обществу Осоавиахим...

5 августа утром Григорий Иванович долго беседовал с директором совхоза, осматривал хозяйство; дольше обычного купался в море. На следующий день командир корпуса должен был выехать с семьей в Умань.

Вечером Котовский с женой был на квартире у директора совхоза. Там собрались агрономы и несколько человек гостей, приехавших из Одессы. Собравшиеся сидели на веранде. Григорий Иванович был весел, много смеялся и благодарил работников совхоза за гостеприимство.

Первой из-за стола поднялась Ольга Петровна. Она должна была скоро родить и рано ложилась спать.

Котовский остался с гостями. В этот тихий, благодатный вечер хотелось петь, и с веранды понеслось негромкое, но дружное пение...

Когда гости разошлись, Григорий Иванович медленными шагами направился к дому.

Вдруг один за другим раздались в тишине два выстрела.

Ольга Петровна, которая ждала Григория Ивановича, первая выбежала на выстрелы. В нескольких шагах от дома она увидела мужа, который лежал, вытянувшись во весь рост, лицом вниз, в луже крови...

Пуля попала в сердце.

Ночью в Москву, Харьков, Умань, Балту и Ободовку понеслись телеграммы:

«В Чебанке убит Котовский».

Михаил Васильевич Фрунзе, узнавший о гибели Котовского, диктуя

телеграмму бойцам осиротевшего корпуса, плакал у прямого провода. Тысячи людей в красноармейских казармах, в молдавских селах, пораженные горестным известием, в гневе сжимали кулаки...

Плакали о своем командире кавалеристы.

В Ободовке, в Бессарабской коммуне, котовцы окружили Орлика, доживавшего здесь свою старость... Понимал ли Орлик, почему так нежно смотрят на него люди и гладят его по рыжей, уже выцветшей шерсти?..

Котовский выходил невредимым из-под града пуль и пал от одной пули, выпущенной из маузера рукой подлого врага, стрелявшего из-за угла. Трудно было поверить, трудно было осознать, что его уже нет в живых. Безвременно оборвалась прекрасная жизнь Котовского. Он погиб в самом расцвете своих творческих сил.

Михаил Васильевич Фрунзе писал о гибели Котовского: «Случай беспрецедентный. Тот, у кого поднялась рука на такого человека, — или безумец, или предатель, какого еще не знала страна». Котовского убил подлейший предатель. В годы гражданской войны он подвизался в тыловых частях, выдавая себя то за адъютанта, то за порученца Котовского, хотя он никогда не был ни тем, ни другим. Он приехал в Чебанку с заранее обдуманной целью убить Котовского. Пойманный с поличным, он в своих показаниях сразу же начал путать и создавать всевозможные версии для того, чтобы замести следы и выгородить тех, чье задание он выполнял.

Котовского, как честнейшего и преданнейшего сына большевистской партии, убили злейшие враги народа — троцкистские выродки — агенты иностранных разведок. Вся страна была охвачена скорбью. На адрес корпуса непрерывным потоком неслись телеграммы с выражением соболезнования.

Весть о гибели борца за освобождение Бессарабии дошла и до бессарабцев. Студенты-бессарабцы в своем письме из Праги писали кавалеристам-котовцам:

«... Потеря тов. Котовского, одного из самоотверженных борцов за освобождение угнетенных трудящихся Молдавии, является тяжелым ударом для рабочих и крестьян Бессарабии, восьмой год стонущих под ярмом черной олигархии боярской Румынии. Но мы твердо верим, что место славного революционера займут сотни и тысячи новых борцов, которые до конца доведут дело освобождения трудящихся масс Бессарабии от ненавистного ига».

Румынские коммунисты в своем письме писали: «...Мы никогда не забудем его героизма, проявленного в борьбе за освобождение рабочего класса. Гибель товарища ни на минуту не остановит борьбы трудящихся за

свое освобождение, и по примеру погибшего дорогого товарища Котовского мы будем неустанно идти на борьбу с румынской буржуазией и буржуазией всего мира, которая угнетает бессарабский и румынский народы, для которых товарищ Котовский сделал все, что мог сделать».

...Рано утром 6 августа 1925 года проснувшаяся Одесса уже знала о том, что произошло ночью.

Сотни людей шли пешком в Чебанку.

В молчании смотрели жители села Чебанка на следы крови, видневшиеся на стене домика, обвитого плющом.

Из Лузановки пришел пионерский отряд; у места, где погиб Котовский, юные пионеры дали клятву в том, что они будут достойно чтить память славного командира.

Дорога из Чебанки в Одессу идет через Пересыпь. Зимой 1920 года по этой дороге, во главе с легендарным комбригом, мчались к Одессе ее освободители. А теперь по этой дороге тревожно спешили люди. Остановившаяся встречных, они спрашивали:

— Правда, что Котовского убили?

Из Чебанки тело Котовского доставили в здание Одесского медицинского института, где оно было набальзамировано.

В девять часов к медицинскому институту, с боевыми знаменами и оркестрами, подошли воинские части одесского гарнизона. К ним присоединились рабочие организации. На домах были вывешены красные флаги с траурными лентами. Во время переноса тела Котовского в дом Губисполкома на улицу вышли все жители Одессы.

Медленно двигалась траурная процессия...

Через колонный зал Губисполкома шли нескончаемым потоком люди, прощавшиеся со своим любимым героем.

Поперек зала было натянуто красное полотнище со словами:

«У праха Котовского даем клятву, что Бессарабия станет советской».

Гроб с телом Котовского покоился на возвышении под сенью тропических пальм и красных знамен. Глухо раздавались шаги смен почетного караула. Траурные звуки оркестра лились из открытых окон. Через зал проходили рабочие, крестьяне, красноармейцы, учителя, моряки и грузчики. В одной из смен почетного караула у гроба стояли пионеры. Они вглядывались в знакомое лицо погибшего героя и не могли сдержать слез.

Находившиеся в Одессе делегаты французских виноградарей посетили колонный зал Губисполкома и возложили на гроб венок с надписью: «Французские крестьяне-коммунисты — борцу за дело рабочих и

крестьян».

Из Москвы в Одессу прибыла делегация Реввоенсовета, возглавленная Семеном Михайловичем Буденным.

...Люди читали приказ Революционного военного совета СССР, напечатанный во всех центральных и местных газетах:

«6 августа в городе Одессе убит командир 2 кавалерийского корпуса тов. Котовский, Григорий Иванович.

Тов. Котовский — революционер-подпольщик, с первых дней гражданской войны стал в ряды Красной гвардии, а затем армии, командуя вначале горсточкой храбрых кавалеристов-партизан бессарабцев против оккупационных румынских войск. В дальнейшем этот отряд развернулся под его руководством в дивизион, полк, бригаду и, наконец, дивизию — 3 Бессарабскую.

Имя тов. Котовского и руководимые им части Красной конницы пользуются широкой известностью в армии и стране, в особенности же среди трудящихся Украины, где они в борьбе с германскими оккупантами, петлюровскими бандами, Деникиным и белополяками вписали в историю гражданской войны и Красной конницы ряд героических подвигов.

Не раз пули врагов ловили этого героя-командира в открытом бою. Не раз шпионы и бандиты готовили ему смерть из-за угла. Он оставался жив там, где, казалось, смерть была неизбежна.

И вот теперь предательская пуля убийцы вырвала его из наших рядов. Случай беспрецедентный. Тот, у кого поднялась рука на такого-человека, — или безумец, или предатель, какого еще не знала страна. Революционный суд воздаст должное преступнику, но не вернет стране и армии того, чье имя было грозой врагов, чья шашка была надежной защитой советской земли.

Красная Армия и Красная конница потеряли одного из лучших командиров. Союз Советских Социалистических Республик лишился преданнейшего делу революции бойца.

Прощай, дорогой товарищ!

Красная Армия сохранит о тебе память навсегда. На твоих боевых подвигах воспитывались сотни командиров. Они будут и впредь примером для бойцов Красной Армии в грядущих битвах за рабоче-крестьянское дело.

В увековечение памяти тов. Котовского 3 Бессарабской кавалерийской дивизии, организатором которой был тов. Котовский, присвоить его имя и впредь именовать „3 Бессарабская кавалерийская дивизия имени тов. Котовского“.

Народный комиссар по военным и морским делам и председатель РВС СССР М. Фрунзе»^[50].

Бойцам же 2 кавалерийского корпуса товарищ Фрунзе отправил телеграмму, также напечатанную в газетах:

«Сегодня мной получено донесение о смерти тов. Котовского. Известие это поражает своей неожиданностью. Выбыл лучший боевой командир всей Красной Армии. Погиб бессмысленной смертью в разгаре кипучей работы по укреплению военной мощи своего корпуса и в полном расцвете сил, здоровья и способностей. Знаю, что ряды бойцов славного корпуса охвачены чувством скорби и боли. Не увидят они больше перед собой своего командира-героя, не разводившего их к славным победам. Умолк навеки тот, чей голос был грозой для врагов советской земли и чья шашка была лучшей ее оградой.

Рука преступника не остановилась перед тем, что она поднимается против лучшего из защитников республики рабочих и крестьян. Она решилась на позорнейшее, подлейшее дело, результат которого будет на радость нашим врагам.

Вся Красная Армия сверху донизу переживает те же чувства тяжелой утраты и боли. От имени всех бойцов Красной Армии и Красного Флота, от имени рабоче-крестьянского правительства Союза ССР выражаю осиротелым бойцам корпуса горячее братское соболезнование. Пусть память и славное имя почившего героя-командира вечно живут в рядах бойцов его корпуса. Пусть и в мирное время, и в грозный час военных испытаний служит оно путеводной звездой в жизни и работе корпуса. Почившему комкору 2 вечная слава!»^[51].

...11 августа пролетарская Одесса провожала останки Котовского, которые должны были быть преданы земле на территории Молдавской республики, в Бирзуле, где намечалось строительство столицы автономной Молдавии.

Провожать Котовского вышла в полном составе вторая сессия Одесского Окрисполкома.

Это был последний путь Котовского по одесским улицам.

По обеим сторонам улиц, до самого вокзала, шпалерами выстроились войска. Все балконы, крыши и окна домов по дороге к вокзалу были заполнены людьми. Вечерело. Путь траурному шествию освещали факелы. Во главе процессии шли дети. Они несли венки из цветов Лузановки и Чебанки...

На лентах венков Одесса короткими словами выражала свою любовь и

признательность Котовскому:

«Преданнейшему сыну революции».

«Неустрасимому бойцу».

«Будем, Котовский, как ты, закалены и стойки».

На площади у вокзала состоялся траурный митинг.

...Траурный поезд отошел от одесского перрона. Тысячи глаз провожали удалявшийся красный огонек поезда. Поезд ушел в далекую тьму. На всем пути к Бирзуле, к железнодорожному полотну, к станциям и полустанкам шли люди проститься с любимым героем.

Во время коротких остановок возникали траурные митинги, на которых выступали недавние партизаны — соратники Котовского, рабочие, железнодорожники и селяне. На станции Раздельная траурный поезд встречала в полном составе 2 сессия ЦИКа АМССР.

2 сессия ЦИКа АМССР, в связи с гибелью Котовского, приняла обращение к рабочим и крестьянам Молдавии:

«2-я сессия Молдавского ЦИКа с большой скорбью и горечью несет вам весть о трагической смерти военного вождя молдавских трудящихся масс, грозы румынских бояр, члена Союзного, Украинского и Молдавского ЦИКа тов. Григория Ивановича Котовского.

Все свои годы тов. Котовский отдал служению интересам угнетенных трудящихся. Со дня Октябрьской революции Григорий Иванович — на боевом, революционном посту. Он — организатор Красной гвардии и один из славных победителей буржуазии в гражданской войне.

Имя тов. Котовского на устах каждого рабочего и крестьянина Молдавии, ибо нет дома в АМССР, где бы не было славного бойца „котовца“.

Когда началась организация АМССР, Григорий Иванович был одним из ее организаторов.

Первый Все молдавский Съезд Советов, считая товарища Котовского героем Молдавии, выбрал его членом Молдавского ЦИКа.

Волею Украинского правительства тело тов. Котовского будет предано земле на территории АМССР, которую он страстно любил и помогал строить, о возрождении которой, в виде воссоединения ее с Советской Бессарабией, он постоянно мечтал.

Умер Котовский! Умер молодым и сильным.

Смерть Котовского поразит скорбью сердца всех трудящихся его родной Молдавии. Его смерть заставит всех трудящихся АМССР удешевить свою энергию на строительстве нашей молодой республики.

Над могилой лучшего борца Молдавии крепче сплотим наши ряды.

Вечная и славная память герою Молдавии тов. Котовскому»^[52].

В 9 часов 20 минут 12 августа поезд подошел к станции Бирзула. Здесь должно было состояться погребение Котовского.

Со всего Приднестровья, на грузовиках, подводах и пешком устремлялись к Бирзуле люди отдать последний долг Котовскому. Среди них были и ветераны гражданской войны, и жители сел и местечек, которые защищал Котовский.

На бирзульской площади собрались трудящиеся города, делегаты молдавский сел, коммунары; сюда же на конях прибыли бойцы корпуса, которым командовал Котовский.

За конным строем разместились пулеметные тачанки, запряженные четверками.

Гроб несли командиры, лучшие боевые товарищи Котовского. Среди них был выдающийся полководец гражданской войны, водитель Красной конницы, товарищ Буденный.

Буденный поднялся на трибуну. Он говорил:

— В самые жестокие дни Котовский крепил рабоче-крестьянскую Красную Армию. Выходец из среды трудящихся, он был самоотверженный революционер и прекрасный командир.

И здесь, у могилы бойца, поклянемся: никто не сломит нас.

Дорогой товарищ Котовский! Ты ушел, но мы выполним заветы и задачи, завещанные нам Лениным, которые ты честно выполнял до конца...

В эти минуты над Одессой поднялись самолеты. Они летели к Бирзуле...

В большой светлой комнате жена Котовского слушала рокот самолетов, поднявшихся над городом провожать тело ее мужа. Она ждала рождения ребенка.

...Котовский лежал в гробу. На груди — золотое оружие, три ордена. В уголках рта — страдальческие морщинки. Правая рука на животе, левая вытянута, кулак сжат.

На всю площадь раздался звон шашек, вылетевших из ножен.

Солнце блестело на лезвиях клинков. Котовцы несли венки из желтых колосьев. Крупные, чистосортные зерна сыпались на могилу.

В нескольких шагах от могилы трехлетний белокурый Гришутка Котовский смотрел большими, изумленными глазами то на отца, то на бойцов. Вот он вздрогнул и заплакал: его испугал барабанный бой.

Сигнальщик взмахнул флажком. Раздался оружейный залп.

Во всех гарнизонах войск Украины и Крыма в эти минуты был дан салют из двадцати залпов.

Сильный ветер, налетевший внезапно во время похорон, развеял и заколыхал красные знамена с черными лентами. Он словно принес к открытой могиле Котовского скорбь его родных степей.

Паровозы вышли из депо, протяжные их гудки далеко разнеслись по степям и балкам.

...Вся бирзульская площадь, заполненная людьми, пела «Интернационал».

Боевые друзья опустили гроб в могилу.

Конники возвращались в Бердичев, Гайсин... Молдаване уходили в свой сады и виноградники...

Еще не успели завянуть цветы на свежей могиле Котовского, а в молдавских селах и степях уже создавались рассказы и песни о нем.

Устами миллионов начинала твориться легенда, полная правды и мужества.

Плещет крыжень сизокрылый
Над водой днестровской,
Ходит слава над могилой,
Где лежит Котовский...

(Эдуард Багрицкий)

23 февраля 1926 года в газете «Коммунист», органе ЦК и Харьковского Округкома КП(б)У, был опубликован написанный И. В. Сталиным некролог о Г. И. Котовском. Прекрасная сталинская характеристика Котовского, как «храбрейшего среди скромных наших командиров и скромнейшего среди храбрых» на века запечатлела светлый образ славного героя.

Имя Котовского записано и на страницах бессмертной книги — «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)», «Краткий курс» — среди имен самых славных героев-самородков гражданской войны.

Над нашей землей, над колхозными полями звучат песни о героях гражданской войны, среди них — песни о Григории Котовском. Его именем называются поселки, корабли, стадионы и дивизии, колхозы, совхозы и пионерские отряды. О нем вспоминают в аудиториях военных академий, на колхозных собраниях, в музеях и картинных галереях.

Именем Котовского названы улицы в городах Украины и Молдавии.

Дорога, по которой Котовский вступал в Одессу, называется «Шлях Котовского».

В Тамбовской области именем Котовского назван крупный индустриальный центр, город, раскинувшийся на берегу реки Цна, — Котовск.

Бирзула также переименована в город и станцию Котовск.

Могила Котовского — у самого полотна железной дороги. Мимо нее, к Одессе, Киеву, Первомайску проносятся поезда: почтовые, пассажирские, товарные... Каждую весну приходили люди к могиле Котовского, красили изгородь, сажали цветы, посыпали землю чистым песком. Колхозники привезли сюда камень и гранит. Они помогали скульптору построить памятник своему любимому герою.

По настоянию молдавских колхозников над могилой был воздвигнут памятник-трибуна.

Трибуну окаймляли барельефы, изображавшие стремительных кавалеристов.

У самого подножья памятника был разбит стадион.

Трибуна возвышалась над футбольным полем, беговой дорожкой, над площадками и турниками.

С памятника-трибуны, сквозь ветви деревьев, виднелись далекие просторы южных степей, уходящих к Черному морю и к Днестру.

...Каждый год, когда тают снега на Карпатах, мутнеют днестровские воды. Сотни лет выходили они из берегов, заливая сады и виноградники. От летних наводнений Днестра гибли урожаи садов. И молдаване стали укреплять левый берег этой реки. По всей реке сооружались насыпи и заградительные валы.

Укрошенную днестровскую воду большевики использовали для того, чтобы питать влагой засушливые степи. На советском берегу заработали водонасосные станции. Они несли воду в степь. Воды Днестра орошали тысячи гектаров земли, новые сады, огороды, виноградники...

Весной республика превращалась в сплошной сад; лепестки отцветающих абрикосов, вишен и яблонь засыпали землю, как снег. В августе деревья колхозных и совхозных садов изнемогали под тяжестью налитых, сочных плодов. Высились трубы консервных заводов. Миллионы банок фруктовых и овощных консервов, большое количество свежих фруктов и вина давала каждый год стране Автономная Молдавская Республика.

...Мирно дышали электростанции на советском берегу. А с той стороны Днестра, в Кицканах, в Бендерах смотрели бессарабские

молдаване на левый берег, на огни молодой республики, которая цвела и наливалась соками.

...Порабощенный народ, живший на той стороне Днестра под властью помещиков и оккупантов, хранил в своей памяти образ Котовского, как символ своего освобождения.

В разных местах Бессарабии вековые дубы назывались именем Котовского: «Стежарул луй Котовский». Под одним дубом, по рассказам старожил, Котовский отдыхал, под другим поджидал врагов, а под некоторыми прятал свой клад. Но этот клад не из золота, не из серебра, не из рубинов и не из кораллов. Клад Котовского — в шуме ветвей зеленого леса, в вольной песне ветра, и каждый может найти этот клад... Этот клад — завет Котовского: «Не быть бессловесной скотиной под боярким ярмом, а бороться с врагами и завоевывать лучшую жизнь для своего народа». — Так говорили на той стороне Днестра.

Неисчерпаемый «клад Котовского» помогал бессарабцам в их непрекращающейся революционной борьбе.

Возвращения Котовского ждали с нетерпением. Люди говорили: «Придет Котовский». Когда королевские жандармы глумились над беззащитным народом, из уст людей не раз вырывались слова: «Нет на вас Котовского!».

Легенды и песни о народном герое рождались и в Бессарабии, и в садах Тамбовщины, и на Балканах, неслись над Днестром и Дунаем. О Котовском поют лесорубы. Ведь он — первый лесоруб. Одним ударом валит дерево. У рыбаков он — капитан. У виноградарей — виноградарь. Он все умеет. Всякую жизнь изучил.

В народной болгарской поэме о Котовском рассказывается, как враги пытались похитить саблю Котовского, но в первом же бою сабля обернулась против бояр-душегубов.

Много было на свете юнаков,
Много было гайдуков храбрых,
Но таких, как Григорий Котовский,
Не видали дунайские воды,
Не видали днестровские плесы,
Бессарабская степь не видала.
Тонкой саблей стальной да острой,
Порубил он панов без счета,
Проучил чорбаджиев злобных,
Только смерти своею саблей

Зарубить он не смог, бедняга!
Лили девушки синие слезы,
Молодицы навзрыд рыдали,
Почернели дубы да сосны,
Пожелтели высокие травы,
Облетели ржавые листья,
Стали волны морские горше,
Умер, умер юнак великий!
Умер, умер орел Котовский!
Порешили паны-бояре
Отобрать у народа саблю.
Командирскую саблю стальную,
Что беречь наказал Григорий.
«В этой сабле заклЯтой — сила!» —
Говорили паны-бояре,
«Этой саблей народ порубим!» —
Говорили паны-бояре.
Подослали кодошей хитрых,
И украли кодоши саблю.
Это было осенней ночью,
Ночью темною и беззвездной,
Когда ветер гуляет в поле,
Когда горе в два пальца свищет
И шуршат под дождем холодным
Облетевшие черные листья.
Даже совы в ту ночь молчали,
Даже волки в ту ночь не выли...
Только филин кричал протяжно,
Но не мог разбудить юнаков.
Утащили кодоши саблю.
Ликовали паны-бояре,
Пили водку три дня и три ночи.
«Этой саблей порубим красных,
Этой саблей народ порубим,
Ничего нам теперь не страшно!»
Чорбаджии ножи точили,
Чорбаджии чистили ружья.
«Мы отнимем обратно землю,
Бедняков на дубах повесим,

Удобрим огороды кровью,
Ничего нам теперь не страшно!»
Поседлали коней солдаты.
Подпалили бояре села
И пошли на народ войною.
Зашумели лесные тущобы,
Застонали поля и степи.
Старый пан, душегуб проклятый,
Лихо саблей Котовского машет:
Не страшны, мол, теперь юнаки
Выходите, котовцы, биться!
Услыхали юнаки пана,
На коней повскакали гневно
«Не потерпим панской обиды!
Не ослабли юнацкие руки,
Не заржавели сабли стальные,
Собирайся, народ, подымайся,
Отомстим за бедняцкую долю!»
Словно горы сдвинулись с места —
Застонала земля под конями,
Засверкали, как молнии, шашки,
Загудели от выстрелов степи,
Затрещали наганы и ружья
Пыль взметнулась до самого неба,
Словно буйные ветры степные,
На панов налетели юнаки
Вынул пан, душегуб и насильник,
Командирскую саблю стальную:
«Вас юнаков, нынче порубим,
Мы боярам добудем победу!»
Замахнулся он саблей, ударил,
Зазвенела Котовского сабля,
Всех панов да бояр порубила.
Чорбаджии ножи побросали.
Закричали: «Спасайся, кто может!
Не к добру эту саблю украли!»
Замахнулся вторично насильник
Командирскою тонкою саблей,
Да и снес себе голову дурью.

Отомстила Котовского сабля,
Отомстила панам да боярам,
Отомстила за смерть командира,
За бедняцкую долю-недолю.
Побежали тогда мироеды,
Повернули коней чорбаджии.
Только их порубили юнаки:
Ни один не ушел и не спасся.
Привезли командирскую саблю
В старый Кремль над Москвою-рекою.
Сталин саблю Котовского принял,
Сталин саблю заботливо вытер,
Сталин саблю на стенку повесил
И сказал, улыбаясь, юнакам:
«Много сабель скуем да наточим,
Звонких сабель для боя пригодных,
Много сабель подарим юнакам,
Ну, а эту, Котовского саблю,
Дам тому, кто всех будет храбрее,
Кто всех будет храбрей да смелее,
Кто всех будет верней да честнее,
В ком Котовского сердце забьется,
Богатырское сердце стальное».

28 июня 1940 года в 14.00 советские части перешли временную румынскую границу на всем протяжении Бессарабии. Исполнилась заветная мечта Котовского, мечта всех трудящихся Молдавии: Бессарабия, насильственно отторгнутая боярской Румынией от Советского Союза, вновь воссоединилась со всей советской землей.

Трудящиеся Бессарабии были освобождены из-под помещичье-капиталистического гнета.

Двадцать два года Днестр разделял единокровных братьев.

С великой надеждой смотрели трудящиеся Бессарабии на левый берег Днестра. Они верили, что советский народ вырвет их из кровавых лап румынских бояр.

Двадцать два года угнетенный народ ждал часа своего освобождения.

Хотя весть о трагической гибели Котовского в свое время дошла и до Бессарабии, но народ не верил, что Котовского нет в живых. На правом

берегу Днестра говорили о том, что Котовский жив, он выполнит клятву и вернет свободу своим землякам.

— Тот, кто последним покинул нашу землю, должен первым войти в нее, — так говорили люди.

Всматриваясь в лица советских командиров, ехавших на горячих конях впереди своих частей, они искали Котовского. И говорили о том, что Красная Армия выполнила клятву, которую он дал, покидая родную землю.

В эти дни народного счастья и торжества Котовского вспоминали особенно часто. Его имя с любовью и признательностью произносили на митингах, с наспех сколоченных трибун. Это он предсказывал, что освобождение Бессарабии не за горами.

Это с его именем молдавский народ связывал надежды на свое освобождение.

Память о Котовском народ пронес через все тяжелые годы боярской неволи.

Красная Армия вступила в Кишинев. Раскрылись массивные железные ворота кишиневской тюрьмы. Политические заключенные, много лет томившиеся в мрачных казематах, вышли на свободу.

Сотни красноармейцев, осматривая тюрьму, подымались по витой лестнице в камеру под самой крышей и поражались тому, как это Котовскому удалось когда-то бежать из этого каменного мешка.

По шоссе Кишинев — Ганчешты продвигались вперед красноармейские части. Проходя мимо Ганчешт, они узнали, что здесь родился и провел свои детские годы славный герой гражданской войны Григорий Иванович Котовский. Была подана команда пройти мимо села и местечка церемониальным маршем. И воины шли, удивляя и восхищая своей выправкой земляков Котовского.

С первых же дней освобождения Бессарабии началось паломничество в Ганчешты. В ганчештской школе красноармейцы разглядывали сохранившуюся парту, на которой сидел Котовский (на ней было вырезано ножичком «Кото»), расспрашивали седых сестер Котовского, подолгу беседовали с ганчештским старожилом Михаилом Попеску...

Нагибаясь, входили красноармейцы в старый домик, в котором Котовский провел детские годы.

Сестры Котовского рассказывали о том, как тяжело жилось им во время оккупации, — ведь оккупационные власти знали, что их брат — «большевистский генерал».

...2 августа 1940 года, по постановлению 7 сессии Верховного Совета СССР, была образована Молдавская ССР.

В семью советских народов вошла единая свободная Советская Молдавия.

Воссоединенный в едином государстве свободный молдавский народ славил и благодарил великого Сталина.

Русский и все другие братские народы Советского Союза протянули Молдавской республике дружескую руку помощи.

У молдавского народа будто выросли крылья. Там, где годами царила нужда и подавляющее большинство населения не умело даже читать, где изуверствовали помещики и где свободолюбивые сыны народа гибли) в тюрьмах и на каторге, начался чудесный процесс становления новой социалистической жизни.

6 августа 1940 года Молдавия, впервые на обоих берегах Днестра, отмечала пятнадцатую годовщину со дня смерти Г. И. Котовского. Горячо вспоминали в этот день любимого народного героя на торжественных собраниях во многих городах и селах. В Кишиневе был заложен памятник Котовскому. В Ганчештах, на родине героя, состоялось открытие его памятника и воинский парад.

Спустилось покрывало с памятника. Скульптор изобразил Котовского со всеми боевыми орденами, с клинком, зажатым в могучей руке. Таким не видели еще Ганчешты своего земляка.

У памятника стояли старики, которых Григорий Котовский еще тридцать пять лет тому назад призывал бороться за свободу, за лучшую жизнь. Далекий образ отважного юноши всегда оставался для них близким и родным; теперь же он предстал перед ними в своей полной славе.

Ганчешты стали носить имя Котовского.

Счастье освобожденного молдавского народа было нарушено вероломным нападением гитлеровской Германии.

Фашистские изверги хотели повернуть историю вспять.

Немецко-румынские захватчики разбили памятники, воздвигнутые Котовскому в Умани и на родине героя, в Молдавии. Она надругались и над его прахом в городе Котовске.

Письменными показаниями местных жителей было установлено, что 5 августа 1941 года румыно-немецкие войска, ворвавшиеся в город, разрушили исторический памятник-трибуну над могилой Котовского, а над его гробом и прахом учинили чудовищное надругательство.

Только после освобождения Котовска, благодаря усилиям граждан города, было установлено место, где находился похищенный врагами гроб с прахом героя. После раскрытия ямы было обнаружено, что цинковый гроб Котовского разбит, расплюсчен, останки перевернуты и перемешаны с

землей и битым стеклом.

Котовский и мертвый был страшен врагам нашей Родины.

Варвары не пощадили пожилую женщину Елену Ивановну Флорю-Котовскую за то, что она любила своего брата и гордилась им, за то, что она ездила в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, за то, что была избрана председателем сельского Совета. Эта скромная женщина достойно вела себя в свой предсмертный час. Изверги вытащили ее из дома на улицу и начали избивать, согнав к месту расправы жителей села.

Фашисты били сестру Котовского и торжествующе приговаривали:

— Пусть теперь тебе поможет твой брат.

Фашистские изверги еще не знали тогда, как отомстят им за страдания советского народа верные сыны родины, бойцы победоносной Советской Армии.

Недаром народ воспевал саблю Котовского. Героический образ легендарного героя гражданской войны вдохновлял советских воинов в боях Великой Отечественной войны. Жизнь Котовского была для них школой мужества и героизма.

Корпусу, организованному Котовским, за боевые подвиги в боях Великой Отечественной войны было присвоено звание Гвардейского кавалерийского корпуса.

Великий путь славы прошла дивизия, выпестованная Котовским и носящая его имя. Дивизия эта была награждена орденами и много раз упоминалась в приказах Верховного Главнокомандующего.

Именем Котовского и на Украине, и в Белоруссии, и в Молдавии называли себя многие отважные партизанские отряды. Они учились у Котовского побеждать врага малыми силами и наносить ему смелые, ошеломляющие удары.

Молдавские партизаны громили фашистов, не давали им покоя ни днем, ни ночью.

Вот одно из донесений отряда молдавских партизан имени Котовского от 24 августа 1944 года:

«Немцы, находящиеся в окружении, метались по всем дорогам в хаотическом состоянии, ехали, сами не зная куда. Одни бежали на север, вторые — на запад, третьи — на юг. Разбитые воинские части мешались между собой. В результате дневной работы отряда, на двух километрах лесной дороги были уничтожены всем отрядом пять автомашин и 68 немецко-румынских солдат и офицеров. Захвачено одиннадцать повозок противника с продуктами питания, обмундирование и прочее. В этих боях личный состав, отряда бил врага по-котовски».^[53]

Советские партизаны учились на боевом опыте Котовского.

Примером своей замечательной жизни Котовский звал советских людей на борьбу до последней капли крови за нашу землю, за родину, за коммунизм!

Недолго пришлось немецко-фашистским извергам топтать землю родной Котовскому Молдавии.

В августе 1944 года советские войска в районе Кишинев — Яссы окружили и разбили наголову двадцать две немецких дивизии.

Сильные бои происходили и на родине Котовского, у Ганчештской дороги. Земля покрыта была там трупами уничтоженных врагов.

Это был знаменитый седьмой удар, нанесенный Советской Армией фашистским захватчиком. Одним из важнейших результатов этого удара было освобождение Молдавской Советской Республики от ига оккупантов.

Советская Армия, руководимая непревзойденным полководческим гением великого Сталина, с честью выполнила свою историческую освободительную миссию. Она очистила родную землю от фашистской нечисти и принесла свободу народам Европы.

После победоносного окончания Великой Отечественной войны Молдавия, вместе с другими братскими советскими народами, под мудрым водительством партии Ленина — Сталина и при могучей поддержке своего старшего брата — русского народа, успешно залечивает раны, нанесенные войной, и идет вперед по пути к коммунизму.

Освобожденная Молдавия высоко чтит память своего народного героя. Еще ярче засияла «слава над могилой, где лежит Котовский».

На берегах Днестра стучат топоры, звенят пилы, гудят тракторы, льется праздничная дойна...

С виноградником и нивой
Слит в одно герой Котовский.
Он живет в душе народа
Вечно юный, боевой!
В светлой памяти народа
Не стареет наш Котовский!
Дальше, дальше мчится время, —
Все Котовский молодой.

(Из письма молдавского народа Великому Сталину).

Котовский непрестанно мечтал о счастливом будущем человечества,

озаренном сиянием коммунизма. Вся его жизнь была неудержимым порывом к этому будущему. Память о Котовском дорога всему советскому народу.

Самым лучшим памятником Котовскому, самой высокой посмертной его наградой являются слова Генералиссимуса Сталина, вождя, учителя и друга трудящихся всего мира:

«Храбрый среди скромных наших командиров и скромнейший среди храбрых — таким помню я т. Котовского. Вечная ему память и слава».

notes

Примечания

1

Жок — народный танец.

История ВКП(б), Краткий курс, стр. 57.

Газета «Бессарабия» № 32, 22 февраля 1906 года.

Из протокола допроса обвиняемого Г. И. Котовского от 26 февраля-1906 года. Смотритель Костюженской больницы Сериогла отличался злоупотреблениями по службе и жестоким обращением с подчиненными.

«Бессарабская жизнь», 1 июля 1906 г.

Газета «Бессарабская жизнь», 13 сентября 1906 года.

Молдавский Республиканский музей Г. И. Котовского.

Центральный государственный архив УССР. Ф. «Одесский военно-окружной суд 1916 г.» Дело № 419, стр. 16.

История гражданской войны в СССР, том. 2, стр. 482.

Центральный государственный архив Красной Армии. Личное дело Г. И. Котовского.

Партархив Одесского обкома КП(б)У, стенограмма 2 съезда Румчерода.

И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 10, стр. 359.

Молдавский Республиканский музей Г. И. Котовского.

История ВКП(б). Краткий курс, стр. 217–218.

И. В. Сталин. Сочинения, том 4, стр. 47.

История ВКП(б). Краткий курс, стр. 225.

История ВКП(б). Краткий курс, стр. 227.

ЦГАКА, ф. 1421, оп. 2, д. 11, л. 4.

ЦГАКА, д. 302–721, стр. 3–4.

ЦГАКА, ф. 1423, оп. 3, д. 2.

Ленин. Собрание сочинений, т. XXIV, стр. 488.

История ВКП(б). Краткий курс, стр. 228.

Ленин. Собрание сочинений, т. XXIV, стр. 655.

Молдавский Республиканский музей Г. И. Котовского.

ЦГАКА, ф. 1402, о. 2, д. 116, л 62.

Молдавский Республиканский музей Г. И. Котовского.

Партархив ЦК КП(б) Молдавии.

Молдавский Республиканский музей Г. И. Котовского.

История ВКП(б). Краткий курс, стр. 230.

Гарматы (укр.) — орудия.

И. В. Сталин. Сочинения, том. 4, стр. 329–330.

И. Сталин. Статъи и речи об Украине. Сборник. Партиздат ЦК КП(б)У
1936 г., стр. 239

ЦГАКА, ф. 1423, оп. 3, д. 31, л. 286.

ЦГАКА, Ф. 1423, оп. 3, д. 31, л. 381.

Молдавский Республиканский музей Г. И. Котовского.

История ВКП(б). Краткий курс, стр. 231.

Парта́рхив О́десского обкома КП(б)У, фонд № 3, дело 1109.

ЦГАКА, д. № 223–102–4, стр. 1–3.

История ВКП(б). Краткий курс, стр. 232.

ЦГАКА, ф. 7640, он. 3, д. 107, л. 11.

ЦГАКА, сборник приказов Реввоенсовета республики за 1921 год.

Николай Островский. Речи, статьи, письма. М. 1940 г., стр. 56.

ЦГАКА, ф. 235, оп. 2, д. 28, л. 65–69.

История ВКП(б), Краткий курс, стр. 237.

Молдавский Республиканский музей Г. И. Котовского.

ЦГАКА, ф. 15, оп. 3, д. 10, л. 838.

ЦГАКА. Личное дело Г. И. Котовского

Молдавский Республиканский музей Г. И. Котовского.

Молдавский Республиканский музей Г. И. Котовского.

Молдавский Республиканский музей Г. И. Котовского.

Там же.

Молдавский Республиканский музей Г. И. Котовского.

Партархив ЦК КП(б) Молдавии.